

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ  
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

# Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,  
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК  
XXXVII

№ 2  
апрель–июнь

ТАШКЕНТ  
2015



**По благословению  
высокопреосвященнейшего  
ВИКЕНТИА,  
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,  
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

**Главный редактор**  
Евгений АБДУЛЛАЕВ

**Литературный редактор**  
Лейла ШАХНАЗАРОВА

**Редакционный совет**  
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН  
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО  
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ  
Валерий ГЕРМАНОВ  
Роман ДОРОФЕЕВ  
Вадим МУРАТХАНОВ  
Рубен НАЗАРЬЯН  
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ  
Кирилл СУЛТАНОВ  
Алексей УСТИМЕНКО  
Юрий ФЛЫГИН

**На обложках:**

- Стр. 1: Крестный ход в Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента, вторая половина 1940-х (с. 42–71). Концерт для ветеранов Великой Отечественной войны (с. 15).
- Стр. 2: Сцены из жития св. преп. Петра, царевича Ордынского (с. 6–13).
- Стр. 3: Самаркандский храм Покрова Божией Матери (с. 33–42).

**Восток Свыше. 2015, № 2 (XXXVII)**

© Ташкентское и Узбеккистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви  
© Журнал «Восток Свыше»

**...Посетил нас Восток свыше,  
просветить сидящих во тьме и тени смертной,  
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

## **СО Д Е Р Ж А Н И Е**

### **СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН**

*Сергей ВАСИЛЬЕВ.* «В деревне ночь черней чернил...» ..... 5

### **СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ**

Календарные страницы *Главного редактора*

Святой потомок Чингисхана. 725 лет преставления преподобного  
Петра, царевича Ордынского (Ростовского) (30 июня 1290 года) .... 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

День Победы, монашеские постриги и другие события ..... 14

### **ПРАВОСЛАВИЕ: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ**

*Алексей КАМЕНСКИХ.* «Византия после Византии», или Образ

Второго Рима сквозь призму Третьего ..... 18

*Олег КОКИН.* Русская Православная Церковь и Второй

Ватиканский собор ..... 26

### **ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА**

*Александр ГАЛАК, Елена ЛАРИНА.* Самаркандский храм Покрова

Божией Матери ..... 33

### **К 70-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**Тема: Православная церковь в Узбекистане в 1940-е годы**

*Юрий ФЛЫГИН.* «Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа» ..... 42

*Светлана АСАНОВА.* Православная церковь в Средней Азии

в 1941–1945 годах ..... 51

«Участвовало в стяжении победы...» Документы о служении  
православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годах.

*Публикация Е. Абдуллаева* ..... 56

*Роман ДОРОФЕЕВ.* Закат туркестанского обновленчества и миссия

архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов ..... 61

Содержание (окончание)

*Александр ДЖУМАЕВ.* «Ничего нельзя сравнить с таким цветущим садом, как наш Ташкент...» Культурная жизнь военного Ташкента в документах и воспоминаниях ..... 72

**ИСКУССТВО ПАМЯТИ**

*Виктор МОИСЕЕНКО.* Дядя Лёша, дядя Коля и другие. Сырдарьинские этюды ..... 82

**БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ**

*Евгений БЕТГЕР.* «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» Страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана имени А. Навои ..... 98

*Наталья СЕЛУЯНОВА.* Семейная хроника Селуяновых. Публикация *О. Илюшкиной* ..... 108

**ORIENTALIA**

*Камол ШАНИЯЗОВ.* Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-мусульманских историков. По «Книге истории» ал-Йа'куби и «Истории пророков и царей» ат-Табари. (Предисловие и перевод) ..... 117

**ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО**

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО* Исцеление расслабленных ..... 131

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА* О богатых возможностях «бедной религии» ..... 135

Социальные страницы *Лилии КАЛАУС* О пользе сериалов ..... 138

**Авторы номера** ..... 142

**Информация для авторов** ..... 143

---

## СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

*Сергей ВАСИЛЬЕВ*

В деревне ночь черней чернил,  
Но день светлей иконостаса.  
Я всех уже похоронил,  
Дождаться б Яблочного Спаса.

Антоновка не умерла,  
Вода жива на дне колодца.  
Пить Божью мудрость из горла –  
Вот что в деревне остается.

Календарные страницы *главного редактора*

## СВЯТОЙ ПОТОМОК ЧИНГИСХАНА

*725 лет преставления преподобного Петра, царевича Ордынского (Ростовского)  
(30 июня 1290 года)*

Звали его Даир. Царевич Даир Кайдагул, правнук Чингисхана и племянник хана Берке, тогдашнего правителя Орды.

В 1238 году произошел разгром русских войск на реке Сити. Владимирский князь Юрий Всеволодович был убит, его голова была поднесена Батыю. Обезглавленное тело князя отыскал на поле боя епископ Ростовский Кирилл и похоронил его.

Русь окончательно попадает под власть Орды.

Власть эта, однако, не была сплошной чередой набегов и притеснений, как ее позже изобразят историки.

В 1253 году тот самый епископ Кирилл, предавший земле тело князя Юрия, отправляется в Орду к хану Берке – просить на храм Успения Пресвятой Богородицы.

Поездка была успешной. Святитель проповедовал перед ханом евангельское учение, рассказывал о епископе Леонтии, крестившем Ростов, об исцелениях и прочих чудесах, совершаемых в Ростове у мощей святого Леонтия.

Хан слушал епископа охотно, пожаловал ему все, о чем тот просил, и отпустил с честью.

Вскоре заболел единственный сын хана. Не обрета от ордынских врачей никакой пользы, хан вспомнил о ростовском епископе.

Епископ Кирилл велел петь молебны о здоровье ханского сына по всем ростовским церквам, а сам, освятив воду, отправился в Орду.

«Пришед в татары», епископ окропил ханского сына святой водой и исцелил его. Обрадованный хан приказал ярославским князьям отдавать ежегодную дань Орде на храм пресвятой Богородицы.

Сам хан Берке к тому времени был уже мусульманином.

Впрочем, единой, «государственной» веры в Орде тогда не было. Одни ханы приняли ислам, другие – христианство несторианского толка, третьи оставались язычниками.

Язычником был и юный хан Даир, состоявший в свите Берке.

Слушая поучения епископа Кирилла, Даир, как сообщает летопись, «умилися душою и прослезился, выходя на поле уединяся и размышляя: “Како си веруют цари наши солнцу сему и месяцу, и звездам и огневи. И кто сей есть истинный Бог?”».

Юный хан принял решение. Часть своих богатств он раздал «нищим татарским», часть передал епископу Кириллу. И упросил епископа взять его с собой, в Ростов.

Только ли желание познать истинную веру двигало молодым ханом, – или его отъезд был вызван опалой, как полагают историки? Этого мы точно не знаем. Вряд ли епископ, дороживший расположением хана, решился приютить опального царевича. Поездка Даира в Ростов произошла, скорее всего, с ведома хана.

Прибыл юный хан в Ростов. Увидел церковь Богородицы (Успенский собор), убранную «златом и жемчюгом и драгым камением, акы невесту украшену». Стоял, пораженный, слушая доброгласное клиросное пение.

Стал Даир просить владыку Кирилла крестить его. Епископ, однако, не торопился. Или хотел испытать веру юного княжича. Да и не знал, как отнесется к этому Орда.

Ростовом в это время правил князь Борис Василькович, правитель мудрый, ухищренный в книжном знании, хотя и своенравный. С Ордою дружил, ездил туда по разным делам чаще других князей.

В 1261 году, когда епископу Кириллу по немощи стало тяжело управлять епархией, он вместе с князем Александром Невским утвердит в помощники Кириллу архимандрита Игнатия.

В 1262 году епископ Кирилл отошел ко Господу. Хан Берке повелел ярославским князьям ежегодно жертвовать на украшение его гробницы.

Ростовским епископом стал Игнатий, позже, как и Кирилл, прославленный Церковью в лике святых.

Через четыре года, в 1266 году, во время похода на Тбилиси, умирает хан Берке.

Князь Даир принимает крещение под именем Петра.

Епископ Игнатий отправляется в Орду за дарами для своей епархии.

Петр же возрастал в вере, молясь и соблюдая посты.

Не забыл Петр и прежние свои ханские утехи: ездил иногда на соколиную охоту в леса, что стояли тогда вокруг озера Неро.

Раз, утомленный охотой, уснул.

Был вечер, солнце ушло за вершины леса и едва проблескивало за стволами. Царевич лежал на низкой лесной траве, засыпанной сухой хвоей, поодаль паслась лошадь.

Быстро темнело. Внезапно тело спящего, земля, стволы – все осветилось. Заржала лошадь. Царевич открыл глаза.

Над ним стояли, склонившись, двое дивных мужей, и лик их блистал, как солнце.

«Друже Петре, – сказали они, – услышана молитва твоя, и милостыня твоя возшла пред Богом».

Петр вскочил, но тотчас от страха снова пал. Трижды поклонился им до земли.

«Друже Петре, не бойся! – продолжали светлые мужи. – Мы посланы Богом, в которого ты уверовал и крестился. Бог укрепит род твой и племя твое и потомков твоих до скончания мира, вознаградит тебя за милостыню, и за труды свои удостоишься вечных благ!».

И, подав ему два мешца, один со златом, другой со серебром, велели идти утром на торг и выменять за часть монет три иконы. Одну – Пресвятой Богородицы с Младенцем, другую – святого Димитрия Солунского, третью – святого Николая Чудотворца. И чтобы с иконником не рядился, а отдал за иконы столько, сколько тот спросит.

Петр же, «собра ума», спросил: «А что же я отвечу, господа мои, если спросят меня, откуда у меня кошель? И сами вы кто такие будете?».

«Мешцы спрячь за пазуху, чтоб никто о них не ведал. А попросят у тебя за иконы девять серебряных монет, а десятую златую. Потом ступай к епископу с иконами и скажи ему так: “Петр и Павел, апостолы Христовы, послали меня к тебе, чтоб ты построил церковь над озером там, где я спал. А это знаменья от них – иконы и мешцы со златом и серебром; что велишь с ними делать?”. Как он прикажет, так и сделай».

И стали невидимыми.

В ту же ночь явились оба святых апостола и епископу Игнатию. Повелели ему устроить церковь, где укажет татарский княжич, и освятить их именами.

Встал епископ Игнатий ото сна и стал размышлять о видении. Велел звать к себе князя Ростовского, Бориса Васильковича.

«Не знаю, что и делать, – сказал он князю. – Явились мне Петр и Павел, точно как на иконе, и устрашили меня. Приказали устроить церковь, а где и как, я не уразумел!».

«Да, – отвечал князь, – заметил я, господине, что ты от ужаса не в себе».

А сам глядит в окошко и видит такую картину. Идет из собора Пресвятой Богородицы княжич ордынский, Петр, и несет пред собою иконы. А от тех икон сияние, как огненный столб, выше колокольни.

Тут сам князь испугался: «Гляди, – говорит, – владыка, огонь какой-то!». Владыка глянул – и тоже столп огненный видит. А кроме князя и епископа, никто того пламени не видел.

Принес Петр иконы, поставил их перед епископом и князем и говорит, как его святые научили.

Поклонились князь и епископ святым иконам. А сами дивятся, откуда они: не было тогда во всем Ростове своих иконников. А Петр был еще юношей, не мог их написать. Да и где ему было обучиться образу писать, не в Орде же!

После утрени владыка Игнатий отслужил молебны Пресвятой Богородице, святому Дмитрию и святому Николаю. Запрягли колесницу, вынес княжич Петр иконы и поехал к тому месту, где явились ему святые. А владыка, князь и весь город шли за колесницей с пением. Прибыв туда, отслужили молебен апостолам, поставили часовенку, из города с собой привезенную, и огородили место тыном.

Дальше произошло, однако, нечто не совсем ожидаемое.

Сел князь Борис на коня и, «глумясь», сказал Петру: «Пусть владыка устраивает тут тебе церковь, а земли этой тебе не дам!».



Может, место это ему самому приглянулось. Может, власть свою княжескую показать хотел. Может, вспомнил о мешцах, которые у Петра видел: пока те в епископскую казну не уплыли, решил в княжескую казну их направить. Или просто испытать решил щедрость царевича, вспомянув слова Илии-пророка: «Горсть муки не оскудеет, ушат воды не погибнет, чванец масла не умалится».

Петр на это кротко отвечал: «Повелением, княже, святых апостолов, готов купить у тебя земли столько, сколько выделит для этого твоя милость».

«Скажи, Петре, – сказал князь, поразмыслив, – а можешь ты за землю отдать мне, как за иконы, – девять гривен серебра, а десятую – злата, только выложи их так, чтоб всю межу покрыть?».

«Приходившие ко мне апостолы наказали – как повелит епископ, так и делать».

Епископ наблюдал за этим разговором и дивился. Как Петр подошел к нему, он благословил его крестом: «Господь нас учил, чадо мое Петре: всякому просящему у тебя дай. А за щедрость твою, по молитве святых апостолов, род твой будет благословен».

Приказал князь окружить мерной веревкой место под церковь: от озера до ворот часовни, от ворот до угла, а потом опять до озера.

Петр же говорит: «Вели, княже, место рвом окопать, как у нас в Орде делают, чтобы потом не урезывал никто его».

Так и поступили. Горожане, что с крестным ходом пришли, принялись за дело и быстро окопали ограду рвом. А Петр давай выкладывать монеты одну к другой – от самого озера, сначала девять серебряных из одного мешца, потом десятую златую из другого.

И когда выложил он по всей меже девять гривен, то княжьи слуги, собрав их, наполнили Петровыми деньгами целый воз, да еще и ту колесницу, на которой часовню с иконами везли. Кони с места эту поклажу сдвинули.

Князь же и епископ, видя такое множество злата и серебра, только диву давались. С великой честью посадил князь Петра на коня, проводили его в город всем народом, много дней служили молебны и восхваляли Бога и святых апостолов за чудо; и было с выложенных Петром денег многое даяние милостыни и кормление нищих.

Петр же, после совершенного чуда, еще больше стал уединяться и чуждаться людей. Задумались об этом князь с епископом. Стали совет держать: «Царевич Петр ведь ханского племени, того и гляди ускачет к себе в Орду, и уйдет с ним благодать с нашего града. Возрастом Петр уже велик, да и собой пригож...». Призвали Петра к себе: «А что, Петре, не желаешь ли ты жениться? Мы тебе невесту подыщем, останешься жить у нас».

Проживал как раз в Ростове один татарский вельможа, а при нем дочь на выданье. Обвенчал епископ Петра с нею, а со временем и церковь над озером устроил и освятил во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

И так полюбил князь Борис кроткие Петровы ответы и добрый его обычай, что всегда Петра при себе держал, на ястребиную охоту только с ним ездил и за трапезу без него не садился. Попросил владыку Игнатия побратать их в церкви. И стали звать Петра братом князя.

Раз как-то говорит Петру: «Великую благодать обрел ты пред Богом и граду нашему. Подарю я тебе надел земли небольшой из своей вотчины против церкви святых апостолов, у самого озера, и грамоту тебе испишу!». Петр же отвечал: «Я, княже, сроду не знаю, как землей владеть, и отцы мои не владели, вольными людьми были...». «Я, – говорит князь, – все уряжу, как у нас водится. А грамоты – чтоб не отнимали мои дети и внуки этих поместий у твоих детей и внуков». И повелел князь, чтобы перед епископом были составлены грамоты Петру на владение землями вдоль озера.

И затихла в те годы Орда надолго и не страшила град Ростовский.

Умер епископ Игнатий.

Умер князь.

Дети княжеские продолжали звать Петра дядей.

Петр дожил до глубокой старости. Перед смертью принял монашеский чин. Похоронить себя велел на месте своего «спалища», где явились ему святые апостолы.

Так и сотворили. И стали со дня его смерти строить там монастырь.

Прошло время.

Внуки князя Ростовского стали забывать Петра и добродетель его. Стали вести меж собой и своими боярами такие разговоры: «Что ж с того, что наши родители звали сего Петра дядей, что дед наш получил от него много монет и братался с ним в церкви. Род их татарский, не наша кость – какая ж они нам родня! Мы-то серебра от них не видали!».

Такие у них были речи, и не думали уж о чудотворении святых апостолов Петра и Павла, позабыли о любви прародителей своих.

И начали чинить обиды Петровым детям, отнимать у них луга и уголья.

Поехал сын Петра искать правды в Орду.

Сказал там, что он внук хана. Обрадовались ему ордынские дядья, надарили подарков и отправили с ним посла. Приехал ханский посол в Ростов, позвал на суд внуков ростовского князя. Показаны были им грамоты, данные Петру старым князем. Уставил по этим грамотам посол рубежи владений сыну Петра, дал ему ханскую грамоту с золотой печатью и отошел обратно в Орду.

Дожил сын Петров до глубокой старости, щедро жертвуя на собор Пресвятой Богородицы и на Петров монастырь.

Умер сын Петров.

Внук Петра, Юрий, тоже много жертвовал собору, устраивал пиры владыке и клиру в поминальные дни по своим родителям и прародителям и в праздник святых апостолов Петра и Павла.

Рыбарям же Юрьевым удавались большие уловы, чем градским ловцам. Будто играя, рыбаки на водах Петровых едва ввергнут сети, так множество рыб извлекают, а градские рыбаки, как ни труждаются, а всё оскудевают.

Пошли городские ловцы к своим князьям с ябедой: «Эдак Юрьевы ловцы всю нашу рыбу изловят, и будет озеро пусто!».

Призвали князя Юрия и говорят ему: «Дед твой получил от прародителя нашего грамоты на место под монастырь, а не на озеро. Да не ловят там рыб ловцы твои!».

Вздыхнул Юрий тяжело и отправился в Орду. Поведал там дядьям о своих обидах. Дядья почтили родича богатыми дарами и снарядили с ним ханского посла.

Приехал ханский посол в Ростов, остановился у озера в монастыре Петра и Павла и вызвал князей на суд. Явились князья, стоят, на ханского посла со страхом поглядывают. А Юрий положил перед послом все Петровы грамоты.

Переглядел посол грамоты и спрашивает князей: «Ваша, говорите, вода в озере?».

«Наша», – отвечают хором князья.

«А есть ли под вашей водой земля, которую передал прародитель ваш Петру?»

«Есть, – говорят князья. – Земля его, а вода на ней – наша, княжеская».

«А можете ли вы свою воду снять с той земли?»

Задумались князья.

«Нет, – говорят, – господине, не можем мы снять ее с земли!».

«Если снять эту воду с земли не можете, – говорит ханский посол, – то зачем своею ее называете, а? Создана она Вышним Богом на службу всем людям! Если куплена была земля, то и вода, что на ней!».

Присудил он воды озера по границам земельных владений Юрию, скрепил грамоту золотой печатью и отошел к себе в Орду.

В 1322 году хан Ахмыл вместе с московским князем Иваном Калитой перешел замерзшее русло Волги и пришел на Русь.

Карательный отряд двигался тучей, сея пожары и смерти. Для Ивана Калиты это было возможностью разделаться со своими противниками – тверскими князьями и утвердить свой титул великого князя. Для Орды – покарать недовольных и навести порядок с выплатой дани.

Первым пал Нижний Новгород. Затем был сожжен Ярославль «и много полона бесчисленно взят». От руин Ярославля отряд повернул на юг, к Ростову.

Сто лет не видел Ростов ордынского войска. Сто лет прошло, как обосновался в Ростове царевич Петр и род его. Жил и здравствовал в то время уже правнук Петров, сын Юрия – Игнат.

Первыми бежали из города ростовские князья. Побежал и владыка Ростовский, епископ Прохор.

Настиг Игнат возок епископский, стал увещевать владыку остаться, не бросать город. Только не слушал его епископ. Такой страх ордынский отряд на всех навел!

Извлек тогда Игнат меч и говорит, уже без всякого почтения: «Если ты не пойдешь сейчас со мною навстречу Ахмылу, я сам тебя посеку! Там наше племя, сродники мои!».

Что делать? Вернулся владыка в Ростов. Вышел навстречу Ахмылу в ризах, с крестом, со всем клиром, с хоругвями и пением. А Игнат вышел вперед крестного хода с горожанами, вынес потеху ханскую – охотничьих кречетов, шубы и хмельные меды. И стал на колени перед Ахмылом у самого края Ростовского озера. Приветствовал его, как отпрыск ханского рода, и сказал: «Здесь вотчина ханская и твоя, господине! Купил эту вотчину прадед наш затем, что тут чудеса сотворились!».

Поглядел Ахмыл на потомка ханского, поглядел на ход крестный. Говорит Игнату: «Ты меня тешью ханской даришь, – а кто сии в белых ризах и со знаменами, уж не хотят ли они с нами биться?».

Не мог не знать посол ханский, как выглядит священство православное. Намекал в шутку, что других защитников у Ростова не осталось.

Игнат же, правнук Петров, отвечал серьезно: «Богомольцы это, господине; за хана молят и за тебя, а вынесли они божницу, чтобы благословить тебя!».

У Ахмыла как раз в то время сын занедужил, в возке ханском лежал. Приказал Ахмыл подвезти его сюда, чтобы владыка благословил его. Освятил епископ воду, дал испить ее больному и осенил его крестом. И выздоровел сын Ахмылов. Сошел с коня Ахмыл, воздел руки к небу: «Благословен Бог Вышний, что вложил мне в сердце мысль идти к этому городу. Праведник ты, господине епископ Прохор, раз молитва твоя воскресила моего сына. Благословен и ты, Игнате, за то, что упас людей своих и соблюл град сей. Ханская ты кость и наше племя, а будет тебе здесь обида, не ленись прийти в Орду, поможем!».

Выдал Ахмыл сорок мер серебра владыке и тридцать мер серебра его клиру. Поцеловал Игната, поклонился епископу, сел на коня и отошел от города. Игнат же и горожане вернулись в Ростов и служили молебны, прославляя Бога.

История часто ходит кругами.

Прошло еще полтора столетия. Орда захирела и распалась. Москва возвысилась.

В 1487 году войска князя московского Василия Третьего покорили Казань. Малолетний сын казанского хана Ибрагима, Худайкул, был взят в плен и поселен вместе с матерью и братом в Белоозере.

Полюбил юный Худайкул православную веру. В 1505 году стал бить челом митрополиту Симону, чтобы тот крестил его. Митрополит призвал царевича к себе и походатайствовал за него перед князем Василием.

21 декабря, в присутствии князя, крестился царевич Худайкул в Москве-реке и получил при крещении имя Петра.

Так история царевича Кайдагула откликнулась в истории царевича Худайкула, Петра Ордынского – в Петре Казанском.

И так полюбил князь Петра Казанского, что выдал за него свою младшую сестру Евдокию и сделал своим нареченным братом. Давал Петру в командование войска, а во время своего отсутствия в Москве оставлял вместо себя за главного. И мыслил уже его своим преемником.

Но московским царем Петр не стал – у Василия родился сын, Иоанн. Будущий царь Иван Грозный...

В 1523 году Петр Казанский умер и был погребен в Архангельском соборе Кремля.

В росписях собора, рядом с изображением Петра Казанского, написаны были сцены из жития Петра Ордынского. Сон царевича Петра на Ростовском озере, явление ему святых апостолов с мешцами...

В 1547 году царевич Петр Ордынский был прославлен в лике святых.

Мощи его почивали под спудом в Петровском монастыре, у южной стены Петро-Павловского собора.

В 1933 году собор был разобран. Снесены стены обители.

В монастырской церкви Похвалы Богородицы устроен пивзавод.

«Огороды с одноэтажными домиками, среди которых выделяются два трехэтажных и два двухэтажных с несколько непривычной для жилых домов формой башен. Между ними – большие кирпичные гаражи и странное здание с выеденными, будто кислотой, стенами, в очертании которого лишь опытный глаз определит, что это был некогда храм. Дренажные канавы со стоялой водой и множество мусора и помоек...»

Так, по описанию очевидца, выглядел Петров монастырь – его остатки – еще в начале 2000-х.

В мае 2005 года на средства благотворителей были выкуплены постройки бывшего монастыря у последнего «хозяина» этой территории, «Ростовагропромэнерго».

Началось возрождение древней обители...

*Избранный Богом от агарянского рода царска и вчиненный в недра православныя Христовы Церкви, наученный святыми Апостолы Петром и Павлом к созиданию во имя их святыя обители, прими от нас недостойных хвалебную песнь, тебе приносимую: Радуйся, преподобне царевиче Петре, Ростовский чудотворче!*

---

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

## День Победы, монашеские постриги и другие события

### Торжества в честь 70-летия Победы

**Ж**изнь Ташкентской и Узбекистанской епархии в апреле–июне 2015 года была очень насыщенной. Наиболее важными, помимо событий, связанных с празднованием Пасхи Господней, можно назвать торжества по случаю 70-летия победы над фашизмом в Великой Отечественной войне.

70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне была посвящена Третья международная православная выставка, которая прошла с 23 по 29 апреля на территории соборной площади Свято-Успенского кафедрального собора Ташкента. Она также была приурочена к Году внимания и заботы о старшем поколении, которым объявлен в Узбекистане 2015 год.

3 мая прошел вечер песенной и поэтической лирики военных лет «Мы – память, мы – эхо» с участием солистов академического театра им. А. Навои.

9 мая после Божественной литургии правящий архиерей Ташкентской и Узбекистанской епархии митрополит Викентий совершил заупокойную литию по всем погибшим воинам и людям, невинно убиенным и умученным в 1941–1945 годах.

Ровно в полдень по местному времени в главном храме епархии, соборе Успения Пресвятой Богородицы, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, был совершен заупокойный колокольный звон в память о погибших в годы Великой Отечественной войны. Звон продолжался 15 минут.

В тот же день митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий вместе с представителями государственной власти принял участие в возложении цветов на Площади Независимости у мемориала «Скорбящая мать» и на Братских могилах.

Вечером 9 мая, после Всенощного бдения, на тротуарной плитке перед собором были зажжены свечи, выложенные в форме надписи «70 лет». (Фотография этой акции на странице Епархии в Facebook набрала за несколько дней более 1 600 «лайков», а количество людей, просмотревших эту информацию, составило более 23 000 человек).

10 мая 2015 года в фойе духовно-административного центра Епархии силами ак-

тивистов Чиланзарского академического лицея при Ташкентском государственном техническом университете (ТашГТУ) была торжественно открыта фотовыставка «Никто не забыт, ничто не забыто». Затем в конференц-зале прошел праздничный концерт, почетными гостями на котором стали ветераны Великой Отечественной войны. Все они получили подарки, собранные Епархией в рамках благотворительной акции «Собери подарок ветерану».

11 мая впервые на сцене епархиального духовно-административного центра с концертной программой выступили гости Ташкента – Архиерейская детская певческая капелла «Октоих» Екатеринбургской митрополии. На концерте прозвучали фронтовые песни и стихи о войне.

12 мая 2015 года в епархиальном Духовно-административном центре прошла викторина, посвященная 70-летию Победы. В викторине участвовали студенты Ташкентской Духовной семинарии, сотрудники и волонтеры Молодежного отдела епархии. В викторине было 20 вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны: событиями, героями войны, вооружением, а также деятельностью Русской Православной Церкви в годы войны.

## Поездки правящего архиерея

17 апреля 2015 года глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла посетил Кузбасскую митрополию с целью поздравить верующих шахтерского региона от лица Его Святейшества с праздником Пасхи Господней и открыть торжества, посвященные 1000-летию со дня преставления святого князя Владимира, крестителя Руси.

В память об этом визите митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх вручил владыке Викентию медаль Кемеровской епархии «За служение Русской Православной Церкви в Кузбассе» I степени и икону святых земли Кузнецкой – преподобных Зосимы и Василиска. В этот же день в Администрации Кемеровской области состоялось награждение митрополита Викентия орденом Почета Кузбасса.

По традиции в дни празднования Пасхи Христовой митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий объехал все приходы епархии, молился с паствой и давал архипастырские наставления.

2–3 мая по приглашению архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта состоялся визит митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия в Пятигорскую епархию; 13 мая он посетил Душанбинскую и 14 мая – Бишкекскую епархии.

18 мая митрополит Викентий посетил Нукус. Владыка встретился в парламенте Республики Каракалпакстан – Жокаргы Кенесе с его главой М.Т. Ерниязовым и хокимом города Нукуса Ж.А. Опаевым. Во время встречи стороны обсуждали вопросы предстоящего строительства в центральной части Нукуса православного храма в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона.

На следующий день в Ургенче, в день престольного праздника храма Иова Многострадального, после Божественной литургии митрополит Викентий в сослужении духовенства Бухарского благочиния совершил чин освящения шести новых колоколов, которые сразу же были подняты на колокольную.

С 28 апреля по 1 мая 2015 года митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий в составе делегации РПЦ в Бари (Италия) принял участие в международной конференции «Христиане Ближнего Востока: каково будущее?». Организатором конференции выступила Община святого Эгидия при поддержке местной католической епархии и муниципалитета Бари. На конференции были обсуждены проблемы, связанные с положением христиан на Ближнем Востоке.

### Монашеские постриги

**25** мая в храме преподобного Сергия Радонежского города Ферганы Ангельский чин сподобился принять Павел Абасов. Долгое время он нес послушание псаломщика в этом храме. Новопостриженного монаха митрополит Викентий нарек Ермогеном, в честь священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, чудотворца. В этот же день монах Ермоген был рукоположен в сан иеродиакона.

9 июня монашеский постриг также принял диакон Александр Сиволобов, который на протяжении нескольких лет нес послушание в храме преподобного Сергия Радонежского в Фергане. Во время пострига митрополит Викентий нарек новопостриженного монаха-иеродиакона Иоанном, в честь Иоанна Русского.

В дни Петрова поста, 28 июня, был пострижен в монаха студент 3-го курса Ташкентской Духовной семинарии инок Василий (Бuzин), почти ровно год назад до этого (23 июня 2014 года) принявший иноческий постриг. В монашестве он наречен Модестом, в честь мученика Модеста, Патриарха Иерусалимского.

### Научная и учебная жизнь

**23** апреля в конференц-зале духовно-административного центра Епархии прошла конференция, посвященная 1000-летию со дня блаженной кончины святого равноапостольного князя Владимира. С докладами, посвященными истории Русской Православной Церкви, ее современному состоянию и проблемам борьбы с язычеством, выступили преподаватели и студенты Ташкентской духовной семинарии.

28 мая в епархиальном духовно-административном центре прошли ежегодные научно-просветительские чтения, посвященные памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Учителей славянских, а также священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. На конференции выступили ученые, преподаватели светских вузов Ташкента, а также преподаватели и студенты Ташкентской Духовной семинарии.

4–5 июня в Душанбе прошла международная научная конференция «Христианство и Ислам», организованная Душанбинской и Таджикистанской епархией и Комитетом по делам религии при правительстве Республики Таджикистан. В ее работе приняла участие делегация из Узбекистана, которую возглавил митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий

6 июня был проведен торжественный выпускной акт Ташкентской духовной семинарии. В этом году пастырско-богословское отделение окончили 14 студентов, катехизаторское – 3. Состоялся первый выпуск регентского отделения, открытого три года назад (2 выпускницы).



## Новые святыни Успенского собора

16 мая, перед началом Всенощного бдения, в Свято-Успенский собор города Ташкента из епархиального духовно-административного центра Крестным ходом были доставлены икона и ковчег с частицей мощей святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, чудотворца. Этот выдающийся иерарх и духовный лидер, миссионер, обладавший даром прозорливости и чудотворения, в 2008 году был канонизирован Русской Православной Церковью.

24 июня, спустя три года, в Ташкент вновь доставлен ковчег с частицей мощей святой блаженной старицы Матроны Московской.

## Заседание Синода Среднеазиатского митрополичьего округа

Завершило календарь событий за квартал летнее заседание Синода с участием епископа Душанбинского и Таджикистанского Питирима и епископа Бишкекского и Кыргызстанского Даниила, состоявшееся 26 июня. Возглавил заседание глава Округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. На заседании рассматривались 16 журналов, в которых отразилась деятельность епархий округа с марта по июнь 2015 года.

На следующий день, 27 июня, во вторую годовщину обретения иконы Пресвятой Богородицы «Тихвинская Слезоточивая», архиереи совершили Божественную литургию в сослужении клириков Свято-Успенского кафедрального собора города Ташкента. Напомним, что постановлением Синода Среднеазиатского митрополичьего округа от 24 августа 2013 года 27 июня было установлено как день особого почитания этой чудотворной иконы в пределах Ташкентской и Узбекистанской епархии.

## Протоиерей Владимир Сторожук († 6 мая 2015 г.)

Скорбное известие было получено 6 мая, в день памяти великомученика Георгия Победоносца: на 91 году жизни отошел ко Господу один из старейших священнослужителей Ташкентской епархии митрофорный протоиерей Владимир Сторожук.

Отец Владимир родился в Кременце (Украина) 16 апреля 1925 года. Был послушником Почаевской лавры и духовным сыном ныне прославленных в лике святых преподобных Амфилохия Почаевского, Кукши Одесского и Андроника Почаевского. Окончил Луцкую духовную семинарию, служил во Фрунзе (ныне Бишкек). 8 сентября 1957 года был рукоположен епископом Ташкентским и Среднеазиатским Ермогеном (Голубевым) во диакона и направлен на служение в город Коканд (Ферганская область, Узбекистан), в храм в честь Казанской иконы Божией Матери, а спустя почти три года, 8 мая 1960 года, владыка Ермоген рукоположил отца Владимира в сан пресвитера. Более 50 лет отец Владимир служил в этом храме, неся до последнего дня своей жизни крест пасторского служения. Вечная ему память!

---

Алексей КАМЕНСКИХ

## «Византия после Византии», или Образ Второго Рима сквозь призму Третьего

Нации, как и отдельные люди, выстраивают и лепят во времени собственный образ, свою национальную и культурную идентичность. В этом они, как правило, ориентируются на те или иные идеально-смысловые конструкты, образцы для подражания<sup>1</sup>.

Для России, еще со времен «Сказания о князьях Владимирских», особое место среди таких образцов занимал образ Второго Рима – Византии.

На протяжении последних пяти столетий этот образ в российском общественном сознании претерпевал многочисленные метаморфозы. Его значимость для конституирования российской идентичности то отступала на задний план – скажем, в петровский период, то возрастала – к примеру, во времена екатерининского «греческого проекта».

Особенно важное место образ Византии занимал с середины XIX века до, условно, 1916 года. В этот период усилиями славянофилов, Константина Леонтьева<sup>2</sup>, блестящих российских историков-византинистов была выстроена воображаемая, «эйдети-ческая» Византия – модель, долженствующая служить образцом для организации русской государственности, церкви, культуры.

История метаморфоз, которые претерпевал образ Второго Рима в текстах мыслителей Третьего, достаточно хорошо исследована<sup>3</sup>. Этого, к сожалению, нельзя сказать о роли, которую этот образ Византии, сконструированный русскими философами, историками и богословами XIX – начала XX столетий, сыграл и продолжает играть в становлении одного из значимых вариантов национально-культурной идентичности современных греков.

С двадцатых годов прошлого столетия в различных областях греческой культуры наблюдалась весьма интересная тенденция, которую можно условно назвать *неовизантизмом*<sup>4</sup>. В литературе ее проявления оказались связаны, в первую очередь, с «переоткрытием» романов и рассказов Александра Пападиамантиса, «греческого Достоевского»; в иконографии и живописи – с произведениями Фотиса Кондоглу и Никоса Пендзикиса, в архитектуре – с именем Димитриса Пикиониса; в философии и

богословии – с работами Василиоса Татакиса, Христоса Яннараса, Иоанна Романидиса и Иоанна Зизиуласа.

Греция, полагали представители этого направления, – не обычная европейская нация и не может строить свою национальную и культурную идентичность по образцу обычного новоевропейского государства (хотя именно этот процесс фактически происходит на протяжении XX века). В качестве же основания культурной идентичности греческого народа полагается свободная от связи с территорией и даже с тем или иным этносом культурная модель *византийского православия*.

Интересно, что детальную разработку художественных, богословских, философских, общемировоззренческих принципов *византийского православия* многие из названных греческих авторов находят у русских философов, богословов, историков-византинистов XIX–XX веков – начиная с ранних славянофилов и заканчивая такими представителями русской эмиграции, как Г. Флоровский, В. Лосский, Л. Успенский. Греческие авторы *узнают* в трудах мыслителей «Третьего Рима» образ культуры «Второго Рима», принимают его как *свой* (в отличие от западноевропейского).

Рассмотрим несколько наиболее интересных случаев такой рецепции, постаравшись описать некоторые ключевые принципы этой игры взаимных отражений русской и греческой культурных идентичностей.

«Неовизантийское движение» можно рассматривать как своего рода реакцию на крах политического и культурного проекта, имевшего начало в греческой революции 1821 года и трагический итог – в уничтожении греческих общин Малой Азии в 1923 году. С первых шагов борьба греков за независимость от Османской империи носила отчетливо национальный характер. Гетеристы стремились не столько к восстановлению Византийской империи, сколько к созданию *государства греков* в ее территориальных рамках<sup>5</sup>. Не случайно создатели Первой Греческой республики и королевства Греции называли себя не ромеями (Ρωμαίοι) или христианами (Χριστιανοί), как то делали греки Византии, основой идентичности которых являлось православие и наследование Риму, но эллинами (Έλληνες).

Как всякий политический проект, идея будущего греческого государства предполагала, наряду с построением «перспективы», и соответствующий «ретроспективный» аспект. В качестве «перспективы» выступала квази-наполеоновская «Великая Идея» (Μεγάλη Ιδέα) – собирание в единое политическое целое всех рассеянных частей греческой нации. Новое государство со столицей в Константинополе должно было включать в себя всю территорию Балкан, Архипелага, Малой Азии и Северного Причерноморья.

Второй – «ретроспективный» – аспект требовал переосмысления образа Византийской империи, которая воспринималась теперь не в своем действительном национальном и языковом многообразии, но – как *государство греков*. Не удивительно, что развитие этой националистической тенденции вызвало раскол в среде *millet-i Rûm*, христианского населения Османской империи: болгары, к примеру, начали видеть в православных епископах и в самом Вселенском Патриархе Константинопольском в первую очередь этнических греков<sup>6</sup>.

Своего рода узловыми моментами в стремлении реализовать «Великую Идею»

оказались образование Королевства Греции (1832), «болгарская схизма» и серия греко-болгарских конфликтов (с 1860-х годов), интервенция в Одессу в 1918–1919 годы и трагический финал – уничтожение греческих общин Понта, измирская резня и вся «малоазийская катастрофа» (Μικρασιατική καταστροφή) 1922–1923 годов...

### Фотис Кондоглу (1895–1965)

В числе более чем полутора миллионов греков, депортированных в 1922–1923 годы из Малой Азии, был и *Фотис Кондоглу* (Φώτης Κόντογλου), которому было суждено стать одним из наиболее ярких представителей «неовизантийского движения». В 1922 году он – молодой художник, за плечами которого были учеба в Афинской школе изящных искусств, путешествие по Западной Европе и работа книжным иллюстратором в Париже. Как пишет биограф Кондоглу Никос Зиас,

трагедия греческой Малой Азии потрясла его, с одной стороны – резко оттолкнув от Запада, а с другой – заставив чувствовать ответственность за продолжение – пусть и на новой почве, – той древней традиции, которая, пережив распад Византии, сохраняла стойкость на протяжении четырех столетий и сейчас, будучи вырванной с корнем из родной земли, оказалась перед угрозой своей окончательной гибели...<sup>7</sup>

После того, как весной 1923 года Кондоглу приезжает на Афон, его художественная карьера начинает развиваться в новом направлении:

Переживая своего рода священное упоение Афоном, Кондоглу принимается за копирование древних икон и настенных росписей, поставив перед собой целью раскрыть секреты византийского искусства; в то же время он пишет многочисленные виды Афона, его монастырей, портреты его монахов, работает над небольшими рассказами, насыщенными поэзией и жизнью<sup>8</sup>.

В последующие годы он занимается реставрацией настенных росписей и созданием многочисленных фресок и икон на дереве в десятках церквей по всей Греции, работает в Византийском музее в Афинах и в Коптском музее в Каире, организует Византийский музей на Корфу, создает серию монументальных настенных изображений в здании Афинского муниципалитета, пишет многочисленные исследовательские работы, посвященные иконописному наследию Византии. Благодаря усилиям Фотия Кондоглу и его учеников, «неовизантийский стиль» начинает господствовать в современной греческой иконографии.

«Методологический горизонт» в воззрениях Кондоглу на феномен византийской иконы был в значительной степени определен работами его друга, Леонида Успенского (1902–1987). Русский иконописец, историк иконы, он преподавал историю иконографии в Богословском институте св. Дионисия в Париже. В 1948 году Кондоглу впервые сталкивается с работами Успенского, редактируя греческий перевод его работы «L'Icone, Vision du Monde Spirituel» («Икона, видение духовного мира»), два издания которой выходят в Афинах в 1948 и 1952 годах. Отмечая влияние работ Успенского на Кондоглу, исследователи подчеркивают, что «основная часть работ Кондоглу была опубликована *после* его знакомства с текстами Успенского»<sup>9</sup>. Благодаря трудам Успенского Кондоглу испытал влияние *всей традиции* русской филосо-

фии и богословия иконы, разработанной Евгением Трубецким, прот. Сергием Булгаковым и о. Павлом Флоренским.

Читатель иконографических исследований Кондоглу сталкивается с целым рядом тем, знакомых ему по «Иконостасу» Павла Флоренского<sup>10</sup>, хотя некоторые из них и излагаются Кондоглу в упрощенной и подчеркнута полемической форме. Оба – и Флоренский, и Кондоглу, – утверждают, что иконопись Византии представляла собой не промежуточную ступень на пути к художественным открытиям итальянского Ренессанса, но высшую ступень в развитии религиозного искусства. Сущность византийской иконописи – *символический реализм*. Как и Флоренский, Кондоглу пишет об имманентном (посюстороннем), натуралистическом и иллюзионистском характере ренессансного искусства. Выражение этого он находит, к примеру, в использовании прямой линейной перспективы, при которой точка, в которой находится зритель, оказывается центром вселенной; в использовании природных явлений – таких, как облака или солнечные лучи, – для изображения божественного. Кондоглу подчеркивает тесную связь имманентизма ренессансного искусства с современным ему философским рационалистическим имманентизмом.

В отличие от «модернистского»<sup>11</sup>, ренессансного искусства, византийская иконопись, по Кондоглу, стремится к изображению трансцендентного, потустороннего духовного мира и имеет литургический и *анагогический* характер<sup>12</sup>. Икона, как видимый образ невидимого, оказывается своего рода «окном» в этот мир. В отсутствии линейной перспективы и теней, в измененных пропорциях человеческих тел не следует видеть недостаток умения иконописцев. Эти стилистические черты *агиографии* (наряду со всеми иными средствами и формами православного литургического искусства) призваны приблизить человека к переживанию особой реальности, мира, где не существует теней, где всякая тварь переживает «прекрасное преображение». Эта реальность не является продолжением имманентного пространства, отсюда – и отсутствие в иконах прямой перспективы<sup>13</sup>.

Можно отметить и близкое отношение обоих авторов, Кондоглу и Флоренского, к авангардному искусству. Оба видят сходство между традиционным христианским искусством и художественными исканиями авангардистов в отрицании натурализма и стремлении к невидимому<sup>14</sup>. В свою очередь, на картинах Кондоглу можно различить следы его «авангардного» прошлого. Как утверждает Зиас, некоторые черты, характерные для «византийского» стиля Кондоглу («отсутствие перспективы и, следовательно, третьего измерения, <...> отсутствие единого источника света, использование не тоновых переходов, а цветовых контрастов»), были приобретены художником в пору его «соприкосновения с искусством модерна в Париже»<sup>15</sup>.

### Василиос Татакис (1897–1986)

Другой пример своеобразного греческого восприятия русской интеллектуальной традиции византинизма мы находим в «Византийской философии» *Василиоса Татакиса* (Βασίλειος Ν. Τατάκης).

Впервые книга Татакиса вышла на французском языке в 1949 году в качестве дополнительного тома к серии «Histoire de la philosophie» («История философии»),

издававшейся Эмилем Брейе. В этом труде Татакис предпринял новаторскую попытку представить почти тысячелетнюю историю развития византийской философии как единого целого. До него византийская философия рассматривалась историками философии преимущественно как периферия философского развития, как «отклонившийся побег западной философии, хранилище сокровищ эллинизма, которое с XIII по XV века подпитывало, по мере необходимости, западную мысль»<sup>16</sup>. Огромное количество источников никогда не публиковалось и ожидало своих исследователей в отделах рукописей библиотек всего мира. Татакис ввел в научный оборот массу почти неизвестных текстов. Ему удалось представить византийскую философию как самостоятельную дисциплину, отличную от христианского богословия. Именно он стал инициатором подхода, при котором теории и аргументы византийских мыслителей начали восприниматься как имеющие самостоятельное философское значение, а не как предмет лишь антикварного интереса. Прекрасный знаток античной философии, Татакис указал на своеобразные способы интерпретации наследия платонизма и аристотелизма, которые были разработаны византийскими авторами.

В настоящее время «Византийская философия» Татакиса считается среди специалистов одной из классических работ по данной теме; она открывает хронологические списки в историографических обзорах современных исследований по византийской философии и во многом сохраняет свою научную значимость. Для нас наибольший интерес представляет последняя глава монографии Татакиса – «Византия после Византии».

В ней Татакис пишет, что традиционная для европейской истории философии оценка Византии как *всего лишь* посредника в миграции научных и философских идей в диахроническом (от античности к ренессансу) и синхроническом (от персов, арабов и китайцев в Западную Европу) планах – некорректна. В царстве мысли Византия создала особый тип интеллектуальной культуры, оказавший воздействие на формирование арабской философии и западной схоластики и сыгравший важную роль в развитии итальянского Ренессанса.

Однако историческая роль византийской интеллектуальной традиции не ограничивается влиянием на восточных и западных соседей. Византийская философия, считает Татакис, пережила падение Византийской империи, более того – Византия «продолжает существовать и сейчас»<sup>17</sup>. Культурная модель, выработанная Византией, была сохранена греческой Церковью и сыграла роль своего рода парадигмы при образовании самой Османской империи. Более того, в качестве культурной, духовной структуры она оказалась способной преодолевать любые пространственные границы и стала внутренним основанием для многих национальных культур славянского и восточного мира. Так,

царская Россия <...> во всех аспектах своей жизни сохраняла подлинный образ Византии вплоть до начала двадцатого столетия<sup>18</sup>.

Поэтому без изучения Византии обречены на неудачу любые попытки проникнуть «в сокровенную глубину новогреческого и славянского духа, духа православного народа». Татакис видит «замечательное описание» трагедий этих (славянских? новогреческих? византийских?) душ в романах Достоевского. Он подчеркивает зна-

чимось высказывания Ивана Киреевского о том, что фундаментом будущей русской философии станут труды византийских церковных писателей; наконец, обнаруживает проявления все той же духовной интенции в философских исканиях Николая Бердяева<sup>19</sup> ...

Найдя, таким образом, в лице русских философов XX века наследников Византии, Татакис оптимистически заключает:

Итак, мы можем быть твердо уверены, что философия или, во всяком случае, духовная культура Византии еще не произнесла своего последнего слова<sup>20</sup>.

### Греческие «шестидесятники»

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о «византийской идее» в работах группы выдающихся греческих богословов и религиозных философов, принадлежащих к «поколению 60-х». Это *Христос Яннарас* (Χρήστος Γιανναράς, род. 1935), *Иоаннис Романидис* (Ιωάννης Σ. Ρωμανίδης, 1927–2001), *Иоаннис Зизиулас* (Ιωάννης Ζηζιούλας, род. 1931) и *Неллас Панайотис* (Νέλλας Παναγιώτης, 1936–1986).

Не будет преувеличением назвать этих авторов в числе наиболее ярких представителей современной христианской мысли. Высокий уровень философской рефлексии, богословская смелость, сочетание интеллектуализма с пониманием живого и непосредственного характера христианской Вести (κήρυγμα) – все это помогло православной традиции в современной Греции сохранить свою привлекательность для широкого круга образованных людей.

Среди факторов, определивших интеллектуальное формирование этих богословов, Мишель Ставр у отмечает публикацию в 1960-е годы большого числа новогреческих переводов работ, созданных представителями так называемого «неопатристического синтеза» (Георгий Флоровский, Владимир Лосский, Иоанн Мейендорф)<sup>21</sup>. Во многих случаях эти контакты молодых греческих богословов с представителями движения «неопатристического синтеза» имели непосредственный, личностный характер. Так, Иоанн Зизиулас в годы своей гарвардской докторантуры (1960–1964) писал диссертацию под руководством Георгия Флоровского. Учеником Флоровского был и Иоанн Романидес<sup>22</sup>.

Христос Яннарас также отмечает в своих автобиографических заметках, что в 1968 году он приехал в Париж, уже будучи знакомым с работами русских эмигрантских богословов и религиозных философов<sup>23</sup>. Яннарас встречался и беседовал с Павлом Евдокимовым (представителем первого поколения русской эмиграции в Париже), был дружен с Леонидом Успенским, Николаем Лосским-младшим, Оливье Клеманом. Но событие, которое сам Яннарас считает наиболее значимым и важным из пережитых им во время общения с представителями русской православной общины в Париже, было связано не с богословскими доктринами или теоретическими конструктами. Это была встреча с сообществом, живущим полностью евхаристической жизни, с «живой реальностью церковного прихода».

Эта живая реальность православного прихода, которая может быть осуществлена в любом месте и в любой стране, становится основным предметом философского

исследования и богословского попечения Яннараса. Здесь, к слову, мы вновь встречаемся с образом «идеальной Византии», обнаруженной греком среди русских<sup>24</sup>.

Не случайно одна из любимых тем Яннараса – это определение эллинизма как «утопии» – непривязанности к какому бы то ни было месту, «топосу». Начиная с классической античности «греческая идея» не была топологически обусловлена, но была связана преимущественно с особым типом культуры и социальной организации – и поэтому могла быть реализована где угодно.

Если воспользоваться предложенным Алейдой Ассман различием «канона» и «архива» исторической памяти<sup>25</sup>, в греческом неовизантийском проекте можно увидеть своего рода протест «архива» против дискредитировавшей себя после «малозасийской катастрофы» версии «канона»<sup>26</sup>. В роли архива при этом выступают версии национально-культурной идентичности, которые основываются на маргинализованных «канонами» содержаниях исторической памяти. В этом качестве сторонники «неовизантизма» вполне сопоставимы с русскими славянофилами первой половины XIX столетия. Их сближает, прежде всего, отстаивание уникальности собственного национального проекта по отношению к «западному»<sup>27</sup>. Эта типологическая близость дополняется здесь содержательной: как для ранних славянофилов, так и для представителей греческого «неовизантизма» основанием такой уникальности служит наследие православной Византии. Культурно-историческая «реабилитация» Византии оказывается непременным условием обоснования значимости собственного – российского или греческого – «неовизантийского» проекта.

В России такая «реабилитация» Византии – создание научными, богословскими и идеологическими средствами своего рода сияющего «образа византийской культуры», – была осуществлена почти на столетие раньше, чем в Греции. Этим и была определена специфическая оптика представителей греческого неовизантийского движения в XX веке: созерцание образа «Второго Рима» – через призму «Третьего».

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В свое время механизмы такого «образостроительства» были блестяще описаны Бенедиктом Андерсоном (*Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001).

<sup>2</sup> См., прежде всего, его «Византизм и славянство» (*Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. В 2 тт. – М.: Типолиитография И.Н. Кушнерова и К<sup>о</sup>, 1885–1886. Т. 1. 1885. – С. 81–193). См. также: *Успенский Л.* Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. – С. 104, 108, 162–195.

<sup>3</sup> Обзор ключевых моментов этой истории, со времен Софьи Палеолог до наших дней, представлен в публичной лекции замечательного византиниста И.А. Иванова (*Иванов И.А.* Византийская философия в современных зарубежных исследованиях // Academia.edu. (<http://www.academia.edu/1152411/>))

<sup>4</sup> *Γιανναράς Χ.* Ορθοδοξία και Δύση στη Νεώτερη Ελλάδα. – Αθήνα: Εκδόσεις Δόμος, 1999. – Σ.16.

<sup>5</sup> Здесь я имею в виду преобладающую тенденцию, поддержанную греческим населением Пелопоннеса и Центральной Греции. Политические проекты фанариотов, имевшие немалую политическую силу в начале XIX в., к концу столетия оказались вытеснены на периферию политической жизни – вместе с самими фанариотами. См.: *Sowards S.W.* Twenty-five lectures on modern Balkan history (the Balkans in the age of Nationalism). – East-Lansing: Michigan State University, 1996–2012. – P. 6 (<http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan/>).

<sup>6</sup> См.: *Иванов И.А.* Указ. соч.

<sup>7</sup> *Zias N.* Fotis Kontoglou and the Modern Greek Painting // In Memoriam of Kontoglou / Transl. from Greek by H. Mathioudakis. – Athens: Publishing house Astir, Al. & E. Papadimitriou, 1975. ([www.myriobiblos.gr/texts/english/zias\\_kontoglou.html](http://www.myriobiblos.gr/texts/english/zias_kontoglou.html)).



<sup>8</sup> Photis Kontoglou: Reflections of Byzantium in the 20th century. Introduction by *Nikos Zias*. – Athens: Hidryma Hellēnikou Politismou, 1997. – P. 15.

<sup>9</sup> *Freeman E.* Redefining the Icon. The Problem of Innovation in the Writings of Florensky, Ouspensky and Kontoglou. – New York, 2009. – P. 33. (Эта диссертационная работа на степень Master of Divinity доступна здесь: <http://place.asburyseminary.edu/trenddissertations/index.5.html>)

<sup>10</sup> *Флоренский П.А.* Иконостас // *Флоренский П.А.* Имена: Соч. – М.: ЭКСМО-Пресс – Харьков: Фолио, 1998.

<sup>11</sup> Кондоглу использует термины «модернистский» и «натуралистический» как синонимы. Так, он может говорить об «эллинистическом модернизме» и о «модернизме» барочных икон как о родственных явлениях.

<sup>12</sup> *Kontoglou Ph.* What Orthodox Iconography Is // *Word Magazine: The Antiochian Orthodox Christian Archdiocese of North America*. September, 1964. – P. 5-6. ([www.orthodoxiconsonline.com/articles/Kontoglu\\_whatisiconography.asp](http://www.orthodoxiconsonline.com/articles/Kontoglu_whatisiconography.asp)).

<sup>13</sup> *Ibid.* P.5.

<sup>14</sup> Ср. парафраз платоновского «Федра» (247 b-e) в «Иконостасе» Флоренского (*Флоренский П.А.* Указ. соч., с. 352), относящийся одновременно к обеим формам ненатуралистического искусства, церковной и авангардной. Не случайно одна из недавних конференций, посвященная о. П. Флоренскому (Венеция, Università Ca' Foscari di Venezia, 3–4 февраля 2012 г.), была названа «Павел Флоренский – между иконой и авангардом» («Paul Florensky – between icon and avant-garde»).

<sup>15</sup> Photis Kontoglou... P. 16.

<sup>16</sup> *Bréhier É.* Preface to the 1<sup>st</sup> French edition to: *Tatakis B.* Byzantine Philosophy. – Indianapolis: Hackett Publishing, 2003. – P. VIII.

<sup>17</sup> *Tatakis B.* Byzantine Philosophy. – Indianapolis: Hackett Publishing, 2003. – P. 264.

<sup>18</sup> *Ibid.*

<sup>19</sup> *Ibid.*

<sup>20</sup> *Ibid.* P. 265.

<sup>21</sup> *Ставру М.* Предисловие // *Яннарас Х.* Вера Церкви. Введение в православное богословие. – М.: Центр по изучению религий, 1992. – С. 20.

<sup>22</sup> См.: *Romanides J.S.F.* Georges Florovsky: The Theologian in the Service of the Church in Ecumenical Dialogue. Lecture at St. Vladimir's Seminary. 23 May 1980. ([www.romanity.org/html/rom.29.en.f\\_georges\\_florovsky.htm](http://www.romanity.org/html/rom.29.en.f_georges_florovsky.htm)).

<sup>23</sup> См.: *Яннарас Х.* Православный Париж. ([http://krotov.info/libr\\_min/28\\_ya/an/naras.htm](http://krotov.info/libr_min/28_ya/an/naras.htm)).

<sup>24</sup> Ср. аналогичное учение И. Романидиса о «Ρωμηόσυνη» («Ромействе») как экстра-территориальной и даже экстра-этнической сущности греческой национальной идентичности. (См.: *Ρωμανίδης Ι. Σ.* Ρωμηόσυνη. Ρωμάνια. Ρουμέλη. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Ποурνάρα, 1975. Σ. 11).

<sup>25</sup> См.: *Ассман А.* Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого // *Гефтер.ru*. 28 марта 2014 г. (<http://gefter.ru/archive/11839>).

<sup>26</sup> Такая конкуренция различных «версий» греческой национально-культурной идентичности на протяжении XX столетия находит выражение в самых разных формах, например – в борьбе «демотики», основанной на разговорных диалектах, восходящих к средневековому византийскому греческому, и аттицизированной «кафаревусы».

<sup>27</sup> Один из наиболее ярких примеров подобного рода текста – недавняя работа Христоса Яннараса «Православие и Запад в современной Греции» (*Γιανναράς Χ.* Ορθοδοξία...), где показана борьба «греческого» и «западного» начал в греческой культуре с 1453 по 1960-е годы.

*Олег КОКИН*

## Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор

Второй Ватиканский Собор – XXI Вселенский Собор Католической церкви – проходил в Ватикане с 11 октября 1962 по 8 декабря 1965 годов под председательством вначале папы Иоанна XXIII, а после его кончины – папы Павла VI.

Мысль о созыве Вселенского Собора, по свидетельству Иоанна XXIII, пришла ему на ум через день после избрания<sup>1</sup>. Однако официальное заявление о намерении созвать новый Вселенский Собор папа сделал спустя три месяца после своего избрания – 25 января 1959 года.

Столь радикальный шаг новоизбранного папы был реакцией на исключительную обстановку в сфере духовной жизни. Отток духовенства и мирян из католической церкви поражал своими масштабами: в одних Соединенных Штатах число отпавших превышало тысячу человек в год, а количество воцерковленных католиков по отношению к номинальному числу считавших себя католиками по факту рождения и национальной принадлежности, стремительно сокращалось. Сложившаяся к середине XX века ситуация была созвучна кризису эпохи Реформации, когда в атмосфере напряженной борьбы с протестантизмом католическая церковь выжила благодаря радикальным реформам, проведенным после Тридентского собора. В эпоху наступления атеизма «красный папа», как называли Иоанна XXIII его противники, выступил за оживление религиозной жизни, упорядочение церковной дисциплины, возвращение к древним формам вероучения и – что было особенно важно для нового курса Ватикана – развитие экуменизма.

В течение 1959–1960 годов состоялся ряд встреч между представителями Ватикана и видными иерархами христианских церквей: Православной Церкви, англиканской церкви (это был первый визит архиепископа Кентерберийского к папе римскому с 1337 года), протестантских церквей, а также иудаизма и ислама. Для участия в работе Собора в качестве наблюдателей были приглашены представители 28 христианских Церквей и деноминаций<sup>2</sup>.

Возможность присутствия наблюдателей от Русской Православной Церкви обсуждалась в марте 1959 года во время встречи митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), бывшего тогда председателем Отдела внешних церков-

ных сношений (ОВЦС), с председателем Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Г.Г. Карповым.

Об идее делегировать представителей РПЦ на католический собор Патриарх Алексей I высказался крайне отрицательно:

По существующим каноническим законам Православная Церковь не имеет права участвовать в этом Соборе, а также направлять своих представителей в качестве гостей или наблюдателей, наоборот, мы приняли меры, ... которые могли бы приуменьшить значение Собора<sup>3</sup>.

Своей сдержанной позицией Русская Православная Церковь давала понять Ватикану, что она не находит для себя возможным присутствовать на «Соборе, который соединял бы в себе антиправославное настроение с враждебным отношением к странам Востока»<sup>4</sup>.

21 февраля 1960 года Г.Г. Карпов был заменен на своем посту В.А. Куроедовым, проводившим идеологическую линию на развертывание антирелигиозной борьбы.

17 июня 1962 года В.А. Куроедов заявил председателю ОВЦС митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) о неэффективности внешней деятельности Церкви и потребовал от руководства его отставки. 19 сентября 1960 года постановлением Священного Синода митрополит Николай (Ярушевич) был освобожден от занимаемой должности и заменен епископом Подольским Никодимом (Ротовым). С приходом владыки Никодима концепция внешней политики Патриархии радикально изменилась.

Представители Русской Православной Церкви были отправлены на Ватиканский Собор благодаря прямому участию епископа Никодима (Ротова). Первый контакт между представителями РПЦ и РКЦ был установлен в августе 1962 года на сессии Центрального комитета Всемирного Совета Церквей в университетском городке Парижа. В беседе с кардиналом И. Виллебрандсом владыка Никодим выразил сожаление по поводу отсутствия официального приглашения представителей Московского Патриархата на Ватиканский Собор. На этой встрече архиепископ Никодим и кардинал Виллебрандс договорились, что если Ватиканский Собор не будет осуждать коммунизм, но сосредоточится на вопросах борьбы за мир, это обеспечит возможность присутствия на Соборе делегатов от Московской Патриархии.

Вторая встреча между представителями Москвы и Ватикана состоялась 18 августа 1962 года в доме Малых Сестер Бедняков в Метце (Франция). В частной беседе с кардиналом Э. Тиссераном владыка Никодим заявил, что в случае заинтересованности в присутствии наблюдателей от РПЦ на II Ватиканском соборе Ватикан должен прислать официальное приглашение на имя Московского Патриарха. До этого приглашение было прислано для всех Православных Церквей на имя Константинопольского Патриарха, чего в силу сложившихся на тот момент отношений РПЦ с Константинопольским патриархатом было недостаточно. Русская Православная Церковь желала вести переговоры с Ватиканом напрямую. Кремль также готов был согласиться на присутствие наблюдателей от РПЦ, если бы Ватикан гарантировал, что Ватиканский собор не станет антисоветским форумом<sup>5</sup>.

4 октября кардинал Августин Беа послал Патриарху Алексею I официальное приглашение «направить двух или трех наблюдателей-делегатов на Собор»<sup>6</sup>.

За несколько недель до открытия собора Католическая церковь послала в Москву кардинала И. Виллебрандса. Цель своего визита в Москву с 27 августа по 2 октября 1962 года Виллебрандс озвучил следующим образом: «Информировать Московскую Патриархию о ходе подготовки II Ватиканского Собора, стадиях этой подготовки, а также о задачах Собора, вопросах, намеченных к разрешению, и о соборной процедуре». Результатом этого визита явилось изменение позиции руководства Русской Церкви в отношении Второго Ватиканского Собора<sup>7</sup>.

10 октября 1962 года Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом РПЦ было принято «Положение о наблюдателях Московского Патриархата на Ватиканском Соборе». Согласно этому положению, они должны были «регулярно, не реже одного раза в неделю, докладывать о текущей работе Собора председателю ОВЦС», сопровождая свои доклады печатными материалами Собора, текущей периодикой и публикациями. На наблюдателей также возлагалась обязанность в случае необходимости излагать позицию Московского Патриархата перед соответствующими органами Ватикана. В состав комиссии наблюдателей на Ватиканском Соборе вошли: исполняющий обязанности представителя РПЦ при ВСЦ профессор Ленинградской Духовной Академии (ЛДА) протопресвитер Виталий Боровой и заместитель начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Владимир (Котляров). В тот же день 10 октября 1962 года согласие на отправку представителей Московского Патриархата в качестве наблюдателей на Ватиканский Собор было дано постановлением Президиума ЦК КПСС<sup>8</sup>.

Наблюдателями от Русской Православной Церкви на Втором Ватиканском Соборе были: на I сессии – профессор ЛДА протопресвитер Виталий Боровой, архимандрит Владимир (Котляров); на II сессии – протопресвитер Виталий Боровой, протопресвитер Иаков Илич; на III сессии – протопресвитер Виталий Боровой, доцент ЛДА протоиерей Ливерий Воронов; на IV сессии – протопресвитер Виталий Боровой, архимандрит Ювеналий (Поярков).

Из зарубежного православного духовенства на Соборе присутствовали: делегация от Русской Православной Церкви за границей – епископ Женевский Антоний (Бартошевич), протоиерей Иоанн Троянов, С. Гротов; делегация от Свято-Сергиевского богословского института в Париже – ректор епископ Катанский Кассиан (Безобразов), протоиерей Александр Шмеман, а также прот. Николай Афанасьев, прот. Николай Арсеньев, Павел Евдокимов, митрополит Эмилиан (Тимиадис), Николаос Ниссиотис. Иерусалимский Патриархат и Элладская Церковь свои делегации направить отказались. Решение отказаться от отправки на Собор своих наблюдателей приняло руководство Константинопольской Церкви, о чем сообщалось в телеграмме Патриарха Афинагора от 10 октября 1962 года, что стало неожиданностью для Московского Патриархата. Впрочем, и решение Священного Синода РПЦ отправить наблюдателей на Собор тоже было неожиданным для Патриарха Афинагора<sup>9</sup>.

Вернемся, однако, к самому Ватиканскому Собору. В процессе подготовки к нему и в ходе его работы выявились серьезные разногласия между рядом консервативных иерархов католической церкви («интегристов», от лат. *integrum* – целостный), стремившихся к максимальному сохранению традиционных элементов литургии и богословия, и сторонниками обновлений в духе провозглашенного Иоанном XXIII «аджорнаменто» («прогрессистами»). Первая модернистская струя возникла в лоне

Католической церкви уже в первой половине XIX века, в условиях торжества секулярного порядка. Компромиссная идеология некоторых католических иерархов не принесла результатов: в 1907 году папа Пий X осудил модернизм как ересь, и секуляризация церковных структур вместе с богословским экуменизмом до времени уходят в подполье. Впрочем, ненадолго.

В конце 20-х годов XX столетия модернизм возрождается в интеллектуальных кругах, в движении «литургического обновления», а с начала 40-х годов – в движении «рабочих-священников»\*. Не последнюю роль в этом смысле сыграли официальные инициативы понтификов, в частности – новое социальное учение Ватиканского Собора, изложенное в энциклике Пия XI *Quas Primas* (1925), а также в энциклике Пия XII *Divino afflante Spiritu* (1943), буквально взорвавшей католическое богословие новыми приемами библейской критики. Несмотря на преследования со стороны Пия XII, модернистская оппозиция в своих трех направлениях – модернизм, социализация и богослужебная реформа – доживает до понтификата Иоанна XXIII и открыто заявляет о себе на Втором Ватиканском Соборе<sup>10</sup>.

Иоанн XXIII спешил созвать собор вселенского масштаба уже спустя три месяца после своего избрания, чтобы застать консервативную часть курии врасплох. И преуспел в своем намерении. С самого начала инициаторы Собора ставили целью обойти реакционные круги: консервативные элементы не должны оказывать давление на соборные решения. В пику ортодоксальной курии и Конгрегации по делам веры во главе с кардиналом Оттавиани, папа Иоанн XXIII в 1960 году создает Секретариат по содействию единству христиан во главе с либеральным кардиналом Августином Беа. Курия была настроена против Собора, большинство итальянских иерархов – тоже: боялись, что Собор лишит их привилегий в церкви. Позднее кардинал Леркаро признается: «Мы все (итальянские кардиналы) оставили папу Иоанна XXIII в одиночестве»<sup>11</sup>.

Торжественное открытие Второго Ватиканского Собора состоялось 11 октября 1962 года в римской Базилике святого Павла (Сан-Паоло фуори ле Мура). На трибунах восседало 2692 церковных иерарха и генеральных настоятеля от 168 монашеских орденов и конгрегаций: Европа была представлена 849 иерархами, Северная и Южная Америка – 932, Азия – 256, Африка – 250, Океания – 70. Кроме того на соборе присутствовало 2540 участников, в том числе дипломатический корпус, 300 экспертов, консультантов и редакторов, которые не участвовали в дебатах Собора, делегации от 17 не католических христианских церквей, в том числе: православные, англикане, старокатолики – всего 86 официальных делегаций из различных стран и международных организаций. Все заседания собора начинались с молитвы, которая попеременно читалась на латинском и греческом языках. Раз в неделю проводились собрания наблюдателей, во время которых Августин Беа комментировал текущую работу Собора, а наблюдателям предлагалось высказывать свои мнения по обсуждаемым проектам документов<sup>12</sup>.

Открывая Собор, Иоанн XXIII заявил, что целью его является не осуждение заблуждений и провозглашение анафем, но возведение мостов человеческого един-

\* *Рабочие-священники* – группа из более 100 французских и бельгийских римско-католических священников, стремившихся евангелизировать отошедших от *римско-католической церкви* рабочих, присоединившись к ним на их рабочих местах. Этот эксперимент проводился в 1944-1954, пока не был запрещен церковью как компрометирующий природу *священства*. (Прим. ВС.)

ства и братства – над пропастью идеологического противостояния Востока и Запада. Папа высказал мысль, что результатом Собора должна стать открытая миру Церковь, не отвергающая и осуждающая реалии современного общества, но реформированная изнутри<sup>13</sup>.

В ходе I сессии Ватиканского Собора (11.10.62–8.12.62) обсуждались пять проектов документов: об источниках Божественного Откровения; о литургии; о средствах массовой коммуникации; о Церкви; о единстве с восточными Православными Церквями.

Отцы Собора быстро пришли к согласию в том, что поставленная цель – обновление (aggiornamento) церковной жизни – может быть достигнута лишь благодаря развитию экклезиологии и церковного самосознания. Большинство членов Собора отказались следовать составленной курией повестке дня и голосовать за предложенных ею кандидатов в соборные комиссии. У Иоанна XXIII совместно с Августином Беа был предусмотрен альтернативный центр руководства Собором – Секретариат по содействию единству христиан (во главе с Беа). Расставляя акценты в пользу либералов, французский кардинал Лиенар и немецкий кардинал Фрингс предложили членам Собора в епископском сане составить собственные списки, в результате чего в состав соборных комиссий попали в основном модернисты из Восточной и Северной Европы, во главе с кардиналами Альфринком (Голландия) и Сюенсом (Бельгия).

Первая сессия Собора означала начало крутого поворота в политике Ватикана. Прогрессисты были настроены оптимистично: ход соборной дискуссии показал, что интегралы находятся в меньшинстве и вынуждены сдавать одну позицию за другой. «Я надеюсь умереть до окончания Собора, – заявил лидер интегралов кардинал Оттавиани, – ибо тогда я умру как кардинал святой римской церкви, а не как чиновник протестантской и прокоммунистической церкви».

После окончания первой сессии архиепископ Никодим (Ротов) в интервью корреспонденту итальянского телевидения и радио П. Бранзи на вопрос об отношении Русской Церкви ко Второму Ватиканскому Собору сказал, что в духе нелицемерного братолюбия Русская Православная Церковь

откликнулась на приглашение направить своих наблюдателей на первую сессию Второго Ватиканского Собора. Ее наблюдатели деятельно вникали в ход соборных обсуждений и проявляли живой интерес ко всему, что могло бы способствовать в будущем установлению братских христианских отношений с Римско-Католической Церковью на почве взаимопонимания и совместного стремления внести вклад в дело мира и прогресса человечества<sup>14</sup>.

А в интервью греческому журналу «Εθνος» владыка Никодим заявил, что Русская Православная Церковь считала и продолжает считать Ватиканский Собор внутренним делом Римско-Католической Церкви и что первоначальные заявления Московской Патриархии по поводу отправки своих наблюдателей не носили характера отказа<sup>15</sup>.

На церемонии открытия II сессии Собора (29.09.63–4.12.63) избранный 21 июня 1963 года вместо скончавшегося 3 июня 1963 года Иоанна XXIII новый понтифик Павел VI сформулировал четыре главные задачи церковного форума: учение о природе церкви и епископате; церковная реформа; восстановление христианского единства; диалог церкви с окружающим миром.

8 июля 1963 года кардинал А. Беа вновь предложил Автокефальным Православным Церквам направить своих наблюдателей на II сессию Собора, после чего на Родосском Всеправославном совещании 26–29 сентября 1963 года было решено предоставить выносить суждение об отправке делегатов всем Поместным Церквам самостоятельно. Не случайно в ходе этой сессии, обращаясь к внешним наблюдателям и ко всему миру, римский понтифик от лица всех католиков демонстративно просил прощения за исторические обиды, нанесенные миру Римской церковью, в свою очередь выразив готовность простить оскорбления, нанесенные католикам.

Беспрецедентным событием II сессии Собора стал жест Павла VI, когда понтифик сошел со ступеней своего трона и смиренно положил тиару на алтарь в знак отказа от мирской славы и власти. Преемники Павла VI – Иоанн Павел II и Бенедикт XVI – также отказались от ношения тиары. Последний ко всему прочему заменил изображение тиары в гербе папы римского изображением митры епископа Рима.

На повестку III сессии (14.09.64–21.11.64) папа Павел VI вынес следующие темы: учение о епископате; о природе и служении епископов; о взаимоотношениях епископов с римской курией и папой.

Одним из самых значимых этапов православно-католического диалога во время Ватиканского Собора стала встреча папы Павла VI с Патриархом Афинагором в Иерусалиме. Патриарх Афинагор изъявил желание лично встретиться с римским понтификом, о чем сообщал, стремясь заручиться поддержкой, в официальном заявлении главам Православных Церквей. Против этой встречи выступили архиепископ всей Эллады Хризостом II и Патриарх Иерусалимский Венедикт. Патриарх Московский Алексей I заявил, что данная встреча является сугубой инициативой Константинопольской Церкви, а не всего Православия<sup>16</sup>. 5 января 1964 года, на Елеонской горе, папа Павел VI и Патриарх Афинагор обменялись взаимными приветствиями и «поцелуем мира», объявив о намерении всецело способствовать единению Православной и Католической церквей. Итогом одного из значимых этапов православно-католического диалога в Иерусалиме стало решение Константинопольского Патриархата направить своих наблюдателей на III сессию Ватиканского Собора.

На IV сессии Собора (14.09.65–8.12.65) было утверждено большинство соборных документов. Кульминацией экуменической повестки Собора стало зачитанное папой 8 декабря 1965 года «Совместное заявление Римско-Католической и Православной Константинопольской Церквей», в котором провозглашалось, что папа Римский Павел VI и Патриарх Константинопольский Афинагор ради «братских отношений», завязавшихся между Церквами, пожелали устранить «некоторые препятствия» на пути этих отношений, а именно – взаимные анафемы 1054 года, и выразили сожаление об «оскорбительных словах, необоснованных упреках и достойных осуждения поступках». Кардинал Беа зачитал апостольское послание папы Павла VI «О снятии отлучения с Константинопольского Патриарха Михаила I Кирулария» (*Ambulate in dilectione*). В свою очередь представитель Константинопольского Патриархата митрополит Илиупольский и Фирский Мелитон огласил томос Патриарха Афинагора о снятии анафемы с кардинала Гумберта и легатов папы.

Решение о взаимном снятии анафем не было самочинным актом Константинопольской Поместной Церкви. 16 февраля 1965 года официальный представитель

Константинопольского Патриархата на II Ватиканском Соборе митрополит Мелитон передал от имени Патриарха Афинагора папе Павлу VI предложение о снятии анафем и предложение наметить пути для «восстановления истинного единства, красоты и славы Церкви». 6 ноября 1965 года Священный Синод Константинопольского Патриархата одобрил инициативу Патриарха Афинагора. А в телеграмме Патриарха Алексия I на имя Патриарха Афинагора, от 28 декабря 1965 года, в ответ на запрос последнего о мнении Православных Церквей, данный акт оценивался «как действие вашей Поместной досточтимой Церкви, обращенное к Церкви Рима», не имеющее богословского значения для всей полноты Святой Православной Церкви<sup>17</sup>.

Прошло пятьдесят лет со дня окончания II Ватиканского Собора, но католическая церковь продолжает развивать его учение, и надо отметить, что развитие это, по мнению самих католических иерархов, идет в направлении, указанном Собором. Что касается отношений между Русской Православной церковью и римо-католиками, то Собор способствовал снятию между ними напряженности и установлению диалога. И хотя участие наблюдателей от РПЦ в Соборе во многом было осуществлено под давлением советского государства, стремившегося таким образом снизить враждебность Ватикана в отношении СССР, тем не менее, оно объективно повысило международный статус Русской Церкви и способствовало смягчению государственной политики в отношении Церкви к середине 1960-х. Наконец, для православных богословов и историков Церкви представляет значительный интерес попытка обновления, предпринятая Западной Церковью, и изучение последствий этого курса.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Документы II Ватиканского собора. – М.: Паолине, 2004. – С. 8

<sup>2</sup> См.: Калиниченко Е.В., Пономарев В.П., Пучкин Д.Э., Тюшагин В.В. Второй Ватиканский Собор // Православная энциклопедия. Т. VII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 268–303.

<sup>3</sup> Роккуччи А. Русские наблюдатели на Втором Ватиканском Соборе // Второй Ватиканский Собор. Взгляд из России: Материалы конференции. Москва, 30 марта – 2 апреля 1995 г. – М.: ИВИ РАН, 1997. – С. 93.

<sup>4</sup> Ведерников А. Позиция благожелательного внимания (по поводу Второго Ватиканского Собора) // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1963. № 2. – С. 62.

<sup>5</sup> См.: Никодим (Ротов), митр. Иоанн XXIII, папа Римский // Богословские труды. 1979. Сб. 20. – С. 182.

<sup>6</sup> Телеграмма председателя Секретариата по содействию христианскому единству кардинала Беа // ЖМП. 1962. № 11. – С. 13.

<sup>7</sup> См.: К пребыванию в Москве монсеньера И. Виллебрандса // ЖМП. 1962. № 10. – С. 43.

<sup>8</sup> Определения Священного Синода (о подготовке

Римско-Католической Церковью Второго Ватиканского Собора) // ЖМП. 1962. № 11. – С. 9–10.

<sup>9</sup> См.: Калиниченко Е.В., Пономарев В.П., Пучкин Д.Э., Тюшагин В.В. Указ. соч. – С. 268–303.

<sup>10</sup> См.: Гергей Е. История папства: (Пер. с венгр.). – М.: Республика, 1996. – С. 401–402.

<sup>11</sup> См.: Григулевич И.Р. Папство. Век XX. – М.: Политиздат, 1978. – С. 228

<sup>12</sup> См.: II Ватиканский Собор // Католическая энциклопедия в 5 тт. – М.: Изд-во францисканцев, 2002–2011. – Т. 1. 2002. – С. 863–868.

<sup>13</sup> См.: Казем-Бек А. Второй Ватиканский Собор и современное человечество // ЖМП, 1962. № 5. – С. 74–80.

<sup>14</sup> Интервью архиеп. Никодима, председателя ОВЦС МП, корреспонденту Итальянского радио и телевидения П. Бранзи 29 мая 1963 года // ЖМП. 1963. № 7. – С. 11.

<sup>15</sup> Ответы архиеп. Никодима, председателя ОВЦС МП, на вопросы греческого журналиста С. Алексиу // ЖМП. 1963. № 2. – С. 21–22.

<sup>16</sup> См.: К снятию анафемы 1054 г. // ЖМП. 1966. № 2. – С. 4

<sup>17</sup> Там же.



*Александр ГАЛАК, Елена ЛАРИНА*

# Самаркандский храм Покрова Божией Матери

## История сооружения храма

С первых дней основания европейской части Самарканда начались работы по ее планировке. В 1870 году Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман утвердил план застройки будущего города. Тогда же был издан указ, разрешавший приобретать у местного населения земельные участки под застройку. Новая администрация стала выкупать земли на юго-западе от цитадели и старого города, занятые в основном садами и пустырями. Для того, чтобы мотивировать людей (в большинстве это были военные) оставаться жить в Туркестане, участки земли на льготных условиях выделялись отставным солдатам.

Так в районе нынешнего Крытого рынка, по обеим сторонам Катта-Курганской дороги (ныне – ул. Мирзо Улугбека) стали появляться первые дома. Постепенно они образовали так называемую Солдатскую, или Артиллерийскую слободу, с улицами Барбетной, Джамской, Эспланадной и Кладбищенской.

Район слободки быстро разрастался, в силу чего возникла необходимость в постройке храма. В 1904–1905 годах на пересечении Барбетной и Николаевской возводится храм в честь праздника Покрова Божией Матери<sup>1</sup>. (Хотя, по некоторым сведениям, первая, деревянная, церковь на этом месте была выстроена еще в 1898 году, но вскоре сгорела). Это была первая и единственная тогда невоенная церковь в городе, – все остальные церкви относились к военному ведомству. Для места ее расположения был выделен почти целый квартал. В первоначальном виде территория Покровской церкви была в три раза больше нынешней и имела другие очертания. Помимо здания самого храма, рядом были выстроены помещения для причта, большая сторожка и домик для уборщицы, кладовые для дров и конюшня. Автором проекта церкви был самаркандский областной архитектор Иван Петрович Лебедев. В Покровском соборе до сих пор сохранилось предание, что основными жертвователями на постройку этого храма были бездетные супруги-дворяне – Екатерина и Александр. Не имея возможности иметь своих детей, они решили таким образом

проявить заботу о детях, которые будут учиться в этой церковной школе. С самого начала здание собора задумывалось как комплекс – церковь-школа – и имело два отдельных входа с западной стороны. Один из них вел в церковь, а другой – в школу. В школе было два параллельных класса смешанного типа, мальчики и девочки учились вместе. Обучение было трехгодичным. В 1914 году в этой школе обучалось 55 мальчиков и 16 девочек<sup>2</sup>.

Здание церкви было целиком выстроено из жженого кирпича. Кирпич был выложен таким образом, что сам являлся декоративным украшением фасадной части здания. Над его западным входом возвышалась колокольня с четырехгранным шатром и небольшой луковкой, которую венчал крест.

Утром 8 октября 1907 года в Самарканде произошло довольно сильное землетрясение. Колебание почвы сопровождалось страшным гулом и слабым звоном церковных колоколов. В старой части Самарканда рухнул минарет мечети Биби-Ханым, а купол усыпальницы Гур-Эмир дал глубокие трещины. Здание Покровского собора устояло, но с колокольни свалился железный крест, сломавшись у основания<sup>3</sup>. Между колокольней и основным корпусом храма образовалась трещина, которую пришлось устранять силами и на средства прихожан.

В 1920-е годы начинаются гонения на верующих; одна за другой в Самарканде закрываются церкви. В марте 1922 года Президиум Облгорисполкома Самарканда утвердил постановление, по которому все домовладения города, оцененные свыше десяти тысяч рублей довоенного времени, были муниципализированы. В этот список автоматически попали все здания самаркандских церквей. После этого постановления все имущество и сами здания церквей стали собственностью города и начали сдаваться в арендное пользование церковным Советам. Для ознакомления с означенным декретом 25 мая 1923 года в Облгорисполком были вызваны представители церковных Советов города и всем были выданы в копиях декрет и договор, который должен был быть заполнен, с приложением описи церковного имущества. Кроме этого, всем приходам был выдан новый типовой устав церкви<sup>4</sup>. Отныне от решения Самоблисполкома зависело, утвердить или нет устав той или иной церкви. Покровский собор уцелел, но у него были отняты две трети его территории, вместе с принадлежащими ему зданиями, и отданы под жилые постройки.

Параллельно с этими событиями по всей стране прокатилась волна обновленчества. Покровский собор тоже был захвачен обновленцами. В те годы в городе существовала только одна небольшая община верных православных – Георгиевская, но она была на полулегальном положении и ютилась по разным частным домам.

После Великой Отечественной войны церковная жизнь в городе потихоньку начинает оживать. Но зависимость церкви от государства была столь велика, что на любые незначительные виды работ, даже на побелку ограды, нужно было брать разрешение у городских властей. В 1947 году в здании Покровского собора раскрывается крыша и надстраиваются два свето-вентиляционных фонаря (стеклянные павильоны), как дополнительные источники освещения над амвоном и над хорами, для певчих. В 1949 году архимандрит Ермоген добивается разрешения на возведение капитальной ограды вокруг здания собора, которое было закончено к 1953 году. Вплоть до 12 августа 1957 года здание церкви значилось по адресу: ул. Совет-

ская, 9, – а после отчуждения участка земли и перепланировки оно было выделено в самостоятельную единицу, с закреплением нового номера, по адресу: ул. Возрождения, 18.

В клировых документах за 1957 год встречается интересная запись, в которой сообщается, что священнослужители вместе с семьями на протяжении ряда лет вынуждены были проживать в самом здании храма:

Кроме площади для богослужений в соборе имеются еще девять комнат: 1. комната для отца настоятеля, 2. комната для второго священника, 3. комната для пономаря, 4. комната для крещения, 5. канцелярия, 6. кухня, 7. полуподвальное помещение для просфорни, 8. комната для алтарницы, 9. кладовая для хранения свечей<sup>5</sup>.

Но в этом же году ситуация начинает меняться. После многочисленных обращений власти дают разрешение на постройку во дворе храма подсобных помещений: кладовых, туалетов, прачечной, подвала для хранения угля, комнаты для семьи диакона и гаража для автомашины (в том же 1957 году, с разрешения властей, настоятель Покровского собора приобрел «Москвич»). Именно в то время складывается облик территории собора, существующий по сей день. Что же касается самого здания храма, то оно сохранилось до нынешнего времени практически в первоначальном виде.

### **Настоятели и служащие**

**И**зучая документы по истории Покровского собора, мы насчитали 46 священников, служивших в нем, и это далеко не полный список: мы пока не располагаем данными о тех, кто служил в соборе с 1914 по 1933 годы.

Первым настоятелем церкви в 1905 году стал 35-летний священник Виктор Моталев – выпускник Петербургской духовной семинарии 1893 года по второму разряду. Он отозвался на призыв епископа Григория (Полетаева) послужить в дальней Туркестанской епархии и сначала был направлен в город Верный (ныне – Алма-Ата), потом в Пржевальск. В 1905 году владыка Паисий (Виноградов) направляет его в Самаркандский Покровский собор. Отец Виктор прослужил на этом приходе до 1912 года, будучи еще и благочинным Самаркандских церквей. По сохранившимся сведениям, он же был и заведующим Покровской церковно-приходской школы. А законоучителем – преподавателем Закона Божия – был второй священник, отец Никита Буров. Кроме него, в церковной школе было еще три преподавателя: Евдокия Владимировна Игошина, Анна Михайловна Анкирская и учитель пения Алексей Евфимиевич Толмачев.

В 1912 году отец Виктор был переведен епископом Димитрием (Абашидзе) в Ташкент. Там через несколько лет жизнь отца Виктора трагически оборвалась: в 1918 году он был арестован и затем расстрелян.

Вторым по счету настоятелем Покровской церкви-школы в 1912 году был протоиерей Михаил Каплун-Омелюстый, живший неподалеку от церкви по улице Николаевской, в доме 54. Он также был благочинным церквей Самаркандской области.

С 1923-го года, как уже сказано, церковь находилась под обновленцами. С 1933

по 1937 годы вторым священником в Покровском соборе служил настоятель при- вокзальной Николаевской церкви (тоже обновленческой) отец Алексей Килячков. В 1937 году он был осужден и до 1943 года отбывал срок наказания в лагерях.

В 1941–1943 годах в церкви служил обновленческий протодиакон, затем священник Павел Королев.

В марте 1944 года в Самарканд приезжает архиепископ Куйбышевский Алексей (Палицын), посланный в Среднюю Азию патриархом Сергием с целью принять покаяние у обновленцев и заново освятить храмы. 31 марта в алтаре Георгиевского храма, в присутствии трех верных православных священников и группы верующих, обновленческое духовенство принесло покаяние и было вновь присоединено к Православной Церкви. Покаяние в тот день принесли три самаркандских священника и один протодиакон (Павел Королёв).

Вечером того же дня владыка Алексей совершил полное освящение Покровского собора и при вокзального Николаевского молитвенного дома. 2 апреля в заново освященном Покровском соборе им же была совершена Божественная литургия. После Литургии был отслужен молебен о даровании победы над врагом в Великой Отечественной войне<sup>6</sup>.

Новым настоятелем становится архимандрит Гурий (Егоров) – истинный пастырь с удивительной биографией. В 1915 году он принимает постриг в Петербурге. В 1917-м, сразу же после революции, вместе со своим братом Львом и отцом Иннокентием (Тихоновым) создает Александро-Невское братство. За активную миссионерскую деятельность следуют ссылки и лагеря – на Севере, а потом в Средней Азии.

В конце 1944 года, однако, архимандрита Гурия вызвали в Москву и назначили наместником готовящейся к открытию Троице-Сергиевой лавры. А с августа 1946 года он становится епископом Ташкентским и Среднеазиатским.

В 1946–1947 годах настоятелем становится протоиерей Николай Васильевич Уваров. До 1944 года он был в расколе обновленчества, но принес покаяние.

1947 год, март. Настоятель – отец Стефан Андреевич Попович. При нем, в августе этого года, как уже говорилось, была раскрыта крыша Покровского собора и сооружены дополнительные источники освещения, два свето-вентиляционных фонаря.

1948–1953 годы – настоятелем Покровского собора назначается архимандрит Ермоген (Голубев). Позже он сменит владыку Гурия на посту правящего архиерея Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Архимандрит Ермоген совершал службы в соборе каждый день, и эта, заложенная им традиция сохранялась в Покровском соборе много лет. Все пять лет своего служения в Покровском соборе архимандрит Ермоген жил в самом здании церкви. В связи с отсутствием ограды собора, в непосредственной близости от церковного здания образовалось место свалки и нечистот. В 1949 году архимандрит Ермоген организовал постройку сначала временной, а затем капитальной церковной ограды. Эта ограда до сих пор окружает территорию церкви с южной и западной стороны собора.

Вместе с архимандритом Ермогеном в Покровском соборе служили священник Антоний Стрекулистов и диакон Александр Карамышев. Подвизались в соборе и две монахини, Евгения (Миллер) и Аполлония (Доленкова). Они обе, будучи еще в Петербурге, жили в одной келии в монастыре. Вместе вступили в Александро-Невское

братство. Мать Евгения закончила Сорбонну, хорошо знала древние языки, а также немецкий, английский и французский. Она преподавала в Самаркандском университете латынь и английский язык. Она была отзывчивой и охотно принимала всех, кому могла помочь. Распорядок дня у нее был жесткий, ни минуты в праздности. В пять утра вставала, обливалась холодной водой с головы до ног, в любое время года. Потом исполняла свое монашеское правило, прибиралась, готовила и уходила в университет. Днем она принимала посетителей и трудилась в храме. Ночью любила читать книги, духовные и классику.

Матушка Аполлония, напротив, едва умела читать и была очень простой. Она служила алтарницей в Покровском соборе и пекла просфоры. Она никогда не осуждала других людей, была молчалива, отвечала односложно и всегда молилась. На замечания не обижалась и старалась всем послужить. В 1953 году, когда архимандрит Ермоген был хиротонисан во епископа, с наречением епископом Ташкентским и Среднеазиатским, монахини последовали за ним в Ташкент.

В марте 1953 года служивший в соборе священник Антоний Стрекулистов был переведен указом епископа Ермогена настоятелем молитвенного дома села Покровка в Киргизии, а настоятелем в самаркандский Покровский собор был назначен священник Сергей Никитин. Позже он станет епископом Калужским и Боровским Стефаном. (В 1922 году он окончил медицинский факультет Московского университета. В 1927-м был рукоположен во священника и совмещал служение в церкви со службой в системе здравоохранения. 16 февраля 1931 года он был арестован по статье 58, п. 2, и осужден на три года принудительных работ в лагерях).

В октябре 1953 года священником собора стал отец Максим Чушев. Родом он был из Самары, в 1922 году рукоположен во священника. Попал на Крайний Север, с 1935 года работал преподавателем в школе, потом агрономом. С 1947 по 1953 годы отбывал срок, был отпущен по амнистии.

Настоятелем собора с октября 1954-го по 1961 годы был иеромонах Нифонт (Наркисс Порфирьевич Андрусевич), тоже из репрессированных. Родился он в 1905 году в Винницкой области, в семье псаломщика. В 1919 году окончил Тульчинское Духовное училище. В 1930 году вступил в братию Киево-Печерской Лавры. В 1937-м был осужден на 10 лет по статье 58, 10-2, и отбывал срок на Беломорканале и на берегу Карского моря. После освобождения в 1949 году был сослан на вечное поселение в Сибирь, но после смерти Сталина освободился по амнистии. Выйдя на свободу, он списался с владыкой Ермогеном, с которым был знаком еще по Киево-Печерской Лавре. Таким образом, иеромонах Нифонт становится сначала вторым священником, а затем и настоятелем Покровского собора. В 1961 году уполномоченный отобрал у него справку о регистрации, он оказался за штатом и жил в Самарканде до 1971 года, не имея возможности служить. Игумен Нифонт изъявил желание умереть в России, принял схиму с именем Парфений и уехал.

В 1955 году вторым священником храма ненадолго – всего на год – стал иеромонах Серафим (Григорьев). Родился он в 1911 году в деревне Дуровская Московской губернии в семье крестьянина. В 1937 году окончил семилетку в Ленинграде. С 1941 по 1949 годы отбывал срок наказания по статье 58, п. 10, в Норильских и Тайшетских лагерях. В 1954 году посвящен во иеродиакона, в 1955 году – в иеромонаха. После

Покровского собора служил в Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента, настоятель Покровского молитвенного дома села Покровки в Киргизстане. В 1971 году вышел за штат.

В 1955 году диаконом, а с 1956 года священником храма был Василий Иванович Минаев. Участник Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 он был в плену в Финляндии. В 1945 году осужден на 10 лет лагерей по статье 58, п. б...

Не будем перечислять всех священников и диаконов, служивших последние полвека в храме. Назовем лишь имена настоятелей: священник Иннокентий Матафонов (1961–1963), священник Александр Керимов (1966–1970), священник Илья Овчаренко (1970), священник Георгий Хорунжий (1971), игумен Сергей (Рябцев) (1979–1981), священник Виктор Колесников (1988–1990), священник Димитрий Гощук (1990), священник Георгий Хорунжий (1990–2001), протоиерей Роман Загрельный (с 2006 года).

### **Иконы Покровского собора**

В 1930-е годы в Покровский собор свезли много икон из закрывающихся храмов. В 60-е годы история повторилась вновь: были закрыты Свято-Никольский молитвенный дом в Самарканде, молитвенный дом во имя св. равноап. князя Владимира в Каттакургане, Михайло-Архангельский – в Булунгуре. И в этот раз имущество из них тоже было передано в Покровский собор<sup>7</sup>. Из одного только Каттакурганского молитвенного дома было передано 116 разных икон и четыре хоругви, не считая всего остального. Вплоть до 90-х годов все это находилось в стенах Покровского собора. Когда некоторые храмы стали возрождаться, часть из этих икон была передана им обратно.

В Покровском соборе Самарканда есть немало старинных икон. Прежде всего, нужно сказать о двух старых больших образах итальянского письма, находящихся на левом и правом клиросах, в белых киотах. Это прекрасная храмовая икона Покрова Божией Матери и образ преподобного Серафима Саровского.

В мае 2014 года на обратной стороне иконы Божией Матери Тихвинской – Слезоточивой была обнаружена старая надпись – «Катты-Курган» (так! – А.Г.). Приблизительно тогда же, среди описаний храмов и святынь Туркестанского края, мы нашли упоминание о ней.

В церкви Катты-Курган заслуживает особого внимания икона Тихвинской Божией Матери, присланная русским монастырем св. Пантелеймона на Афоне. Икона сия освящена Высокопреосвященным Нилом (старцем-схимником) на мощах Святых Угодников смесью Святых вод – источников Палестины, Иордана и Назарета, в иконе заложены: частицы от дуба Мамврийского и частица от камня Гроба Господня<sup>8</sup>.

Первообраз этой иконы находился в Ильинском русском скиту на святой горе Афон. 17 февраля 1877 года эта икона прославилась чудесным истечением слез. Эта икона, неприметно, много лет висела в Покровском соборе, и никто не подозревал об этом.

На стене напротив висят два больших образа – Божией Матери Иверской и свя-

того великомученика и целителя Пантелеймона. Они тоже написаны на святой горе Афон, и на обратной стороне обеих икон имеются сходные по содержанию надписи:

Икона сия писана и освящена на святой горе Афон, в Русском святого Великомученика и Целителя Пантелеймона Монастыре, от коего послана в Георгиевскую церковь г. Самарканда в благословение Христолюбивым жителям, в благодатную помощь, покров и заступление, всем с верою и усердием прибегающим, и умильно молящимся пред честным его образом. 1895 год.

Кроме них в соборе висит еще один образ, написанный на Афоне, – прекрасное изображение Божией Матери Скоропослушницы. Этот образ был сильно опален во время пожара, но в 2013 году отреставрирован.

Среди икон Божией Матери хочется выделить образы итальянского письма – Божией Матери Почаевской с предстоящими святыми и Божией Матери Знаменье, написанный монахинями Серафимо-Понетаевского монастыря в 1885 году.

На клиросах хранятся прекрасно сохранившиеся большие иконы итальянского письма – храмовая икона Праздника Покрова Божией Матери, св. муч. князя Михаила Тверского, и св. преп. Серафима Саровского. Рядом, в отдельном киоте, находится старинный образ Казанской Божией Матери. Эта, вероятно, самая старая икона храма среди прихожан собора считается чудотворной. Другой, особо чтимой иконой храма считается образ Святителя Николая, написанный в 1913 году.

В алтаре Покровского собора висит еще одна старая икона – образ Первоверховных апостолов Петра и Павла. С обратной стороны этой иконы имеется надпись:

Благословение трезвенникам казакам Сарканской Станицы, находящейся в 1-ом Семиреченском казачьем полку, от Сарканского общества трезвости. 1910 год 16 мая. Станица Сарканская, Председатель Сарканского общества трезвости священник Иоанн Витавский. Секретарь общества В. Вязигин.

В 2007 году в собор пришел мужчина, принесший икону, которая много лет висела у него в гараже. Историю иконы он не знал. Оказалось, что это очень редкий образ Богородицы – «Прежде рождества Дева и по рождестве Дева». Стиль письма этой иконы очень своеобразный, похож на школу круга Боровиковского. У Богоматери на правой руке специфически подогнут мизинец.

В стенах собора находится еще немало и других старинных образов, история которых пока остается неясной.

### **Воскресная школа и иконы из бисера**

В начале 2000-х годов на всех приходах стали открываться воскресные школы. Отец Роман, служивший тогда одновременно в двух храмах – Покровском и Алексеевском, – благословил на открытие воскресной школы в Алексеевском храме работницу прихода Валентину Олеговну Гулиеву. За какое бы дело она ни бралась, сразу же вокруг нее собирались люди. К тому времени она уже преподавала в воскресной школе в Свято-Георгиевском храме.

29 февраля 2004 года, в первую неделю Великого Поста, в день Торжества Православия, на церковном совете обсудили все подробности и взялись за дело. Было ре-

шено соединить занятия с молением за страдающих от алкогольной зависимости. 6 марта был совершен первый молебен с чтением акафиста перед иконою Богоматери «Неупиваемая Чаша». После литургии шла проповедь отца Романа, после этого совершался водосвятный молебен с чтением постоянного списка страдающих от алкогольной зависимости – более двухсот имен. По окончании молебна все прикладывались к образу «Неупиваемая Чаша», и сразу после этого начинались занятия. Эта икона была вышита бисером поверх бумажного календаря, наклеенного на картон, Валентиной Олеговной, и стала первой иконой, вышитой бисером.

На занятиях разбирали толкования на Евангелие и Апостол и на псалмы, изучали Закон Божий, рассказывалось о таинстве покаяния, о житиях святых... Люди знали, что каждую субботу будет молебен, и специально приходили на него, молились за родных и набирали воду. Валентина Олеговна также готовила программу выступлений с детьми к церковным праздникам.

Так два года и четыре месяца воскресная школа вела свои занятия в Алексеевском соборе. А когда отец Роман передал собор новому настоятелю – отцу Игорю, то вся воскресная школа в полном составе перешла вместе с отцом Романом в Покровский собор.

Первое занятие на новом месте провели 26 июня 2006 года, в день почитания иконы Божией Матери «Достойно Есть». Возраст учащихся взрослой школы был от 20 до 70 лет. Детская воскресная школа появилась немного позже. Специальной программы по обучению детей и обучающей литературы тогда еще в школе не было, и все уроки планировались вместе с отцом-настоятелем. Детям преподавали Евангельские притчи, Закон Божий, нравственное воспитание и жития святых.

Тогда же возникла идея создания кружка по вышиванию икон из бисера. Еще в 2000 году Валентина Гулиева обучилась в Оптиной Пустыни вышивать золотой нитью. А в 2007 году, когда она жила в Шамординской обители, научилась технике вышивания икон у монахини Евфимии. Шамордино – единственный монастырь, где все иконы вышиты бисером и бусами. Вернувшись из поездки, Валентина Олеговна сначала сама попробовала работать в этой технике. Тогда же, уже в Покровском соборе, были созданы кружки по вышиванию икон бисером и бусами и по шитью священнического и храмового облачения. Валентина Олеговна была ризничной Покровского собора, люди собирались и в стенах храма, и у нее на дому. Кружок шил все: облачения и хоругви, плащаницы и покровцы. Шили для себя и в подарок другим храмам. Именно тогда получила развитие техника вышивки икон бисером. Отец Роман поддержал эту инициативу и благословил начать работу над иконами. Процесс изготовления таких икон очень трудоемкий и требует большого внимания и усидчивости. Последними работами Валентины Олеговны для храма были икона Иоанна Крестителя в рост и коллективная работа над плащаницей Божией Матери.

В 2010 году она переехала жить в Россию. Но работа кружка не остановилась. Ее продолжили вышивальщица Анна Гульянц, бухгалтер храма Татьяна Кремер, матушка Анастасия Поряева и авторы этой статьи. Когда отец Роман принял Покровский собор, то на его стенах помимо старинных больших образов висело много мелких выцветших репродукций, вырезанных из журналов. Первой иконой из бисера был образ Спасителя в терновом венце, вышитый Анной Гульянц по старинной литогра-



фии, привезенной когда-то со Святой Земли. После него последовали иконы Божией Матери Скоропослушницы и Господа Вседержителя; пророка Даниила, считающегося одним из покровителей Самарканда; Покров Божией Матери и многие другие иконы, украсившие собою Покровский храм.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Справочная книга Самаркандской области, 1905 год. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. – Самарканд: Типолитография «Товарищество Б.А. Газаров и К. Слиянов», 1905. – С. 48.

<sup>2</sup> См.: Справочник и адрес-календарь Самаркандской области, 1914 год. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. – Самарканд: Типолитография «Товарищество Б.А. Газаров и К. Слиянов», 1914. – С. 52.

<sup>3</sup> См.: Справочная книга Самаркандской области, 1912 год. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. – Самарканд: Типолитография «Товарищество Б.А. Газаров и К. Слиянов», 1912. – С. 198.

<sup>4</sup> Самаркандский областной государственный архив (СОГА). Ф. 67. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

<sup>5</sup> Клировые документы Покровского собора за 1957 год. (Архив Покровского собора).

<sup>6</sup> См.: *Патрахин Л, прот., Лай П., прот.* По стопам Апостола Фомы. – Воронеж: [б.и.], 2009. – С. 160.

<sup>7</sup> См.: Клировые документы Покровского собора за 1962–1963 годы. (Архив Покровского собора).

<sup>8</sup> *Цитович Г.А.* Храмы армии и флота: историко-статистическое описание. – Пятигорск: Типолитография А. П. Нагорова, 1913. – С. 476.

*Юрий ФЛЫГИН*

## «Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа...»

*Православие и другие конфессии в Средней Азии в первой половине 1940-х годов*

В годы, непосредственно предшествовавшие началу Великой Отечественной войны, в результате двух десятилетий насаждения в Советском Союзе воинствующего атеизма, Русская Православная Церковь была вытеснена на периферию общественной жизни. Абсолютное большинство храмов было закрыто, многие из них разрушены. Священнослужители, архиереи, огромное число простых верующих были лишены жизни или находились в заключении.

В 1939–1941 гг., – пишет историк Русской Церкви советского периода протоирей Владислав Цыпин, – в легальных формах церковная жизнь сохранилась, по существу, только в западных епархиях [на территориях Западной Белоруссии, Западной Украины, Молдавии и Прибалтики, вошедших в состав Союза в те годы. – Ю.Ф.]. Здесь было более 90% всех приходов Русской Православной Церкви, действовали монастыри, все епархии управлялись архиереями. На остальной территории страны церковная организация была разрушена: в 1939 г. оставалось всего 4 кафедры, занятых архиереями, включая главу Церкви митрополита Московского и Коломенского, около 100 приходов и ни одного монастыря... В последние предвоенные годы волна антицерковных репрессий утихла отчасти потому, что почти все, что можно было разрушить, – уже разрушили, что можно было растоптать, – растоптали<sup>1</sup>.

В первый же день Великой Отечественной войны Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором он призвал православный народ на защиту Отечества:

Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оста-

*Юрий ФЛЫГИН.* «Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа...»

вит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу<sup>2</sup>.

26 июня митрополит Сергей совершил в Богоявленском соборе молебен о победе русского воинства. Во всех православных храмах, которые еще действовали, за богослужением читали молитву, составленную в Отечественную войну 1812 года (в нее внесли лишь незначительные изменения):

Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже творяй чудеса Един! Призри в милости и щедротах на смиренные рабы Твоя и человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наша собрашася на ны, во еже погубити нас и разорите святыни наша. Помози нам, Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и да приложатся к нам словеса, реченные Моисеем к людям израильским: Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа. Господь бо поборет по нас<sup>3</sup>.

Обычно начало перемен в конфессиональной политике советской власти связывают с известной встречей И. Сталина с иерархами Русской Православной Церкви 4 сентября 1943 года. В действительности же процесс потепления отношений между государственной властью и Церковью начался несколько раньше. Последовательно патриотическая позиция Священноначалия и духовенства РПЦ в дни войны не осталась без ответной реакции советского руководства; появляются признаки смягчения антицерковной политики. Однако, «это были скорее демонстративные жесты, чем реальные шаги навстречу многомиллионному верующему народу, проливавшему кровь за спасение Отечества...»<sup>4</sup>. Был ряд и других причин, в том числе внешнеполитического характера, побуждавших государственную власть к улучшению отношений с Церковью.

Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей, поздравляя И. Сталина с новым, 1942 годом, писал:

Молитвенно желаю в новом году Вам здоровья и успехов во всех Ваших начинаниях на благо вверенной Вам родной страны. Нашим особым посланием приглашаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Дмитрия Донского... Просим в Госбанке открыть специальный счет. Да завершится победой над темными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый<sup>5</sup>.

Сталин дал указание открыть счет и в ответе написал: «Прошу передать православному духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых силах Красной Армии».

Накануне отмечавшегося в ноябре 1942 года 25-летия Октябрьской революции лидеры всех конфессий Советского Союза направили в связи с юбилеем приветствия Сталину. Митрополит Сергей писал:

В день 25-летия Советских Республик от имени нашего духовенства и всех верующих Православной Русской Церкви, верных чад нашей Родины, сердечно и молитвенно приветствую в Вашем лице избранного вождя воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию нашей страны и светлому будущему ее народов. Да благословит Бог успехом и славою Ваш великий подвиг за родину<sup>6</sup>.

Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины Николай (Ярушевич), в своем поздравлении от имени православных украинцев заявлял, что

верующий украинский народ тяжело страдая под пятой немецких разбойников, как пасхального дня ждет своего освобождения и возвращения к мирной и счастливой жизни, разрушенной врагом... Вместе со всей страной мы верим, что сбросив с себя врага, наша священная земля скоро вновь зацветет как Неопалимая Купина<sup>7</sup>.

От имени советского еврейства Сталина приветствовал председатель московской еврейской общины Габруцкий:

Дорогой вождь! От имени правления еврейской общины и от имени верующих евреев в день 25-летия Великой Октябрьской революции со свитком Торы в руках возносим горячие молитвы Всевышнему о даровании Вам, любимый избранник Бога и выразитель воли всего 200-миллионного народа, и в дальнейшем безграничной мудрости и сил для скорейшего и полного уничтожения людоеда Гитлера, подлого врага нашей дорогой Родины и всего свободолюбивого человечества<sup>8</sup>.

От всего сердца поздравляю Вас с 25-летием Советского государства, главой которого Вы являетесь, – писал в своем приветствии Сталину от имени мусульман Средней Азии Ишан Бабахан. – Всеми миру известно, что мусульманские народы Средней Азии... под вашим мудрым руководством добились экономического и культурного расцвета... Гитлеровские войска подвергают жестоким зверствам мусульман Крыма и Кавказа, ибо Гитлер является и врагом мусульманских народов. Коран обязывает мусульман бороться с врагами, он указывает: *Разите их везде, где найдете их, изгоняйте их, откуда они вас изгнали*. Молюсь Богу и прошу здоровья и помощи Вам, великому полководцу в борьбе за освобождение от фашистского ига всех угнетенных народов и победы в Отечественной войне<sup>9</sup>.

У Ишана Бабахана, очевидно, были затруднения с определением своего статуса. Понятие об иерархии в исламе отсутствует, а узаконенного государством мусульманского руководящего органа в Средней Азии тогда не существовало. Он подписался «мусульманский духовный деятель Средней Азии Ишан Бабахан Абду Маджит Ханоглы».

Поздравления направили также Католикос Грузинской церкви Калистрат, заместитель Католикоса всех армян архиепископ Геворг и другие духовные лидеры.

Подобные поздравления от руководителей конфессий имели место и ранее. Но вопреки практике прошлых лет, на этот раз поздравления не только были напечатаны в центральных газетах, но вождь удостоил поздравителей благодарных ответов, которые тоже были опубликованы.

В годы войны многие священники передавали свои сбережения, организовывали сбор пожертвований от прихожан на нужды обороны. Священник из Молотовской области (так в 1940–1957 гг. называлась Пермская область) Александр Троицкий передал на нужды обороны 100 тысяч рублей, на которые был приобретен военный самолет. Он написал письмо И. Сталину:

Дорогой наш отец! С первого дня Великой Отечественной войны против исконных врагов русского народа немецких зверей, призвал я прихожан своей церкви помогать Красной Армии,

*Юрий ФЛЫГИН.* «Держайте, стойте, и узрите спасение от Господа...»

в своих проповедях я проклял немецких насильников и детоубийц, проклял их за развалины Истринского собора, за все горе, которое они причинили русскому народу... Следуя примеру патриотов нашей Родины, я... решил на свои личные сбережения приобрести для Красной Армии самолет и вношу на это великое дело 100000 рублей<sup>10</sup>.

В ответ Сталин прислал благодарственную телеграмму: «Благодарю Вас, Александр Александрович, за Вашу заботу о Красной Армии. Примите мой привет».

Следует заметить, что в самом начале войны мусульманское духовенство Средней Азии никак не обозначало своего отношения к ней. В соответствующих инстанциях было обращено внимание на это. В июле 1942 года А.И. Степанов, один из руководителей антирелигиозной пропаганды в Узбекистане (в 1942 году он являлся зав. лекторским бюро, зам. председателя Союза воинствующих безбожников Узбекистана, начальником спецчасти Узгослита), в одной из своих докладных записок писал:

Суннитское... духовенство, в основном сосредоточенное в Узбекистане, до сих пор ничем не выявило своего отношения к происходящей войне. Говорить о международном политическом значении Узбекистана для всего Востока не приходится. К голосу общественности Узбекистана чутко прислушивается весь мусульманский Восток.

...Мусульманское духовенство безусловно может бросить верующим, живущим на территории Узбекистана, призыв к священной войне... Можно найти много соответствующих цитат из Корана и хадисов, подобно тому, как их нашло в Советском Азербайджане шиитское духовенство. Нужно только отбросить нашу пассивность в этом отношении. Надо чтобы мусульманское духовенство Узбекистана заговорило языком патриотов, подобно тому, как заговорило православное духовенство в Ташкенте и мусульманское духовенство в Азербайджане ... Надо чтобы голос мусульманского духовенства таких крупнейших центров ислама как Бухара и Самарканд зазвучал во всем мусульманском мире, чтобы отношение мусульманской религиозной общественности к фашистским ордам стало известно в мусульманских Египте, Афганистане и Индии<sup>11</sup>.

Этот призыв был услышан. В июле 1943 года Ишан Бабахан встретился в Кремле с И. Сталиным, который предложил муфтию собрать Курултай мусульман и образовать духовное управление в Ташкенте. На этом Курултае, прошедшем 15–20 октября 1943 года, было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) и принято обращение к мусульманам с призывом сражаться с фашистами.

Кроме того, в течение 1944 года САДУМ организовал сбор средств среди мусульман региона на нужды обороны. В результате было собрано и сдано в фонд обороны 1280000 рублей деньгами и 117 тысяч рублей облигациями госзаймов (из этих средств 790 тысяч рублей было внесено на строительство танковой колонны, 490 тысяч – в фонд помощи семьям фронтовиков); 63 тонны хлеба и 90 голов скота. Об этом сообщалось в письме муфтия Ишана Бабахана на имя И. Сталина, которое было напечатано в газете «Правда Востока»:

Духовное управление мусульман и верующих Средней Азии и Казахстана, – говорилось в письме, – вознося молитвы всевышнему Аллаху о ниспослании Вам многолетия и даровании джигитам Красной Армии полной победы над врагом, приветствует Вас, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович... Сбор средств продолжаем и непрестанно молимся о даровании Аллахом победы нашему доблестному воинству и Вам, Иосиф Виссарионович, благоденствия и преуспевания в делах на благо нашей Великой Родины.

Там же была опубликована и ответная благодарственная телеграмма от имени Сталина:

Прошу передать мусульманскому духовенству и верующим Средней Азии и Казахстана ... мой привет и благодарность Красной Армии<sup>12</sup>.

4 сентября 1943 года состоялась встреча Сталина с Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) и еще с двумя иерархами РПЦ – митрополитами Николаем (Ярушевичем) и Алексием (Симанским). Результатом этой встречи было разрешение на избрание Патриарха, открытие приходов, восстановление духовных школ, возобновление издания «Журнала Московской Патриархии». Всем этим власти фактически признали несбыточность планов по уничтожению Церкви. На упомянутой встрече Сталин объявил и о создании правительственного Совета по делам Русской Православной Церкви.

Уже 8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский собор, главной задачей которого было избрание Патриарха. В деяниях его «участвовало 19 архиереев – все, кто в это время находился на кафедрах на неоккупированных территориях... На Собор многих архиереев доставляли на военных самолетах. Почти все они были исповедниками, прошедшими через тюрьмы, лагеря и ссылки»<sup>13</sup>.

Собор был открыт кратким докладом Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». В этом докладе говорилось, что Церковь с начала войны неоднократно обращалась к православной пастве в надежде, что Бог,

как и в прежнее время, не оставит нас и теперь и дарует нам конечную победу. Наш народ охотно откликнулся на наш призыв. Призывали мы его к жертвам на нужды войны... Это были жертвы простых богомольцев, которые вносили обычную свою лепту... Из случайных пожертвований составились миллионы<sup>14</sup>.

На Соборе был избран Патриарх – им стал Сергей (Страгородский), до этого более 17 лет исполнявший миссию предстоятеля Русской Церкви в качестве Местоблюстителя Патриаршего престола. Был также избран священный Синод из трех постоянных и трех временных членов (временные менялись через каждые полгода). Одним из первой тройки временных членов был избран архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), в ту пору возглавлявший Красноярскую кафедру. В 20-е годы Войно-Ясенецкий, будучи уже известным врачом, некоторое время одновременно служил священником, а потом и возглавлял Ташкентскую и Туркестанскую кафедру.

Собор направил правительству страны обращение, содержание которого было обусловлено особенностями политической атмосферы тех лет:

Глубоко тронуты сочувственным отношением нашего всенародного вождя, главы советского правительства И.В. Сталина, к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нашим, ее смиренных служителей, приносим правительству нашему общесоборную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободренные этим сочувствием, мы приумножим нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины. Небесный же Глава Церкви да благословит и да увенчает нашу борьбу за правое дело вожделенной победой и освобождением страждущего человечества от мрачных уз фашизма<sup>15</sup>.

28 ноября 1943 года было принято постановление Совнаркома «О порядке открытия церквей». Этот «порядок» был очень сложный, многоступенчатый и задуман был именно для того, чтобы всячески тормозить открытие храмов. И все-таки возвращение хотя бы части храмов Церкви началось.

В Ташкенте возвращать Православной Церкви было практически нечего. Из нескольких крупных капитальных храмов, являвшихся украшением города, ни один не уцелел. Лишь на старом ташкентском кладбище действовал храм во имя Александра Невского, бывший в руках обновленцев. Единственным крупным городом во всей Средней Азии, где оставался действующий православный храм, относившийся к Патриархии, был Самарканд.

Как отмечает в своей книге «По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии» митрополит Владимир (Иким), прекращение гонений на Церковь имело место в Ташкенте уже в начале войны. Протоиерей Александр Брынских, приехавший в Среднюю Азию после шести лет северных лагерей, рассказывал, как осенью 1941 года его вызвали в «органы» и сказали: «Мы знаем, что у вас есть антиминс. Начинайте служить». Он начал совершать богослужения и требы в частных домах, а на Пасху 1942 года открыто вывел на ташкентские улицы крестный ход<sup>16</sup>.

Средняя Азия была одной из цитаделей обновленцев, здесь у них насчитывалось более 90 храмов и молитвенных домов. Сам Александр Введенский, обновленческий митрополит-самозванец, после своего пропагандистского турне по Средней Азии в 1927 году, заявлял:

Вообще, у нашего обновленческого духовенства в Средней Азии дела обстоят великолепно... я видел [в Средней Азии] образцовую постановку дела и видел, как пастыри при внутренней сплоченной работе достигают того, что для многих из нас является как бы недостижимым идеалом<sup>17</sup>.

Однако в годы Великой Отечественной войны все более значительная часть среднеазиатского обновленческого духовенства стремилась к восстановлению церковного общения с законным Священноначалием. В конце 1943 года Александр Введенский получил телеграмму из Ташкента от протопресвитера Иоанна Лозового, своего верного представителя в Средней Азии: «Среднеазиатская обновленческая епархия признала Патриарха, в связи с чем поминовение вашего имени за богослужением нами прекращено»<sup>18</sup>.

В марте 1944 года в Ташкент для принятия покаяния от обновленцев прибыл архиепископ Куйбышевский Алексей (Палицын). Одновременно он знакомился с положением Русской Церкви в Ташкенте и во всей Средней Азии в видах восстановления здесь церковной жизни. Кроме Ташкента, он посетил также Самарканд и Ашхабад.

Осенью 1944 года Среднеазиатская епархия, после почти восьмилетнего перерыва, вновь возобновила свое бытование. Длительное время вдовствовавшая кафедра наконец-то получила архиерейское возглавление в лице епископа Кирилла (Поспелова). Именно он начал восстанавливать епархиальную жизнь. Правда, занимал Ташкентскую кафедру Преосвященнейший Кирилл всего полтора года, уже в 1946 году его перевели в Иваново.

В военные годы в Средней Азии, «пользуясь затишьем и отсутствием прессинга со стороны госструктур, из сохранившихся групп верующих возникают общины»<sup>19</sup>.

К лету 1945 года в Среднеазиатской епархии действовало 25 православных храмов, а еще около двух десятков предполагалось к открытию<sup>20</sup>.

Святейшему Патриарху Сергию довелось возглавлять Русскую Церковь менее года. В мае 1944 года он скончался. Владимир Лосский, известный русский богослов, сын философа Николая Лосского, с большим почитанием относился к патриарху Сергию. После его кончины он написал:

Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святитель Григорий Богослов мог сказать: «Все было велико в тебе, Великий Василий, одно лишь было мало: всего только 8 лет ты был епископом Кесарии». То же можно сказать и о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир Русской империи, мир византийских традиций, восходивший к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возник новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях в Москве – столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви<sup>21</sup>.

31 января 1945 года открылся Поместный собор Русской Православной Церкви, на котором 2 февраля Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский).

Постановлением Совнаркома СССР от 19 мая 1944 года был организован Совет по делам религиозных культов, обязанностью которого был контроль над деятельностью всех остальных конфессий, кроме РПЦ.

Соответствующие структуры были созданы также в республиках и областях. А еще ранее, 7 октября 1943 года, был назначен Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК УзССР. Им стал уже упоминавшийся А.И. Степанов, большую часть жизни проработавший в системе госбезопасности. Происходил он из семьи небогатых потомственных дворян. Окончил кадетский корпус и Павловское военное училище. В годы учебы в Псковском кадетском корпусе, и на вступительных, и на выпускных экзаменах самые высокие баллы он получил по Закону Божию. Был награжден несколькими орденами и медалями, хотя ничем достойным и не отметился, но начальство считало, что он служит беспорочно. Кстати, любопытный штрих: после революции Степанов утверждал, что якобы во время октябрьского переворота это он сделал первый залп по Зимнему дворцу, что, конечно, было неправдой: он не служил на «Авроре», хотя и имел отношение к флоту.

В одной из своих автобиографий бывший отличник по Закону Божию сообщал, что в «Февральскую революцию, по ликвидации матросами ряда офицеров, в том числе командира роты, я был матросами избран командиром роты»<sup>22</sup>.

Летом 1917 года было открыто следствие по обвинению Степанова в получении 20 тыс. немецких марок для подкупа и разложения матросов в своей роте. Октябрьские события не позволили довести расследование до конца...

9 августа 1944 года Совнарком УзССР принял постановление об организации ре-



спубликанского Совета по делам религиозных культов. В декабре 1959 года оба Совета были объединены в единый Совет по делам религиозных культов и РПЦ при Совете Министров Узбекистана. В 1965 году он был переименован в Совет по делам религии при Совете Министров и с таким названием просуществовал до февраля 1991 года.

Вскоре по окончании Великой Отечественной войны по предложению епископа Кирилла (Поспелова) была образована самостоятельная Алма-Атинская и Казахская епархия, территория которой первоначально входила в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Постановление об этом Священный Синод принял 5 июля 1945 года.

По инициативе Преосвященнейшего Кирилла в Ташкенте произошло еще одно важное церковное событие. В распоряжение православных ташкентцев была передана Св. Пантелеймоновская церковь, больше известная у горожан как Госпитальная. Она ряд лет не действовала, использовалась не по назначению, была убога и мала. Но у нее было достоинство – расположение в центре города. Этот храм получил новое название в честь Успения Богородицы и статус кафедрального собора. На собор госпитальная церковь была похожа еще менее чем кладбищенская. Однако в последующие годы, уже при других архиереях, она приобрела величественный вид, став одним из архитектурных украшений города.

Заслуги Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны неоднократно отмечались и советскими властями на разном уровне. В конце 1945 года тогдашний председатель союзного Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов на встрече с участниками архиерейского Собора говорил:

Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны показала, как она вместе со всем народом любит свою Родину и защищает ее всеми доступными для Церкви средствами. <...> Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны<sup>23</sup>.

Вполне возможно, что он был искренен в этих словах и сам не предвидел скорого изменения позиции власти по отношению к Церкви.

Выступая 31 января 1945 года на открытии Поместного собора, собравшегося для избрания нового Патриарха после кончины Его Святейшества Сергия (Страгородского), Местоблюстителем Патриаршего престола Алексей (Симанский) отметил, что

патриотическая деятельность Церкви [выражалась] не только в пожертвованиях, к которым неустанно призывали своих пасомых архипастыри и пастыри. Деятельность эта была гораздо шире и существеннее, так как она проникала в самую душу народную, поднимая дух безмерной любви к Родине, волю к победе, так как она давала утешение страждущим, скорбящим, унывающим<sup>24</sup>.

Но главный вклад Церкви в разгром врага в ходе Великой Отечественной войны выразился в участии в боевых действиях сотен тысяч и миллионов воинов, в которых, несмотря на предшествующие более двух десятилетий насаждения атеизма, все еще сохранялось чувство принадлежности к Православной Церкви.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С. 261.

<sup>2</sup> Правда о религии в России. / Под общ. ред. Митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича). – М.: Московская Патриархия, 1942. – С. 15–17.

<sup>3</sup> Там же. – С. 290.

<sup>4</sup> Цыпин Владислав, прот. Цит. соч. – С. 267.

<sup>5</sup> Цит. по: Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 10.

<sup>6</sup> Правда. 9 ноября 1942 г. № 313.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Правда. 14 ноября 1942 г. № 318.

<sup>9</sup> Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. Р-2272. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

<sup>10</sup> Советская Каракалпакия. 5 января 1943 г. № 3.

<sup>11</sup> ЦГА РУз. Ф. Р-2272. Оп. 1. Д. 8. Л. 20, 21, 22.

<sup>12</sup> Правда Востока, 17 ноября 1944, №227.

<sup>13</sup> Цыпин Владислав, прот. Цит. соч. – С. 297.

<sup>14</sup> Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1943. № 1. С. 7–8.

<sup>15</sup> Там же, с. 13.

<sup>16</sup> См.: Владимир (Иким), митр. По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. – М.: М-Сканрус, 2011. – С. 666.

<sup>17</sup> Цит. по: Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9-10. – С. 12, 16.

<sup>18</sup> Цит. по: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам Апостола Фомы. – Воронеж: [б.и.], 2009. – С. 148.

<sup>19</sup> Асанова С.А. История Православной Церкви в Средней Азии (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2012. – С. 24.

<sup>20</sup> См.: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. Цит. соч. – С. 175.

<sup>21</sup> Патриарх Сергей и его духовное наследство. – М.: Московская Патриархия, 1947. – С. 263–264.

<sup>22</sup> ЦГА РУз. Ф. Р-2272. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

<sup>23</sup> ЖМП. 1944. № 12. С. 17.

<sup>24</sup> ЖМП. 1945. № 2. С. 41–42.

## К 70-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема: Православная церковь в Узбекистане в 1940-е годы

Светлана АСАНОВА

# Православная церковь в Средней Азии в 1941–1945 годы

К 1940-м годам советская государственная машина представляла собой вполне сформировавшуюся тоталитарную систему, подавлявшую посредством репрессий и пропаганды все очаги идеологического сопротивления режиму. Война, объявленная любым формам религии, будучи по содержанию борьбой идейной, по своей форме и приемам была борьбой полицейской, регулируемой властью<sup>1</sup>. Созданный в 1925 году Союз воинствующих безбожников СССР призван был довести до логического конца борьбу атеистического государства против традиционных религий. Члены этой массовой организации задействованы в кампаниях по «борьбе с религией», выступают инициаторами закрытия и разрушения церквей.

Статья 1 устава Союза воинствующих безбожников гласила:

Союз воинствующих безбожников есть добровольная пролетарская общественная организация, ставящая своей задачей объединение широких масс трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах как тормозом социалистического строительства и культурной революции<sup>2</sup>.

Филиал этой общесоюзной организации начинает свою деятельность и в Узбекистане. Миллионы советских граждан были автоматически зарегистрированы в атеистических организациях, а отделы по антирелигиозной пропаганде стремились «выкорчевать» не только реальных, но и предполагаемых врагов<sup>3</sup>.

Вся эта «культурно-просветительская работа» привела к тому, что по всему Союзу к 1939 году было лишь около 120 действующих церквей и ни одного монастыря. Епархиальная система исчезла, на свободе оставались четыре правящих архиерея и около десяти – на покое. Готовился громкий процесс над «Всесоюзным контрреволюционным центром церковников», и патриарший Местоблюститель постоянно ожидал ареста<sup>4</sup>.

В 1930-е годы Средняя Азия стала одним из мест ссылки православного духовенства. Ташкент превратился в город ссыльных, а также крупный пересыльный пункт для людей, отправляемых в более отдаленные края. Кроме того, в Ташкенте проживало много людей, отбывавших трехлетний срок вольной ссылки после возвращения

из концлагерей, главным образом с Соловков. Более всего здесь было духовенства, монахов и монахинь, активных мирян, сектантов всякого рода и просто богоискателей. Средняя Азия представляла собой некий «вольномыслящий анклав».

В 1930-е годы тремя волнами (1929–1930 гг., 1932–1934 гг. и 1936–1938 гг.) была проведена общесоюзная кампания против всех религий и церквей, включая и обновленческое движение. К концу этого десятилетия действующих церквей оставалось так мало, что верующие уже не обращали внимания на то, какой именно духовной «прописки», ортодоксальной или обновленческой, тот или иной храм: радовались тому, что есть<sup>5</sup>.

Союз воинствующих безбожников Узбекистана не прекращал свою деятельность вплоть до начала Второй мировой войны, не делая различия между «живоцерковниками» и «староцерковниками»<sup>6</sup>, поскольку «и та, и другая проводят классовую сущность и реакционную роль религии»<sup>7</sup>.

Например, в канун рождественских святок 1939–1940 годов в Союзе воинствующих безбожников Узбекистана обсуждался вопрос о том, что это чрезмерно затянутый праздник, охватывающий более полумесяца (с 25 декабря по 15 января), так как обновленцы празднуют Рождество по новому стилю, а «староцерковники» – по старому. В целях борьбы с «мракобесами» предлагалось применять такие формы воздействия на «отсталую прослойку трудящихся», как лекции, доклады, беседы, заседания, радиопередачи<sup>8</sup>.

В июне 1941 года, за несколько дней до войны, в журнале «Безбожник» утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма»<sup>9</sup>. А 15 июня 1941 года в Центральном совете воинствующих безбожников УзССР обсуждается вопрос о более детальном подходе к оценке качества прочитанных лекций лекторами Совета. При этом первым пунктом предлагалось:

Считать целесообразным после каждой лекции запрашивать отзыв парторганизации о качестве лекции. Ограничиваться «оценкой лекции» в путевке не следует, т.к. такая оценка дается субъективно подписывающим путевку и сводится к выражению «отлично», «хорошо», зачастую, из нежелания обидеть лектора, не отражая качества его лекции<sup>10</sup>.

Таким образом, начавшаяся через неделю война с гитлеровской Германией застала советское государство в разгаре борьбы против «внутренних врагов»<sup>11</sup>. Эта борьба продолжалась и в Среднеазиатском регионе, в частности в Узбекистане, хотя епархия, лишённая правящего архиерея, вот уже несколько лет не действовала, было истреблено или сослано почти все духовенство и закрыты практически все храмы и молельные дома. В этом заключается горький урок «русского коммунизма» (термин Н. Бердяева<sup>12</sup>): нет середины между верой и атеизмом<sup>13</sup>.

Годы Второй мировой войны на территории СССР стали переломными в отношениях между государством и РПЦ.

Советское руководство было ошеломлено нападением Германии. Сталину потребовалось 10 дней, чтобы собраться и выступить перед народом. Иной была реакция Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). 22 июня 1941 г. он собственноручно отпечатал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», обращаясь к верующим со словами:

Не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же и мы их славного имени... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа... Господь нам дарует победу<sup>14</sup>.

С этого «Послания» начинается новый этап в отношении советского государства к православию и другим религиям, который можно охарактеризовать словом «оттепель»<sup>15</sup>.

Патриарший Местоблюститель развернул широкую патриотическую деятельность. На четвертый день войны митрополит Сергей отслужил в Богоявленском соборе молебен «о даровании победы». В речи по окончании службы он, указывая на нездоровое положение дел в советском обществе перед войной, выразил надежду, что «наступающая военная гроза послужит к оздоровлению нашей атмосферы духовной»<sup>16</sup>. С этого времени во всех храмах Московской Патриархии на советской территории совершаются молебны по специально составленным текстам. Этот день (26 июня) в истории Церкви важен не менее, чем 22 июня. Отслужив в Богоявленском соборе молебен «о победе русского оружия», Московская Патриархия официально включилась в борьбу против Германии.

11 ноября митрополит Сергей обратился к верующим с третьим посланием, в котором отмечал: «Прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную войну за христианскую цивилизацию, за свободу совести и религии». Возможно, он надеялся, что Сталин в интересах международной пропаганды подхватит эту мысль и, соответственно, окажется перед необходимостью менять религиозную политику<sup>17</sup>.

По утверждению Э.И. Лисавцева, краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием произошла в июле 1941 года. Оба участника состоявшегося разговором остались довольны<sup>18</sup>. В том же 1941 году и состоялась так называемая «первая сергиевская амнистия», выхлопотанная митрополитом Сергием для части заключенного духовенства<sup>19</sup>.

Как бы то ни было, антирелигиозная пропаганда с середины 1941 года прекратилась, было реанимировано духовное образование, стали открываться ранее закрытые и поруганные храмы. Митрополит Сергей беспрепятственно распространял свои воззвания, предназначенные для публичного оглашения в оставшихся церквях, хотя это было вопиющим нарушением существовавшего антирелигиозного законодательства. Церкви была передана типография практически переставшего существовать Союза воинствующих безбожников<sup>20</sup>. Скорее всего это было сделано именно для того, чтобы «облегчить» деятельность Церкви в поднятии боевого духа народа.

В сентябре 1943 года Сталин разрешает «староцерковным» епископам восстановить легитимную церковную администрацию, а месяц спустя одобряет план слияния обновленческих округов с Московской Патриархией. Глава «живой церкви» Введенский выступал против этого решения, но с его смертью в июле 1946 года обновленчество прекратило свое существование<sup>21</sup>. Митрополит Сергей (Страгородский) избирается Патриархом. Для урегулирования вопросов, связанных с деятельностью епархий и приходов РПЦ и других религиозных организаций, при Совете Народных Комиссаров СССР в 1943 году был организован Совет по делам русской православной церкви.

До 1943 года нет сведений об открытии в Советском Союзе новых церквей. Первой заметной уступкой Церкви было последовавшее в 1942 году разрешение совершать (по крайней мере, в Москве) пасхальные крестные ходы вокруг церквей с зажженными свечами. Несмотря на опасность немецкого воздушного налета, на эту ночь был отменен комендантский час.

В Узбекистане действовал лишь один относившийся к РПЦ храм – Георгиевский храм в Самарканде<sup>22</sup>. В отдаленных селах и районах продолжали тайно служить отдельные приходские, ссыльные или беглые священнослужители. Приходы вновь начали открываться в 1942–1943 годах, сначала на территории Киргизии<sup>23</sup>. В период с 1943 по 1945 годы было вновь открыто 11 церквей и молитвенных домов: Свято-Успенский кафедральный собор в Ташкенте (1945); молитвенные дома в Мирзачуле (1945), Солдатском (1943), селе Сталинском (1943), Янгиюле (1944), селе Троицком Ташкентской области (1944), в Самарканде (1944), в Денау Сурхандарьинской области (1945), в Коканде (1945), а также храм в Андижане (1945)<sup>24</sup>.

Таким образом, приходская жизнь в Среднеазиатской епархии начинает постепенно налаживаться, несмотря на тормозящее содержание Постановления СНК № 1325 от 28 ноября 1943 года, предписывающего местным исполнительным властям отклонять ходатайства верующих об открытии приходов; удовлетворить же их мог только СНК, который наблюдал за тем, чтобы число приходов не превышало определенной «нормы»<sup>25</sup>.

В марте 1944 года в Ташкент прибыл член Священного Синода Куйбышевский архиепископ Алексей (Палицын), который начал принимать покаяние у обновленцев. Главой обновленцев в Ташкенте был протоиерей Григорий Брицкий, служивший в Александро-Невском храме на Ташкентском кладбище.

Григорий Брицкий был старейшим священником Ташкента; до революции он был законоучителем в женских гимназиях. Отец Григорий ответил согласием на призыв покаяться публично и был оставлен в служении в храме.

Разумеется, является преувеличением мнение В. Цыпина о том, что «кое-где в провинции новый курс политики правительства по отношению к Церкви был понят как своего рода возвращение к прежней симфонии Церкви и государства»<sup>26</sup>. Однако случаи благожелательного отношения органов исполнительной власти к священнослужителям действительно имели место. Так, совершая в 1946 году осмотр северо-восточной и юго-восточной окраин Среднеазиатской епархии, епископ Ташкентский и Среднеазиатский Гурий (Егоров) встречал повсеместную поддержку: на территории Киргизии министр автотранспорта предоставляет на время пребывания епископа в этой республике автобус. Кроме того, передвигаясь по железной дороге по территории Узбекистана, епископ Гурий оставил в книге отзывов запись о прекрасном к нему отношении железнодорожных работников и о добросовестном исполнении ими служебных обязанностей<sup>27</sup>.

В храмах Среднеазиатской епархии стали звучать моления «о богохранимой стране нашей и о властях ее» в государственные праздники (7 ноября и др.)<sup>28</sup>. Священному Синоду было позволено выработать «Положение о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям Русской Православной Церкви», которое было утверждено 15 апреля 1948 года. Отныне священнослужители были уравниены в пра-

вах со всеми гражданами страны. Каждый служитель культа теперь мог оформить установленную законом пенсию по старости или потере трудоспособности, либо это могла сделать семья в случае смерти кормильца из церковного клира<sup>29</sup>.

Таким образом, государство и Церковь выработали своего рода компромиссный вариант взаимодействия. Это не было «симфонией» в том смысле, в каком предполагает В. Цыпин. В основе сосуществования лежал именно компромисс.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Черная книга («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. / Сост. Валентинов А.А. – Париж: Издание русского национального студенческого объединения, 1925. – С. 16.

<sup>2</sup> Устав Союза воинствующих безбожников СССР. Гл. 1, ст. 1. – М.: Безбожник, 1925.

<sup>3</sup> См. об этом: *Husband W.B. Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932* // *The Journal of Modern History*. Vol. 70. – Mar., 1998. – № 1. – P. 80.

<sup>4</sup> См.: *Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви*. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Паломник, 2011. – С. 508.

<sup>5</sup> См.: *Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке*. – М.: Республика, 1995. – С. 81.

<sup>6</sup> «Живоцерковники» – движение в православной церкви, возникшее после Февральской революции 1917 года. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований. С 1922 по 1927 годы движение было единственной официально признаваемой государственными властями православной церковной организацией, пользовалось признанием других поместных Церквей. В период наибольшего влияния – в середине 1920-х годов – более половины епископата и приходов находились в подчинении обновленческих структур. К 1946 году самоликвидировалось, влившись в состав легализованного Московского Патриархата.

<sup>7</sup> Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 2272. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> *Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – С. 113.

<sup>10</sup> ЦГА РУз. Ф. 2272. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 14.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма*. – М.: Наука, 1990. – С. 7.

<sup>13</sup> Черная книга... – С. 17.

<sup>14</sup> Цит. по: *Лавринов В. Екатеринбургская епархия и ее вклад в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов* // *Православная газета* (официальное издание Екатеринбургской епархии Русской Православной церкви). Екатеринбург: Интернет-версия. № 16 (337) // <http://orthodox.etel.ru/2005/16/s16.htm>.

<sup>15</sup> Хотя этим словом в литературе принято обозначать более поздний период советской истории, связанный с политикой Н.С. Хрущева и некоторой либерализацией общественной жизни, в данном случае «оттепель» употребляется намеренно, по контрасту с отношением Хрущева к религии, которое ассоциируется скорее с «холодом» или «заморозками».

<sup>16</sup> *Смирнов Д.В. Русская Православная Церковь и ее жизнь в советском государстве в годы Великой Отечественной войны* // [http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/smirnov/gl\\_2/](http://kds.eparhia.ru/bibliot/dipl/smirnov/gl_2/)

<sup>17</sup> См.: *Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга* // Октябрь. 1990. № 4. – С. 65.

<sup>18</sup> См. доклад Э.И. Лисавцева «Исторический путь Православия в России после 1917 г.» на Международной конференции Санкт-Петербургского отдела общества «Мемориал», СПб., 2.06.1993.

<sup>19</sup> См.: *Владимир (Иким), митр. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии*. – М.: М-Сканрус, 2011. – С. 642.

<sup>20</sup> См.: *Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке...* – С. 185.

<sup>21</sup> См.: *Roslof E.E. Red Priests: Renovatism, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946*. – Bloomington: Indiana University Press, 2002. – P. 202.

<sup>22</sup> ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 73.

<sup>23</sup> См.: *Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии XIX–XX вв. (исторический очерк)*. – Бишкек: КРСУ, 2003. – С. 99.

<sup>24</sup> ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 73–74.

<sup>25</sup> См.: *Гордун С. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 гг.* // *Журнал Московской Патриархии*. 1993. № 1. – С. 45; *Озмитель Е.Е. Указ. соч.* – С. 100–101.

<sup>26</sup> *Цыпин В., прот. История русской церкви (1917–1997)*. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. – Кн. 9. – С. 305.

<sup>27</sup> ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 2, 7.

<sup>28</sup> ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 121–124.

<sup>29</sup> ЦГА РУз. Ф. 2456. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 59–61.

## «Участвовало в стяжении победы...»

*Документы о служении православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годах*

*Публикация Е. Абдуллаева*

В начале 1940-х происходит значительное изменение государственной политики в отношении религиозных организаций в целом и Русской Православной Церкви – в частности\*. В обмен на ослабление репрессий и восстановление структурной организации РПЦ государство требовало от РПЦ абсолютной лояльности. (Это было особенно необходимо, учитывая, что фашистская Германия также пыталась использовать РПЦ на оккупированных территориях в своих интересах.) В этом, отчасти, интересы Церкви и государства совпали. Среди православного духовенства (не исключая, кстати, и многих обновленцев) также чувствовался патриотический подъем, и оно стремилось активно участвовать в борьбе с врагом.

Публикуемые документы из архива Ташкентской и Узбекистанской епархии (далее АТУЕ) отражают деятельность православного духовенства Средней Азии в 1941–1945 годы и изменившийся характер государственно-церковных отношений. Публикатор искренне благодарит архивиста Татьяну Стеклову и проректора Ташкентской духовной семинарии Романа Дорофеева за помощь в публикации этих документов.

### № 1

Первый документ представляет собой справку, составленную благочинным церковей Самаркандского округа на имя правящего архиерея, епископа Кирилла (Поспелова, 1867–1953), возглавлявшего в 1944–1946 годах Ташкентскую епархию, о денежных суммах, собранных в 1945 году в самаркандских церквях на нужды Отечественной войны, детей фронтовиков и так далее. Документ не подписан. Судя по почерку и времени его составления, он был составлен протоиреем Николаем Уваровым, бывшим в то время настоятелем Покровского храма\*\*. По всей видимости,

\* См. в этом номере статьи Ю. Флыгина и С. Асановой.

\*\* См. в этом номере статью А. Галака и Е. Лариной.



«Участвовало в стяжении победы...»

аналогичные справки были представлены и другими православными приходами Средней Азии. Например, в епархиальном архиве также хранится «Список вещей, пожертвованных прихожанами обеих церквей г. Ташкента (Успенским кафедральным собором и Александро-Невским кладбищенским храмом – Е.А.) в пользу сирот воинов, погибших на фронте» (АТУЕ. Наблюдательное дело. Ташкентский Успенский кафедральный собор. 1944–1949. [Лист не пронумерован].)

В публикуемом документе приведены данные только по одной из самаркандских церквей – Покровскому собору. В Самарканде в 1945 году были еще две действующие церкви: Свято-Георгиевский храм и Привокзальный молитвенный дом. Возможно, данные по этим храмам были направлены отдельно; обнаружить их нам не удалось.

Среднеазиатская епархия  
Благочинный церковей  
Самаркандского округа  
№ 45  
от 26 декабря 1945 г.  
гор. Самарканд

Его Преосвященству Преосвященнейшему Кириллу,  
епископу Ташкентскому и Средне-Азиатскому

При сем представляются Вашему Преосвященству сведения о денежных суммах, собранных в 1945 г. в Самаркандских церквах на нужды Отечественной войны, детей фронтовиков и др., а именно:

- 1) по Покровскому собору
  - а) на оборону и в фонд победы – 15 932 [руб.],
  - б) [на] детей фронтовиков – 5 221 [руб.],
  - в) [на] восстановление – 2 659 [руб.],
  - г) облигациями – 10 000 [руб.].

---

Итого 33 812 [руб.]

[из них] облигациями – 10 000 [руб.].

(АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 361. С. 7)

## № 2

6 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По-видимому, через некоторое время было принято решение о включении в списки награжденных и представителей духовенства, о чем было сообщено в Московскую патриархию. Было подготовлено соответствующее распоряжение – Указ Управляющего делами МП протопресвитера Николая Колчицкого от 26 октября 1946 года № 1442 (упомянутый в публикуемом ниже документе), на основании которого во все епархии РПЦ было разослано требование представить местным уполномоченным по де-

лам РПЦ списки священнослужителей, проводивших в годы войны патриотическую работу среди верующих. Публикуемый документ является копией такого представления, направленного Уполномоченному Совету по делам РПЦ при Совмине СССР по Узбекистану (эту должность занимал тогда А.И. Степанов\*). Документ завизирован епископом Гурием (Егоровым) и датирован ноябрем 1946 года (число не указано).

Уполномоченному Совету по делам  
Русской Православной Церкви  
при Совете Министров СССР  
по Узбекистану

В дни Великой Отечественной войны православное духовенство Средней Азии участвовало в напряженных усилиях советских людей в стяжении победы над фашистским врагом.

Некоторые священники особенно отличились организацией больших сборов среди верующих людей на оборону, на танковые колонны, на помощь семьям бойцов. Священники проповедями морально поддерживали население тыла и одушевляли верующих на борьбу и самоотверженный труд.

Согласно полученного мною указания от управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Колчицкого от 26 октября 1946 года за № 1442 о соответствующем распоряжении Святейшего Патриарха, представляю Вам список духовных лиц Узбекистана, наиболее отличившихся своей патриотической работой, для представления к награждению медалью «За доблестный труд».

- |                                |  |
|--------------------------------|--|
| 1. Брицкий Григорий Яковлевич  | Протоиерей Ташкентского Александро-Невского храма                  |
| 2. Княжинский Петр Григорьевич | Протоиерей, настоятель Георгиевского молитвенного дома Самарканда  |
| 3. Киячков Алексей Ильич       | Протоиерей, настоятель Привокзального молитвенного дома Самарканда |
| 4. Соколов Петр Димитриевич    | Священник, настоятель молитвенного дома Коканда                    |

[Добавлено ниже рукою епископа Гурия:]

- |                                 |   |
|---------------------------------|---|
| 5. Панков Алексей (так! – Е.А.) | Протоиерей, настоятель Ташкентского Александро-Невского храма |
|---------------------------------|---|

С подлинным верно. Еп. Гурий  
Ноября 1946 г.

**(АТУЕ. Оп. 2. Д. 15. С. 31)**

*Протоиерей Григорий Брицкий* (1870, сел. Кишковцы Бессарабской губ. – 1951, Ташкент). Один из лидеров обновленческой церкви в Средней Азии. С 1933 года до конца

\* См. о нем в этом номере в статье Ю. Флыгина.

своих дней (за исключением короткого периода в 1946 г.) был настоятелем ташкентского Александро-Невского храма. В 1944 году временно управлял делами всей епархии, тогда еще обновленческой; в том же году принес покаяние и был оставлен в прежнем служении (АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 47. С. 80)\*.

*Протоиерей Петр Княжинский* (1867, Тамбовская губ. – 1958, Самарканд). По окончании Тамбовской духовной семинарии был настоятелем Покровской церкви Усмани (1891–1929), настоятелем Никольской церкви Шацка (1929–1940), настоятелем самаркандского Георгиевского храма (1942–1958) (*Серафим, игумен*. <Некролог> // ЖМП. 1958. № 8. С. 17).

*Протоиерей Алексей Килячков* (1868, сел. Шламки Самарской губ. – 1967, Самарканд). С 1923 года – в обновленческом расколе. 1928–1932 годы – второй священник Покровского собора Самарканда. 1933–1938 годы – настоятель Николаевского молитвенного дома Самарканда. 1938–1939 годы – был осужден по ст. 235. 1939–1940 – настоятель Покровского собора. 1943–1957 годы – настоятель Привокзального молитвенного дома Самарканда. 1957 г. – уволен за штат (АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 164).

*Иерей Петр Соколов* (1905, с. Березово Тамбовской губ. – ?). В 1925 г. перешел в обновленчество. 1943–1945 годы – служил 2-м священником Привокзального молитвенного дома Самарканда. 1945–1947 годы – настоятель молитвенного дома Коканда. В 1947 году перешел в Алматинскую епархию (АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 372).

*Протоиерей Алексей Панков* (1887, с. Росляковка Самарской губ. – 1963, Ташкент). В 1931–1940 годах служил в Сергиевском молитвенном доме Ферганы. В 1942–1944 – настоятель Никольского молитвенного дома Янгиюля. В 1946 году – краткое время настоятель, затем, по 1956 год, священник ташкентского Александро-Невского храма (АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 293).

### № 3

Третий документ касается деятельности во время войны одного из выдающихся священнослужителей Средней Азии – архимандрита Серафима (в миру Суторихина).

Родился будущий архимандрит 29 июня 1901 года в селе Шестаково Слободского уезда Вятской губернии в семье протоиерея Михаила Суторихина, бывшего в то время священником Никольской церкви того же села, и получил при крещении имя Сергей. В 1908 году отца Михаила переводят в город Слободской Вятской епархии настоятелем Сретенской церкви; в Слободском Сергей Суторихин окончил реальное училище (одновременно служа в Сретенской церкви). В 1924–1926 годах служил псаломщиком в Иверской часовне у Воскресенских ворот. В 1929 году переехал в Ленинград, где вступил в Александро-Невское братство, созданное архимандритами Львом и Гурием Егоровыми. 12 апреля 1929 года был пострижен в монахи с именем Серафим; 14 апреля того же года – посвящен в сан иеродиакона. 4 апреля 1931 года рукоположен во иеромонаха. В феврале 1932 года был арестован и осужден постановлением Тройки ОГПУ на пять лет заключения по статье № 58 (п. 10 и п. 11). До конца 1936 года отбывал срок в Свирских лагерях, работая на лесоповале. После освобождения недолго служил священником в Екатерининском соборе в Слободском. 12 июля 1938 года снова был арестован и осужден на 10 лет заключения.

\* О деятельности о. Григория Брицкого в годы войны и о сборе им средств на нужды фронта – см. в этом номере статью Романа Дорощева.

«Участвовало в стяжении победы...»

Второй срок батюшка отбывал на Печере в Коми АССР в северном железнодорожном лагере. Был выпущен 14 апреля 1943 года на свободу. Отец Серафим снова возвращается в Слободской и в августе 1943 года епископом Кировским Вениамином назначается настоятелем Троицкого собора в селе Быстрица Оричевского района в Кировской области. В 1944 году на Пасху, по представлению епископа Вениамина, был награжден золотым наперсным крестом. В 1948 году прибыл в Среднюю Азию по приглашению владыки Гурия, помнившего его по Александро-Невскому братству. С 1948 по 1978 годы прослужил в самаркандском Свято-Георгиевском храме (с 1958 года – настоятелем). 31 мая 1959 года был возведен архиепископом Ермогеном в сан архимандрита. Скончался 21 февраля 1979 года.

Публикуемый ниже документ из личного дела о Серафима был составлен непосредственно перед его переездом в Узбекистан. Документ подписан архиепископом Кировским и Слободским Вениамином (Тихоницким, 1869–1957), который с 1942 года возглавлял Кировскую епархию и непосредственно знал о проповедях о Серафима.

Сохранилось удостоверение о награждении о Серафима Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.»\*. Эта награда, согласно удостоверению, была вручена о. Серафиму 20 февраля 1947 года Председателем Кировского Облисполкома И. Быковым.

Московская патриархия  
Епархиальный архиерей  
Кировской области  
4 октября 1948 г.  
№ 573  
Гор. Киров, ул. К. Либкнехта, дом 82-а

Настоятель церкви села Быстрица, Оричевского района, Кировской области, Иеромонах СЕРАФИМ (мирское имя Сергей Михайлович Суторихин), образцовый священник Православной Патриаршей церкви, горячий патриот своей родины, во время Отечественной войны 1941–1945 г. своими патриотическими проповедями о наших героях, защитниках родной земли, возбудил энтузиазм среди своих прихожан, с охотой они шли на оборону отечества.

О. Серафим много собрал пожертвований на нужды войны и в помощь осиротевшим семьям воинов-героев, за что и награжден 17 февраля (так! – Е.А.) 1947 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.».

*Вениамин Архиепископ Кировский и Слободской*

**(АТУЕ. Оп. 1. Л/Д № 384. С. 8.)**

---

\* Хранится в личном архиве Антонины Ивановны Яценко, супруги настоятеля Георгиевской церкви Самарканда. (Сообщено Р. Дорофеевым).

*Роман ДОРОФЕЕВ*

## Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов

В середине 1920-х – начале 1930-х годов созданная обновленческими функционерами Среднеазиатская митрополия являла собой мощную и относительно централизованную структуру.

С легкой руки вояжировавшего весной-летом 1927 года по Туркестану митрополита Александра (Введенского), Среднеазиатский архидиоцез приобрел славу одной из важнейших цитаделей обновленческого движения. Делясь своими путевыми впечатлениями, Александр Иванович восторженно называл митрополию одной «из самых блестящих». Отметил он и ее правящего архиерея – митрополита Николая (Федотова).

В самой г[лубине] Ср[едней] Азии, на границе Индии, – вещал обновленческий златоуст, несколько смещая географические реалии, – там, где староцерковничество организовало все свои силы, для того, чтобы сокрушить [наше] дело, есть наши пастыри с большой внутренней спайкой, которой они достигли того, что целый край стал подлинно религиозно-обновленческим<sup>1</sup>.

Тем не менее, уже в начале тридцатых обновленческая митрополия прекращает свое существование<sup>2</sup>. Начиная новую волну репрессий, советская власть лишила обновленческое движение поддержки и многих важных привилегий. В 1929 или 1930 году властями закрывается полуавтономная Джетесуйская кафедра, примерно в 1932 году – ликвидируется Ферганское викариатство. Созданный обновленцами архидиоцез вновь меняет «формат», возвратившись к состоянию епархии с единственной архиерейской кафедрой – Ташкентской и Самаркандской.

В 1938 году обновленческая епархия вообще оказалась без правящего архиерея: скончался митрополит Иоанн (Звёздкин), и «первоиерарх» митрополит Виталий (Введенский), не рискуя назначить на кафедру нового епископа, поручил временное управление епархией священнику Григорию Брицкому, носившему к тому времени

титул протопресвитера<sup>3</sup>. Коммуникации между центром и приходами держались, в основном, на личном авторитете этого волевого священника, умевшего находить общий язык с местными властями (в том числе, быть может, и с органами политического надзора).

С началом войны власть ослабила свое давление на религию, отменив для духовенства жесткие ограничения на проповедь и социальную работу. Священнослужители, в том числе обновленческие, активно включились в патриотическую деятельность. Причем, большинство клириков, совершая молебны о даровании победы советскому воинству или собирая пожертвования на нужды фронта, руководствовались самыми чистосердечными побуждениями. Враг стоял у ворот, и помогать Родине обязан был каждый, вне зависимости от реального отношения к антирелигиозной по своей сути советской власти.

В 1940–1941 годах к активной деятельности возвращается митрополит Александр (Введенский). Ему удается провести краткую «реставрацию» движения. Было воссоздано «самораспустившееся» в 1935 году Высшее церковное управление, сам Александр Иванович принял титул «святейшего и блаженнейшего первоиерарха», несколько потеснив старшего «первоиерарха» – митрополита Виталия (Введенского).

В Средней Азии общее ослабление государственного давления на Церковь также позволило активизироваться некоторым из обновленческих священнослужителей. В частности, протоиерей Григорий Брицкий в 1942–1943 годах собрал и перечислил крупную сумму на нужды фронта, получив в ответ благодарственную телеграмму следующего содержания:

Ташкент. Настоятелю Александро-Невского собора  
Григорию Б р и ц к о м у

Прошу передать верующим ташкентского кафедрального Александро-Невского собора, собравшим сто тысяч рублей [в] Фонд Красной Армии и десять тысяч рублей в Фонд помощи семьям фронтовиков, мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН <sup>4</sup>

Впоследствии о. Григорий будет чрезвычайно гордиться подобными свидетельствами официального признания его заслуг со стороны властей и внесет упоминание о благодарности «за патриотическую работу от Верх[овного] Вождя И.В. Сталина и Пред[седателя Совета] Министр[ов] УзССР» в свой послужной список, сразу после прочих наград – ордена св. Анны II степени и палицы от святейшего патриарха Тихона<sup>5</sup>.

А уже после войны, в ноябре 1946 года, медалью «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены четыре кыргызстанских священнослужителя<sup>6</sup>. Двое из них – благочинный Фрунзенского округа протоиерей Александр Рябцовский и настоятель Таласского прихода протоиерей Петр Страдомский – до 1943 года состояли в обновленческом расколе<sup>7</sup>.

В апреле 1943 года митрополит Александр (Введенский) смог, наконец, назначить на пустующую Ташкентскую кафедру правящего архиерея – епископа Сергия (Ларина). Такое назначение свидетельствовало не только о стремлении «первоие-

рарха» эффективнее контролировать один из ключевых для обновленчества регионов. Ларин, бывший до этого назначения председателем Московского Епархиального управления, проявил себя слишком самостоятельным для такой центральной должности. Епископ Сергей, по некоторым свидетельствам, сорвал возведение митрополита Александра (Введенского) в сан патриарха и одновременно вел за его спиной сепаратные переговоры о воссоединении с Московской Патриархией<sup>8</sup>.

8 мая новоназначенный обновленческий архиерей прибыл в столицу Узбекистана<sup>9</sup>.

Владыка Ларин был, в своем роде, личностью незаурядной. Известные историки А.Э. Левитин-Краснов и В. Шавров отмечали, что он был хорошим оратором и обладал острым и пытливым умом.

Но, к сожалению, недостаточная разборчивость в средствах, связь с некоторыми одиозными органами власти скомпрометировали честолюбивого, хотя, несомненно, искренне верующего, владыку...<sup>10</sup>

Судить о деятельности Ларина в Средней Азии можно, в первую очередь, по его же собственным воспоминаниям, зафиксированным во второй половине 1950-х годов одним из первых историков обновленческого раскола А.И. Кузнецовым<sup>11</sup>.

Как вспоминал уже принесший покаяние и ставший архиепископом Сергей (Ларин), сразу после приезда в Ташкент он в первую очередь занялся патриотической работой:

Моя деятельность началась там с того, на чем она оборвалась в Москве, т.е. с патриотической работы, на что я тогда обращал первостепенное внимание. Мною был организован сбор на нужды обороны страны, давший в первый же месяц отличные результаты: в фонд обороны было сдано наличными деньгами 70 000 руб. и вещами более чем на 100 000 рублей. В Ташкенте и Самарканде были совершены патриотические служения с молебнами о даровании победы нашему войску. 12 сентября 1943 года, в день памяти Благоверного князя Александра Невского (по новому стилю. – Р.Д.), было совершено торжественное богослужение, после которого было послано приветствие главе правительства за подписями моей, архиепископа Анатолия Сеницына, протопресвитеров Иоанна Лозового и Григория Брицкого<sup>12</sup>.

Это, в принципе, подтверждается архивными данными, добавляющими некоторые любопытные подробности. О нескольких визитах епископа Сергея в Самарканд упоминает настоятель самаркандского «староцерковного» Георгиевского молитвенного дома протоиерей Петр Княжинский. В своем письме в Патриархию от 28 октября 1943 года он пишет:

В г. Самарканде имеется обновленческий храм; его в короткое время уже два[(?)] раза посещал назначенный в г. Ташкент обновленческий архиерей (Сергий). Он [объ]являет себя здесь православным архиереем, а наши местные власти, мало разбирающиеся в [церковных] делах, таким его и считают, и не разумеют, что он представитель раскольнического течения в Церкви Русской, а готовы нашу общину, не имеющую общения с этим архиереем, считать текущей каким-то обособленным путем и не имеющей особых прав на внимание к ее нуждам<sup>13</sup>.

Таким образом, в Самарканде епископ Сергей занимался не только служением патриотических молебствий, но и налаживал тесные отношения с местными властями.

Приветствие в Москву от 13 сентября 1943 года, о котором упоминает епископ Сергей, также опубликовано; оно действительно подписано всеми перечисленными в мемуарах владыки священнослужителями<sup>14</sup>.

Практически все они – архиепископ Анатолий (Синицын), протопресвитер Иоанн Лозовой и протоиерей Григорий Брицкий – сыграли важную роль в истории медленного заката среднеазиатского обновленчества. Но о двух из них следует привести краткие справки.

Первый – обновленческий архиепископ Анатолий (в миру Анатолий Евграфович Синицын), женатый архиерей, выходец из сибирской группы «Живая церковь». С 1931 по 1939 годы управлял Омской митрополией; после закрытия кафедры работал в разных советских конторах, сначала в Омске, а в 1940 году перебрался в южно-казахстанский Джамбул (ныне – Тараз). С 1943 года фактически находился «за штатом»<sup>15</sup>.

Второй – протопресвитер Иоанн Емельянович Лозовой; до 1907 года служил настоятелем приходов в Астрабаде и прочих городах прикаспийского Ирана, затем был переведен в Тифлис (Тбилиси), а с 1927 года возглавлял русские приходы в Грузинской Церкви. В 1937 году о. Иоанн был, как и многие, осужден за «антисоветскую деятельность». В 1942 году был освобожден и перебрался к митрополиту Александру Введенскому в Ульяновск и через какое-то время был назначен им «первоиерархом» в Ташкент, в качестве личного эмиссара<sup>16</sup>.

Но вернемся к воспоминаниям архиепископа Сергея (Ларина).

Патриотическая деятельность в обстановке военного времени была, конечно, остро необходима, однако она отнюдь не заменяла административных обязанностей правящего архиерея. Естественно было бы предположить, что, прибыв в Ташкент, владыка Сергей сразу же займется текущими епархиальными делами. Однако в беседах с А.И. Кузнецовым он предпочел либо умолчать о своей административной деятельности, либо рассказать о ней самым кратким образом. Из всех своих административных действий на кафедре архиепископ Ларин счел нужным рассказать только о назначении летом 1943 года на священнические места заштатных обновленческих архиереев. При этом всю ответственность за свои распоряжения владыка Сергей переложил на митрополита Александра (Введенского).

В мое распоряжение он [т.е. Введенский] направил состоявших на покое архиепископов: Анатолия Синицына, которому я поручил заведовать благочинием в Казахстане (там стали открываться приходы); архиепископа Александра Щербакова (б[ывшего] Витебского). Кстати, Введенский вызвал Щербакова в Ульяновск, он получил деньги на дорожные расходы, но в Ульяновск не поехал, а остался жить и работать в качестве врача-педиатра в с[еле] Талас, около г. Фрунзе; епископа Гавриила Ольховика, назначенного мною на священническое место в г. Джелалабад. Обращался ко мне за назначением на приход архиепископ Алексей Микулин б[ывший] Ферганский, но за отсутствием у него послужного списка и документов я ему отказал в просьбе<sup>17</sup>.

Всего же на Ташкентской кафедре епископ Сергей (Ларин) пробыл восемь месяцев, с мая по ноябрь 1943 года. Он стал последним правящим архиереем обновленческой Среднеазиатской епархии и пережил в Ташкенте очередную резкую перемену



в своей судьбе. На эти перемены владыка Сергей, как мы увидим далее, среагирует в присущем ему духе. Быстро и максимально оперативно...

4 сентября 1943 года состоялась знаменитая встреча И.В. Сталина и трех митрополитов, после которой Патриаршая Церковь, еще недавно гонимая и притесняемая, получила практически полную государственную поддержку. 12 сентября был торжественно интронизирован новый патриарх, которым стал митрополит Сергей (Страгородский).

Эти очевидные перемены в религиозной политике не могли не волновать обновленцев. Власти теперь явно благоволили к «староцерковникам». То есть, к той самой Патриаршей Церкви, о которой в годы расцвета обновленчества хорошим тоном считалось заявлять как об «отмирающей тихоновщине» и «пережитке буржуазного времени». Теперь же на повестке дня стояли два варианта: либо присоединиться к Московской Патриархии, либо попытаться сохранить обновленчество в виде отдельной от нее Церкви.

Какое-то время ташкентские «живоцерковники» еще могли строить планы о сохранении обновленчества в более или менее консолидированной форме, о создании коллегиального органа управления, возможно, собственного Синода... Как вспоминал архиепископ Сергей (Ларин), первым выдвинул подобную идею архиепископ Анатолий (Синицын):

В конце сентября прибыл из Джамбула ко мне в Ташкент обновленческий архиепископ Анатолий Синицын и вручил мне докладную записку о жизни обновленчества. В ней он описывает все превосходства Московской Патриархии и всю шаткость положения обновленчества. Так, в ней он писал:

«У нас же в обновленчестве не чувствуется никакого руководства, утрачиваются последние приходы. В Московской области у староцерковников уже 109 приходов, а у нас не больше 9. Убийственное соотношение сил. Архиепископы и епископы у нас вместо назначения на кафедры получают настоятельские места или остаются не у дел. Обновленчество теряет свое лицо».

Далее он пишет:

«Полагаю, что Святейшему Первоиерарху (т.е. обновленческому митрополиту Александру – прим. ВС) интересы Церкви и обновленчества дороги и потому он за созыв Собора или избрание Священного Синода при нем, даст свое благословение и исходатайствует разрешение правительства. В противном случае обновленчество сойдет со своей церковно-исторической сцены с недоброй памятью для владыки Первоиерарха, а это не в его интересах, так как это предрешит и его собственную судьбу»<sup>18</sup>.

По всей видимости, докладная записка архиепископа Анатолия вдохновила епископа Сергия на решительные действия. В начале октября 1943 года он собрал на своей квартире в Ташкенте (в воспоминаниях он именуется ее «резиденцией») совещание. На нем присутствовали архиепископ Анатолий (Синицын), архиепископ Александр (Щербаков), протопресвитеры Григорий Брицкий и Иоанн Лозовой, а также протоирей Алексей Панков<sup>19</sup>. Председательствовал, что естественно, сам владыка Сергей. Впоследствии он вспоминал:

Собравшиеся по моему докладу обсудили положение обновленчества, рост Православной Церкви и увенчание ее патриаршеством. Было решено запросить мнение по этому поводу ряда обновленческих епископов и пресвитеров. С единодушного одобрения и инициативы архиепископа Анатолия Сеницына, мною было послано в этом духе письмо некоторым деятелям обновленчества. В этом письме – от 3 октября 1943 года – я спрашивал мнение у архиереев и заслуженных пастырей о возможности создания коллегиальной системы управления, учитывая полное бездействие Александра Введенского...<sup>20</sup>

Мнения ответивших на письмо «архиереев и заслуженных пастырей» разделились<sup>21</sup> ... Но обновленческое движение не могло бы уже спасти даже полное единодушие.

12 октября 1943 года первый председатель Совета по делам Русской Православной Церкви (СД РПЦ) Георгий Григорьевич Карпов подал И.В. Сталину докладную записку, в которой, исходя из соображений целесообразности, предлагал «не препятствовать распаду обновленческой Церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую Церковь». Сталин ознакомился с докладом и поставил свою резолюцию: «Тов. Карпову. Согласен с Вами»<sup>22</sup>.

Исторический приговор обновленческому «проекту» был подписан; его было решено свернуть, теперь уже окончательно.

Примерно в ноябре 1943 года епископ Сергей (Ларин) оставил свои попытки хоть как-то консолидировать обновленчество и начал переговоры о личном переходе в Московскую Патриархию. Сам он рассказывал А.И. Кузнецову следующее:

Видя полную безуспешность консолидации обновленчества, как организации в целом, я тоже послал прошение Его Святейшеству о принятии меня в лоно Святой Церкви, под первосвятительский омофор Святейшего Сергия. Просил принять и Средне-Азиатскую Епархию вкупе со мною. Спустя некоторое время я получил вызов в Москву. По приезду в столицу я представился Его Святейшеству и был 27 декабря 1943 года принят в общение со Святою Церковью в звании монаха<sup>23</sup> ...

Если отбросить пафосную риторику и обилие заглавных букв, архиепископ Сергей сказал следующее: обновленцы не смогли договориться о присоединении к Патриаршей Церкви в виде единой корпорации (это версия, на которой он настаивал в беседах с А.И. Кузнецовым), а посему он, по примеру других обновленческих архиереев, решил лично воссоединиться с Московской Патриархией.

По крайней мере, одна фраза из воспоминаний архиепископа Сергия: «Просил принять и Средне-Азиатскую Епархию вкупе со мною» – говорит о попытке выторговать для себя льготные условия. Возможно, владыка хотел сохранить за собой архиерейский сан, перейдя в Московский Патриархат во главе Среднеазиатского диоцеза. Впоследствии А.Э. Левитин будет прямо утверждать, что «Сергий Ларин... поспешил поднести Патриархии Среднеазиатскую епархию (90 приходов) на серебряном блюде»<sup>24</sup>. Правда, это событие Левитин ошибочно отнесет к весне 1944 года.

Но даже если епископ Сергей и предлагал Патриархии принять его в «сущем сане», то эта попытка не могла увенчаться успехом. Патриарх Сергей (Страгородский) стоял на достаточно жесткой позиции, не желая проявлять к обновленцам хоть какое-то снисхождение. «Живоцерковников» принимали в общение с Патриаршей Церковью,

как раскольников, – через покаяние. И в том состоянии, в котором они находились до перехода в обновленчество. Хиротонии, чины и звания, полученные в расколе, расценивались «якоже небывшие» и не принимались во внимание. Поэтому обновленческий митрополит мог стать простым священником, а протопресвитер – мирянином.

Как бы ни проходили переговоры епископа Сергия с Московской Патриархией, но примерно после 13 ноября 1943 года он, под каким-то благовидным предлогом, покинул кафедру и уехал в Москву. Быть может, объяснив свой отъезд (как это предполагает историк А.Л. Беглов) намерением «на месте разобраться в новой обстановке»<sup>25</sup>. О своем желании перейти к патриарху владыка сообщил, по всей видимости, только протопресвитеру Иоанну Лозовому<sup>26</sup>.

Как мы уже знаем, в Ташкент епископ Сергей больше не вернулся.

После «стратегического» отъезда обновленческого архиерея в истории среднеазиатского обновленчества образуется темный период – с ноября 1943 по март 1944 годов. Сообщения источников за эти пять месяцев носят отрывочный характер, позволяя восстановить только примерную картину происходившего.

Итак, в конце декабря 1943 года епископ Сергей (Ларин) покаялся перед патриархом Сергием. На общем фоне практики чиноприема обновленцев для Ларина, видимо, было сделано некоторое снисхождение: патриарх признал монашеский постриг, совершенный над ним в одном из обновленческих монастырей в 1933 году.

В начале января новость о переходе монаха Сергия (Ларина) в Московскую Патриархию, скорее всего, достигла Ташкента. Перед протопресвитерами Иоанном Лозовым и Григорием Брицким открылась достаточно неприятная, но необходимая перспектива отправиться по этому же пути. Соединение с Русской Православной Церковью становилось неизбежным.

Впоследствии протопресвитер Иоанн Лозовой будет полностью приписывать себе инициативу в этом деле:

Но в Тифлисе оставаться долго нельзя было, и я снова вернулся в Ташкент 13 ноября... В день моего приезда я узнал от епископа Сергия Ларина о том, что он подал заявление о переходе в Патриаршую церковь. С этого времени приступил к работе о переходе всей епархии к Патриарху. После отъезда еп. Сергия Ларина в Москву, по моей инициативе была послана телеграмма Святейшему о переходе епархии<sup>27</sup>.

Однако без поддержки со стороны протопресвитера Григория Брицкого все стремления отца Иоанна так бы и остались лишь благими намерениями.

Брицкий, в отличие от Лозового, человека в Ташкенте нового, обладал реальным авторитетом и имел связь с большей частью среднеазиатского обновленческого духовенства. Привлечь протопресвитера Брицкого на свою сторону означало для отца Иоанна заручиться помощью наиболее влиятельного «живоцерковника» в регионе.

Объединившись, отец Иоанн и отец Григорий составили план, по которому соединение с Московской Патриархией более всего напоминало почетную капитуляцию.

11 января 1944 года они, от лица обновленческого Епархиального совета (в котором, видимо, состояли), направили в Патриархию письмо (или, что вероятнее, телеграмму). В нем говорилось, что

поскольку «православная церковь, руководимая патриархом Сергием, своим признанием Советской власти и патриотической деятельностью встала НА ПУТЬ ОБНОВЛЕНЧЕСТВА, таким образом основная причина разделения отпала», и епархия готова присоединиться к Патриаршей Церкви при обязательном «условии приема епархии статус кво с СОХРАНЕНИЕМ СУЩЕСТВУЮЩЕГО РУКОВОДСТВА БЕЗ КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО ОГРАНИЧЕНИЙ»<sup>28</sup>.

Таким образом, епархия, по замыслу Брицкого и Лозового, должна быть принята в существующем положении (*status quo*). Сохраниться должно было руководство в полном составе, действительность хиротоний, награждений и назначений на приходы предполагалось оставить без изменений.

Ответа на письмо (или телеграмму) из Патриархии, скорее всего, не последовало<sup>29</sup>.

В том же январе 1944 года Брицкий и Лозовой решили привлечь на свою сторону архиепископа Анатолия (Синицына) – ближайшего к Ташкенту обновленческого архиерея, с которым у протопресвитера Брицкого были достаточно хорошие отношения.

Впоследствии уже *протоиерей* Анатолий Синицын, в своих послужных списках, будет ограничиваться общей фразой: «Обновленческий архиепископ в г. Ташкенте и Джамбуле с сентября 1943 г. по май 1944 г.»<sup>30</sup>. Но, согласно сохранившейся копии «Журнала № 2 постановлений по Среднеазиатской епархии правящего епархией архиепископа Анатолия Синицына»<sup>31</sup>, он, если и не взял полностью власть в диоцезе в свои руки, то, по крайней мере, предпринял такую попытку.

Копия «Журнала» № 2 датирована 20 января 1943 года, и в первом его параграфе сказано следующее:

Ввиду того, что, в силу сложившихся обстоятельств, возвращение на Ташкентскую кафедру Епископа Сергия состояться не может и что де-юре и де-факто правящим епархией являюсь я, – считаю нужным и своевременным прекращение по епархии поминовения за службами епископа Сергия как правящего Епископа и возношение моего имени по простой формуле: высокопреосвященнейшего Архиепископа Анатолия<sup>32</sup>.

Де-факто Среднеазиатскую кафедру «высокопреосвященнейший» действительно занял в силу сложившейся ситуации. С де-юре дело обстоит несколько сложнее. Назначать на новые кафедры имели право только обновленческие «первоиерархи» – митрополиты Виталий (Введенский) и Александр (Введенский). Было ли назначение архиеп. Анатолия санкционировано кем-либо из них, сказать сейчас очень сложно. Документов на этот счет, к сожалению, не сохранилось.

Возможно, что на тот момент кандидатура Синицына более всего устраивала Брицкого и Лозового. И они, если не выдвинули, то наверняка поддержали архиепископа Анатолия в стремлении самостоятельно занять Среднеазиатскую кафедру.

Поддержка или выдвижение архиепископа Анатолия обоими протопресвитерами косвенно подтверждается вторым параграфом «Журнала» № 2, в котором владыка объявил о *явочном* переходе епархии в юрисдикцию Московской патриархии:

Православная церковь, руководимая патриархом Сергием, своим признанием Советской власти и патриотической деятельностью встала на путь обновленчества, таким образом, основная причина разделения отпала. Женатый епископат, второбрачие духовенства, как вопросы

церковно-бытового характера, не представляющие существа веры, в свете переживаемых событий несущественны и препятств[ием] к объединению со стороны патриаршей церкви служить не должны и не могут.

Необходимость усиления патриотической и антифашистской деятельности церкви требует объединения церковных сил. <У>читывая это и принимая во внимание желание всего духовенства и мирян епархии к церковному единению – переход епархии в ведение Патриарха Сергия считать своевременным и необходимым, но при условии приема епархии статус-кво, с сохранением существующего руководства без каких бы то ни было ограничений<sup>33</sup>.

Как видим, текстуальных совпадений с формулировками послания Епархиального совета от 11 января 1944 года более чем достаточно. Заняв кафедру, архиепископ Анатолий, видимо, не только полностью присоединился к плану Лозового и Брицкого, но и своими распоряжениями придал ему какую-то видимость легитимности.

Архивный вариант «Журнала» № 2 – отнюдь не единственный. А.И. Кузнецов в своей книге цитирует второй параграф этого же «Журнала», но с некоторыми разночтениями и с обширным добавлением.

Разночтения касаются следующих моментов. В варианте А.И. Кузнецова «Журнал» № 2 датирован «Января 11 дня 1944 г.», в нем полностью отсутствует первый параграф, а в общем заголовке документа архиеп. Анатолий указан как «временно управляющий Ташкентской епархией»<sup>34</sup>. В тексте второго параграфа латинское выражение «статус кво» изменено на латинское же «in corpore»<sup>35</sup>. В итоге получилось «...но при условии приема епархии in corpore», т.е. «в полном составе», что существенным образом искажает смысл постановления. Брицкий и Лозовой и примкнувший к ним архиепископ Анатолий просили принять диоцез в существующем статусе, а не в полном составе. Сохранение статуса епархии в тот момент их явно интересовало больше, чем ее количественный состав.

В варианте А.И. Кузнецова ко второму параграфу «Журнала» № 2 сделано весьма любопытное дополнение, полностью отсутствующее в архивном варианте.

...Для ускорения решения этого вопроса послать Патриарху Сергию телеграмму следующего содержания:

«Молния. Москва Чистый переулок 5 Святейшему Патриарху Сергию.

Вызванный Вами церковным делам епископ Ташкентский Сергей Ларин должен был поставить в известность Ваше Святейшество о желании епархии быть в Вашем ведении тчк Отсутствие до сих пор результатов разговоры разных преградах к приему крайне всех удручают тчк Выражая единодушное поддерживаемое нашим авторитетом желание всей епархии церковного единения просим Ваше Святейшество принять нас зпт Епархию каноническое общение и административное подчинение с сохранением нашем лице руководства Епархией тчк В Епархии отдано распоряжение возносить службами имя Вашего Святейшества молнируйте ответ задержка ответа угрожает развалом церковного дела»<sup>36</sup>.

Если разночтения варианта А.И. Кузнецова еще можно списать на ошибки копирования или редактуры, то телеграмма выглядит странной и как будто лишней на фоне первого пункта архивного текста «Журнала» № 2. На данный момент еще не выявлены документы, которые могли бы точно показать, посылалась ли в Патриархию такая телеграмма-«молния». Или, возможно, дело ограничилось отправлением послания от 11 января, с предложением принять епархию с соблюдением status quo.

Пока же полностью доверять дополнению А.И. Кузнецова не представляется целесообразным.

До сих пор не ясно, что же конкретно предпринимал архиепископ Анатолий, кроме объявления о присоединении. К сожалению, «Журналы» № 3 и 1 не сохранились; неизвестно, составлялись ли они вообще. Если архиеп. Анатолий и предпринимал что-либо, то, скорее всего, совсем недолго. В современном историко-хронологическом труде «Русская Православная Церковь. XX век» кратко упоминается, что он «...фактически устранился от управления епархией, выехав в январе 1944 г. в Джамбул и поручив управление протопресвитерам Брицкому и Лозовому»<sup>37</sup>. Возможно, так оно и обстояло, хотя механизмы этого «самоустранения» не особо понятны.

После этого вакантную должность временно управляющего вновь, как это уже было в 1938 году, занял протопресвитер Гр. Брицкий. Впоследствии (в 1949 году) отец Григорий будет утверждать следующее:

В 1944 году я временно оказался во главе Ср[едне-]Азиат[ской] епархии, и обратился сначала к прихожанам своего храма, а затем и к настоятелям церквей всей епархии с призывом подчиниться Московской православной Патриархии, признав свое преступление [-] пребывание в обновленческом расколе<sup>38</sup>.

О том, что протопресвитер Брицкий обладал реальной властью, свидетельствует рапорт одного из обновленческих священников, о. Леонида Виноградова, от 27 февраля 1944 года, адресованный «Его Высокопреподобию, Управляющему Средне-Азиатской Епархией, Протопресвитеру Григорию Яковлевичу, О[тцу] Брицкому». Несмотря на достаточно причудливый способ оформления заглавия документа, его автор предельно конкретен и предвзвешивает свое донесение следующей вводной:

Вследствие оставления Средне-Азиатской Епархии Преосвященным Епископом Сергием и Вашего вступления в управление вышеозначенной Епархией...<sup>39</sup>

Можно предположить, что основной задачей прот. Гр. Брицкого на тот момент было удержать церковную власть в Ташкенте вплоть до решения вопроса о переходе в Московскую Патриархию или появления какой-то альтернативы. Патриарх же все еще медлил с ответом, а обстановку в диоцезе прибывший в Ташкент весной 1944 г. А.Э. Левитин-Краснов охарактеризовал следующим образом:

В это время в церковной жизни Средней Азии происходила полная неразбериха. Вся Средняя Азия (90 храмов) была обновленческая. Архиерея здесь не было, но управлялась епархия протопресвитером отцом Григорием Брицким – умным хозяйственным стариком, бывшим законоучителем местной гимназии, сразу после раскола примкнувшим к обновленцам<sup>40</sup>.

Как мы увидим далее, отец Григорий сохранил власть вплоть до начала марта, когда положение Среднеазиатского диоцеза изменилось самым решительным образом.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Александр (Введенский), митр. По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 9-10 (22-23), 1927. – С. 16.

<sup>2</sup> См.: *Озмитель Е.Е.* Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – С. 89.

<sup>3</sup> Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М.: Об-во любителей церковной истории. Издательство Крутицкого подворья, 2002. – С. 528, 586.

<sup>4</sup> Машинописная копия телеграммы. – Электронный архив автора.

<sup>5</sup> Ксерокопия послужного списка прот. Гр. Брицкого от 7 февраля 1949 г. – Л. 1 об. – Личный архив автора.

<sup>6</sup> Центральный государственный архив Киргизской республики (ЦГА КР). Ф. 1631, оп. 1, д. 6, л. 43-44.

<sup>7</sup> Ходатайствуя о награждении, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви (СД РПЦ) А.М. Соловьев указывал, что представляет к медали священников, «особо проявивших себя в церковно-патриотической работе в дни Великой Отечественной войны в православных общинах Киргизской ССР» (ЦГА КР. Ф. 1631, оп. 1, д. 5, л. 39).

<sup>8</sup> См.: Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 556–568, 576–581. Левитин-Краснов А.Э. Рук Твоих жар (1941–1956) // Круг. Тель-Авив, 1979. (Приводится по электронной версии: [www.krotov.info/history/20/1940/levitin\\_9.htm](http://www.krotov.info/history/20/1940/levitin_9.htm)).

<sup>9</sup> См.: Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 581, 586.

<sup>10</sup> Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. – С. 639–640.

<sup>11</sup> Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 550.

<sup>12</sup> Там же. – С. 586.

<sup>13</sup> Государственный архив Самаркандской области (ГАСО). Ф. 1648, оп. 1, д. 1, л. 32 об. – 33.

<sup>14</sup> Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3, оп. 60, д. 5, л. 50. Опубликовано в: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С. 75–76.

<sup>15</sup> Ксерокопия послужного списка прот. А. Сеницына [последняя дата – 1 июня 1965 г.]. – Л. 2 об. – Личный архив автора статьи. – Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944). // «Обновленческий» раскол.... – С. 660.

<sup>16</sup> Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 1, л/д. № 222. Л. 7–8 об; Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. – С. 649.

<sup>17</sup> Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 586. – Пояснения в квадратных скобках мои – Р.Д.

<sup>18</sup> Там же. – С. 591.

<sup>19</sup> Об о. Алексии Панкове см. публикацию документов «Участвовало в стяжении победы...» в этом номере.

<sup>20</sup> Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 591.

<sup>21</sup> Там же. – С. 591–592.

<sup>22</sup> Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. Русская Православная Церковь. XX век. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 335.

<sup>23</sup> Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. – С. 594.

<sup>24</sup> См.: Левитин-Краснов А.Э. Указ. соч.

<sup>25</sup> Беглов А. Последний бой обновленцев. Эпизоды воссоединения с Патриаршей Церковью в 1944–1946 гг. // Альфа и Омега. № 2(40), 2004. (Приводится по электронной версии: [www.krotov.info/history/20/1940/beglov\\_obn.htm](http://www.krotov.info/history/20/1940/beglov_obn.htm)).

<sup>26</sup> АТУЕ, оп. 1 л/д, д. 222, л. 8 об.

<sup>27</sup> АТУЕ, оп. 1 л/д, д. 222, л. 8 об.

<sup>28</sup> Цит. по: Беглов А. Указ. соч. (Со ссылкой на: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991, оп. 2, д. 35, л. 24–25).

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Ксерокопия послужного списка прот. А. Сеницына [последняя дата – 1 июня 1965 г.]. – Л. 2 об. – Личный архив автора статьи.

<sup>31</sup> АТУЕ. Оп. 1, л/д № 222, л. 1–1 об. «Журналами» в до-революционном российском делопроизводстве именовались итоговые документы, совмещавшие в себе описание того или иного заседания с некоторыми элементами протокольных записей.

<sup>32</sup> АТУЕ. Оп. 1, л/д № 222, л. 1.

<sup>33</sup> Там же, л. 1–1 об.

<sup>34</sup> Кузнецов А.И. Указ. соч. – С. 595.

<sup>35</sup> Там же. – С. 595–596.

<sup>36</sup> Там же. – С. 596.

<sup>37</sup> Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. Указ. соч. – С. 343.

<sup>38</sup> Ксерокопия послужного списка прот. Гр. Брицкого от 7 февраля 1949 г. – Л. 2. – Личный архив автора.

<sup>39</sup> АТУЕ. Оп. 1, л/д № 69, л. 6.

<sup>40</sup> Левитин-Краснов А.Э. Указ. соч.

*Александр ДЖУМАЕВ*

## «Ничего нельзя сравнить с таким цветущим садом, как наш Ташкент...»

*Культурная жизнь военного Ташкента в документах и воспоминаниях*

Культурная история Ташкента не знает более необычного времени, чем время, пришедшее с началом Великой Отечественной войны<sup>1</sup>.

Иные столетия мелькают, не оставляя следа. Бесконечные войны, смена правителей и династий в беспощадной борьбе за власть. «Умирает со скуки историк, / за Мамаем все тот же Мамай» (В. Набоков)... Здесь же – всего-то четыре года. Но воспринимаются они как целая большая эпоха. Цельная и неповторимая по своему духу и колориту. Она наводит на мысль о зыбкости и условности наших измерений исторического времени, об обманчивости временных представлений.

Огромная концентрация культурно-интеллектуальных сил в пределах небольшого пространства города в короткое время. И не только в столичном Ташкенте, о котором чаще всего говорят и пишут, но и в областных городах – Бухаре, Самарканде, в городах Ферганской долины, даже в Нукусе.

Одних только эвакуированных писателей было 125 человек<sup>2</sup>. Более двухсот кинорботников. Более двухсот художников. Восемь театров. Ленинградская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова, Ленинградский Институт кинематографии<sup>3</sup>. Девять академий и сорок восемь вузов<sup>4</sup>.

Перечисление одних только названий культурных, образовательных и художественных организаций (без упоминания имен) займет несколько страниц.

Очевидец происходившего, молодой ташкентский художник Рафаил Такташ – о нем мы еще скажем ниже – написал в 1942 году в Фергане такие строки об эвакуированных:

О, ясно скроенные лица,  
О, губ усталые изломы...  
Я знаю, что в душе творится  
У тех, кто вызнал горя громы!



Кто впал в нужду и разоренье,  
Кто потерял семью и дом,  
Кто оглушен своим терпеньем,  
Пайковым истощен постом...<sup>5</sup>

Кто-то упокоился в этой земле навсегда – не вынес многотрудного переезда или не смог оправиться после перенесенных испытаний. В 1942 году умер искусствовед Владимир Николаевич Чепелев, автор очень интересной и едва ли не первой монографии о современном изобразительном искусстве Узбекистана<sup>6</sup>. И.Ю. Крачковский в своем скорбном списке потерь науки вспоминал об уходе талантливого историка-востоковеда Е.А. Разумовской, которая умерла в Ташкенте в марте 1943 года, «так и не оправившись после более чем полугодового пребывания здесь от всего, перенесенного в Ленинграде»<sup>7</sup>. 22 ноября 1943 года Совет Народных комиссаров Узбекской ССР принимает Постановление (№ 1649) «Об организации похорон Народного артиста Союза ССР профессора Ленинградской ордена Ленина Консерватории Ивана Васильевича Ершова»<sup>8</sup> – выдающегося русского советского певца и педагога.

После окончания войны почти все вернулись домой – кто в Москву, кто в Ленинград, кто еще куда. Но были и те, кто решил остаться жить в Ташкенте, восприняв всей душой культуру и уклад местной жизни, образы и реалии города.

Ташкент обладал в те годы огромной притягательной силой. Он завораживал приезжающих своей восточной экзотикой, доброжелательным и дружелюбным отношением со стороны узбекского населения, неспешной созерцательной жизнью и романтической красотой города-сада. Немало значила для приезжего творческого человека и древняя, еще неизведанная культура мусульманского Востока. Не буду приводить хорошо известные строки Анны Ахматовой или других поэтов и писателей о Ташкенте. Но вот одно не публиковавшееся прежде свидетельство восприятия Ташкента русской интеллигенцией. Ксения Михайловна Успенская, прекрасный музыкант и педагог, жена известного музыкального этнографа и композитора Виктора Александровича Успенского (1879–1949), пишет в письме музыковеду Виктору Михайловичу Беляеву:

Отчасти я согласна с Вашим мнением, что зимой наш город не очень привлекателен, но зато весной ничего нельзя сравнить с таким цветущим садом, как наш Ташкент, не правда ли?<sup>9</sup>

Действительно, это было время, когда еще можно было бродить по городу, не выходя в течение всего дня из тени вековых деревьев. Когда еще были «многочисленные арыки, по которым звонко бежала чистая вода и из которых мы утоляли жажду»<sup>10</sup>. А нередко и «закусывали», макая лепешку в воду протекающего арыка, как поступали мальчишки Ташкента, прибегая к Анхору в жаркие летние дни<sup>11</sup>.

В Ташкенте до начала военной эвакуации существовала большая прослойка русской интеллигенции. Сложилась она здесь в результате нескольких волн эмиграции. Из довоенных можно насчитать три: самая старая, дореволюционная, от которой ко времени войны оставалось совсем немного. Затем шла волна переселенцев периода революции и гражданской войны. А третья волна, хотя и небольшая, пришлась на вторую половину 1930-х годов, когда в Ташкент ссылали многих деятелей искусства.

В апреле 1936 года в Ташкент был сослан композитор Алексей Федорович Козловский (1905–1977), сразу полюбивший этот край и воспевавший его в своих талантливых сочинениях. Жена его, Галина Лонгиновна, сохранила для истории прекрасные воспоминания о муже и о дружбе с Анной Ахматовой<sup>12</sup>.

В Бухару был выслан искусствовед Лазарь Израилевич Ремпель (1907–1992), впоследствии один из основоположников узбекистанского искусствоведения, внесший выдающийся вклад в изучение средневекового искусства Узбекистана и Средней Азии.

Ташкент спасал, здесь можно было затеряться и «отлежаться»...

Многообразная и пестрая жизнь военного Ташкента бурлила, не укладываясь в незаметно навязанный в последние десятилетия штамп-характеристику об однообразном тоталитарном времени. Был и героизм, и строгая дисциплина, и жесткие наказания разгильдяям и бессовестным чиновникам, и диктат номенклатурных самодуров, и общие дворы с патефонами и общими радостями и горестями, и «черные рынки», и толкучки. В числе последних – знаменитая на всю Среднюю Азию «Тезиковка», располагавшаяся в районе Тезиковой дачи.

Дачи-то никакой не было, как и ее владельца, купца Тезикова. Это все было когда-то. А потом на ее месте расцвела, наверное, без санкции горсовета, знаменитая на весь Туркестан толкучка. О, какое обильное разнообразие лиц, говором, жестов и товаров. Приобрести здесь можно было буквально все: от польской конфедератки до университетского диплома. Партию маргиланского шелка – пожалуйста, дагестанские кинжалы, хлебные карточки, американское исподнее и консервы... Да что перечислять, пустое дело. Умолчу я и о дымчатых бутылках с самогонном, и о приветливых женских взглядах<sup>13</sup>.

Но все же необычность этого времени не в вещном раздолье толкучек и свободе нравов, а в невероятном соединении лишений, отчаянной борьбы за выживание и высокого биения творческой энергии.

Снабжение! Ох, какое ты нелишнее зимой сорок третьего года в тыловом городе Ташкенте! – вспоминала писательница Зоя Туманова. – Государственная стипендия – сто пятьдесят ежемесячно. На базаре это целый «кирпич» хлеба. Карточки в столовую Ленинградской консерватории; каждый день порция «затирухи» из черной муки и ложечка сахарного песка, которая высыпается на ладонь и немедленно слизывается. Сахар необходим для умственной работы<sup>14</sup>.

Умственная работа не только не прекращалась, но, напротив, возрастала. Как и интерес к высокой культуре, который принял в те годы едва ли не массовый характер.

...Старшее поколение ташкентцев наверняка помнит, – пишет прозаик Сухроб Мухамедов, – что столичный концертный зал тогда работал с очень большой нагрузкой. Он не «отдыхал» даже в поздние часы. Здесь довольно часто устраивались ночные концерты, которые начинались в двенадцать часов ночи и заканчивались в пять или шесть утра. С сольными концертами тут выступали знаменитые музыканты: Эмиль Гилельс, Лев Оборин... А среди многочисленных зрителей можно было увидеть Алексея Толстого, Веру Марецкую, Рину Зеленую, Фаину Раневскую, Юрия Завадского, Корнея Чуковского<sup>15</sup>.

Существовали особые центры притяжения, вокруг которых концентрировалась

художественная и культурная жизнь. Одним из таких центров была Ленинградская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова.

В Ташкент Ленинградская консерватория прибыла эшелонам 5 сентября 1941 года. Вместе с ней были эвакуированы музыкальное училище и музыкальная школа-десятилетка для одаренных детей<sup>16</sup>. Расположившись в выделенном правительством Узбекистана здании – бывшем Клубе швейников\*, Консерватория все годы пребывания в Ташкенте вела полноценную и активную, без каких-либо скидок на военное время, образовательную, научную, концертную, просветительскую деятельность. В трудных условиях нехватки аудиторий, музыкальных инструментов, учебных материалов Консерватория полностью развернула учебный процесс. Классы и аудитории работали круглосуточно, обучение было дневным и ночным. В 1942, 1943 и 1944 годах в Ташкенте состоялись ее плановые 76-й, 77-й и 78-й выпуски. Многие выпускники Консерватории приступили к работе в театрах и концертных организациях Узбекистана. За эти же годы Ученым советом Консерватории были проведены несколько крупных научных сессий, в том числе одна совместно с Научно-исследовательским Институтом искусствознания Узбекистана (в 1941 году); были приняты к защите одна докторская и 11 кандидатских диссертаций. Ученый совет принял решение о присуждении ученой степени доктора искусствоведческих наук бывшему воспитаннику Консерватории, народному артисту УзССР В.А. Успенскому, которое было утверждено Комитетом по делам высшей школы при СНК (Совете народных комиссаров) СССР.

Одновременно с деятельностью Консерватории начала свою работу и музыкальная школа-десятилетка. Интересные воспоминания о годах учебы в этой школе принадлежат Дильбар Абдусаламовне Рашидовой, ташкентскому востоковеду и историку музыки\*\*.

В 1-ый класс меня повели в школу-десятилетку при Ленинградской Консерватории. Читать к тому времени я уже умела – научилась в семье соседней, врача Марии Аристарховны Тевяшовой и инженера Александра Петровича Петрова. <...> Первые мои учителя в музыке были Раиса Ильинична Ильина и Ариадна Владимировна Бирмак. Уже на следующий год я, второклашка, играла в концерте на двух роялях в шесть рук с Саидой Рахимовой и Эльмирой Уразбаевой, впоследствии примадонной эстрадного оркестра Батыра Закирова. В концерте, посвященном 20-летию республики, 25 декабря 1944 года, я дирижировала Детским симфоническим оркестром, организованным в Янги-Юле, на фортепьяно исполняла «Песню жаворонка» П.И. Чайковского и была удостоена награды: Усман Юсупов, Первый секретарь ЦК, прямо на сцене подарил мне часики. В Ташкенте звучали концерты, их, кажется, называли монографическими, когда произведения одного композитора исполнялись в течение двух-трех вечеров. Их посещение для школьников было обязательным. <...> Помнится и то, что нас обязательно каждый день после уроков кормили горячими супами, а оладушки, говорили, делали из порошка черепашьих яиц, которые присылала Америка. Впечатления детской головки тех лет: теплота, сплоченность, теснота добрая, без раздражения<sup>17</sup>.

Правительство Узбекистана придавало большое значение развитию молодых дарований. 28 июня 1943 года СНК УзССР принимает специальное постановление

\* Дворец культуры швейного производственного объединения «Красная заря» (ул. Чехова, 5). Основан в 1936 году (архитектор К. Скорняков), открыт в 1938 году. Ныне – Дворец культуры МВД Республики Узбекистан. (Прим. ВС).

\*\* Дильбар Абдусаламовна Рашидова (1935–2015) – исследователь истории музыкальной культуры Средней Азии, трактатов о музыке на персидско-таджикском языке, культурной деятельности джадидов.

(№ 796) «О мероприятиях по организации набора учащихся в десятилетку при Ленинградской ордена Ленина Консерватории и музыкальные школы Узбекистана»<sup>18</sup>. В нем предусмотрены меры по предварительному выявлению талантливой молодежи по всей территории Узбекистана. Приведу некоторые пункты из этого важного документа:

В целях обеспечения приема в музыкальные школы талантливой молодежи, увеличения в них контингента учащихся местных национальностей и подготовки для искусства Узбекистана музыкальных кадров, Совет Народных Комиссаров УзССР постановляет:

1. Обязать Управление по делам искусств при СНК УзССР (тов. Велиева) провести с 1 июля по 15 июля с.г. по областям республики смотр музыкальных дарований из числа местных национальностей, для отбора в музыкальные школы.

2. Определить контингент приема детей для:

а) десятилетки при Ленинградской ордена Ленина консерватории – 60 чел.

б) десятилетки при Ташкентской госконсерватории – 20 чел.

в) школы-семилетки им. Глиэра – 60 чел.

3. Разрешить Управлению по делам искусств при СНК УзССР провести республиканский и областные смотры музыкально-одаренных детей, определив контингент направляемых на республиканский смотр в 160 чел.

4. Утвердить инструкцию по проведению смотра музыкально-одаренных детей (приложение № 1).

5. Утвердить общую сумму расходов на проведение вышеуказанных мероприятий в 25 тыс. рублей.

В консерватории работала замечательная плеяда выдающихся деятелей музыкальной культуры – музыкантов и музыковедов. Среди них – Х.С. Кушнарев, С.Л. Гинзбург, Ю.Н. Тюлин, В.И. Музалевский, А.А. Адамян, заметно повлиявшие на развитие музыкознания Узбекистана. Биограф эстетика Адамяна, читавшего в Консерватории курс «Истории эстетических учений», приводит характеристику Ташкента тех лет:

Ленинград и ленинградцы в узбекской столице не только вызывали сострадание, но на каждом шагу встречались с проявлениями необычайной теплоты, дружбы, понимания. «Я живу у чудесных людей», – сообщает Адамян в одном из писем из Ташкента<sup>19</sup>.

Усилиями музыковедов Ленинградской консерватории был подготовлен и опубликован (сразу после войны) научный сборник статей «Пути развития узбекской музыки»<sup>20</sup>. Фактически, это был первый специальный музыковедческий сборник, полностью посвященный вопросам музыкальной культуры Узбекистана. Его редактор, известный музыковед С.Л. Гинзбург, характеризуя проделанную работу, отмечал:

Эвакуированная в грозные дни Великой Отечественной войны в далекий Ташкент, Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова считала своим прямым долгом не только наилучшим образом организовать на новом месте планомерную учебную, научную и концертную деятельность, но и всеми возможными средствами активно содействовать строительству музыкальной культуры оказавшего ей братское гостеприимство узбекского народа<sup>21</sup>.

Огромный размах приняла в Узбекистане концертная деятельность Консерватории.

В здании Консерватории по ул. Чехова еженедельно устраивались открытые тематические концерты, в которых принимали участие лучшие исполнители, ансамбли, хор и симфонический оркестр Консерватории<sup>22</sup>.

Все концерты были бесплатными, общедоступными, сопровождались вступительным словом музыковедов; зал всегда был переполнен. Венцом концертной деятельности Консерватории, «выдающимся событием в художественной и культурной жизни Ташкента» (как пишут составители Отчета) стало исполнение симфоническим оркестром Консерватории Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича (дирижер Илья Мусин). Оно состоялось 25 июня 1942 года и было приурочено к годовщине начала Отечественной войны. Исполнение оказалось третьим на территории бывшего СССР – первое состоялось в Куйбышеве (ныне Самара) 5 марта 1942 года, второе – в конце марта в Москве. После премьеры в Ташкенте Седьмая симфония была исполнена в блокадном Ленинграде (9 августа 1942 года в Большом зале филармонии). К премьере в Ташкенте была подготовлена и издана специальная брошюра «Седьмая симфония Д. Шостаковича».

Заметные изменения в культурном строительстве пришлось на 1943 год. Одно за другим происходят крупные события в культурной и научной жизни страны, инициированные государством. Вот только некоторые из них, наиболее существенные.

28 июня 1943 года выходит Постановление Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР № 798 «Об обеспечении музыкальными инструментами Ленинградской консерватории и других организаций»<sup>23</sup>. В списке, кроме основной организации, Ленинградской консерватории, значатся Янги-Юльский музыкально-драматический театр, Узбекский Театр юного зрителя им. Ахунбабаева, Союз советских композиторов Украины.

24 июля 1943 года выходит Постановление № 928 «О реставрации и благоустройстве памятников старины, революции и искусства Узбекистана». В нем разрабатывался порядок и предусматривалось выделение значительных средств на реставрацию в Самарканде Мавзолея Гур-Эмира, обсерватории Улугбека, медресе Улугбека и других<sup>24</sup>.

27 сентября 1943 года было принято Постановление СНК СССР о реорганизации Узбекского филиала Академии наук СССР в Ташкенте в Академию наук Узбекской ССР, а 4 ноября этого же года стало днем ее учреждения<sup>25</sup>. Сохранившаяся программа концерта, посвященного учреждению Академии, демонстрирует типичное для той эпохи сочетание произведений русской и европейской классики, узбекской традиционной музыки, танца и музыки народов Востока. Среди исполнителей известные мастера искусств Узбекистана – Галия Измайлова, Шахадат Рахимова, Тамара Ханум, Карим Закиров, Мукаррам Тургунбаева, Халима Насырова. Концерт открывал профессор, ректор Ленинградской консерватории пианист Павел Серебряков, исполнивший 12-й этюд Скрябина.

23 июля 1943 года – Постановление Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР № 925 «О восстановлении в системе Управления по делам искусств при СНК УзССР Научно-исследовательского Института искусствознания»<sup>26</sup>. Утверждается смета его расходов, источники финансирования, штат в количестве 67 человек и помещение.

В это время с Институтом искусствознания активно сотрудничает известный музыковед Виктор Михайлович Беляев, также находившийся в годы войны в Ташкенте. Он работает над фундаментальной монографией – «Очерки развития музыкальной культуры на территории Узбекистана с древнейших времен» в четырех томах<sup>27</sup>. По тем временам это была работа исключительно новаторская, охватывающая значительный музыкально-исторический материал и широкий круг максимально доступных источников.

Активно занимался записью узбекского фольклора в те трудные годы композитор Алексей Федорович Козловский, сотрудничавший с НИИ искусствознания. Он обладал феноменальной музыкальной памятью и исключительным слухом, что позволяло ему фиксировать сложнейшие изгибы восточных мелодий и тончайшие узоры ритмов. Как вспоминает жена композитора:

Козловский записывал народную музыку не как фольклорист. При предельно точной фиксации процесс этот был у него очень субъективным, особым. Кроме музыканта, в нем одновременно жил и чувствовал поэт. Слитые воедино, они фиксировали все сопутствующие этому процессу ощущения, обстоятельства. Все имело значение – лицо исполнителя, время дня, освещение, окружающая среда, собственное настроение во время записи и многое, многое другое. Все это оставалось в нотных тетрадках: не только знаки на линейках, но как бы картины жизни. Козловский знал, что делает записи только для себя, копил их, как в водоеме влагу, которая будет питать его музыкальное воображение и композиторское творчество. Впоследствии часть записанного им приобрел Институт искусствознания, и к этому материалу не раз обращались композиторы. Особый интерес проявляли Рейнгольд Морицевич Глиэр и Сергей Никифорович Василенко<sup>28</sup>.

В апреле 1942 года А.Ф. Козловский совершил экспедиционную поездку в Самарканд и Бухару, где встретился с известными бухарскими музыкантами, певцом Моше Бабахановым, сыном знаменитого певца Левичи, певцом Гавриэлем Бениаминовым, Наимовым... От них и других музыкантов он узнает и записывает на ноты образцы народной и классической музыки. В 1943 году уже в Ташкенте Козловский, благодаря Махмуду Бакиеву<sup>29</sup>, записывает сорок уйгурских песен.

Итогом стало представление Козловским в НИИ искусствознания рукописного сборника нотных записей – «Коллекция записей музыкального фольклора Узбекистана. Из тетрадей 1936–1943 гг. Сто шестьдесят записей»<sup>30</sup>. Этот сборник, как и другие записи Козловского, ввиду их исключительной точности, и в наши дни представляют большую музыкально-историческую ценность.

Вдохновленный богатым и трагическим историческим прошлым Средней Азии, Узбекистана, Козловский еще до войны приступил к сбору материалов и написанию монументальной, в традициях русских классиков, оперы «Улугбек». 19 ноября 1942 года состоялась ее премьера в старом оперном театре. Буквально накануне войны композитору довелось присутствовать при вскрытии захоронений Амира Темура и Темуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде. Этот эпизод оказал очень сильное эмоциональное воздействие на впечатлительного музыканта. Позже останки Темура и Темуридов были доставлены в Ташкент в распоряжение известного скульптора-антрополога Михаила Михайловича Герасимова для восстановления их портретных обликов. Как вспоминает Г.Л. Козловская, Герасимов предоставил Алексею Федоро-

вичу возможность осмотреть эти останки. Происходило это в Академии наук. Козловский положил на стол рукопись своей оперы.

Мы с содроганием посмотрели на голову Улугбека. <...> Мы глядели на пустые глазницы, где когда-то светились глаза, глядевшие на звезды и постигавшие тайны неба. В этой голове царил все помнящий ум и рождались слова мудрости и любви, гнева и печали. Вот он, тот, кого мы так долго любили и, вероятно, идеализировали, так как он представлялся нам совершенным воплощением человека, чей дух вырвался на свободу научного познания мира, а чувства были отданы всем радостям и великолепиям жизни. В нашем представлении это был гуманист, которого породил краткий век того, что мы теперь называем Восточным Ренессансом. Алексей Федорович взял в руки голову Улугбека, поцеловал и положил на последнюю страницу оперы, где повествовалось о смерти героя. И рукопись словно вобрала в себя тайну этой давней смерти, а белая голова касалась страницы и сверкала как доказательство давнего злодеяния. Простившись со своим героем, композитор написал под последней строчкой, что такого-то числа такого-то года здесь лежала голова Улугбека. Мы, все четверо – Алексей Федорович, его брат, я и Михаил Михайлович Герасимов, поставили свои подписи<sup>31</sup>.

Блиские дружеские отношения связывали А.Ф. Козловского с Анной Ахматовой, находившейся в Ташкенте в эвакуации. Ахматова посвятила композитору несколько своих прекрасных ташкентских стихотворений, а он, в свою очередь, написал романсы на ее стихи. В воспоминаниях Галины Лонгиновны Козловской мы находим пояснения к появлению тех или иных поэтических строк и целых стихотворений Ахматовой, без которых наше знание ее поэзии было бы неполным.

Ахматова пользовалась чрезвычайной популярностью, и можно согласиться с мнением одной ее современницы, что это был самый настоящий «культ Ахматовой». Один из очевидцев передает эту неподдельную атмосферу всеобщего преклонения:

Здесь Анна Ахматова. К ней паломничество. В. Волькенштейн <...> жалуется: – Люди идут к ней стаями; она вывешивает записку на двери: работаю. Не помогает. – Это выражение любви не кажется ему искренним: идут, потому что Ахматова в чести, признана властью, кажется влиятельной. Артистка Ф. Раневская рассказала: записки с ее двери исчезают, потому что – автограф. Ахматова человек исключительной духовности, строгости, чистоты. От всех благ и преимуществ, щедро предлагаемых ей местным руководством, отказывается. <...> Живет намеренно трудно. Поза? Нет, схи́ма<sup>32</sup>.

Среди тех, кто удостоился чести быть принятым Ахматовой и беседовать с ней, был молодой художник и искусствовед Рафаил Хадиевич Такташ\*. В те годы он только начинал увлекаться поэзией и пробовал себя в сочинении стихов. Не побоявшись, он прочитал Анне Андреевне кое-что из своих сочинений. Получив одобрение, Рафаил получил и бесценный подарок из рук Ахматовой – сборник ее стихов с дарственной надписью. А дальше, по рассказу Р.Х. Такташа, который мне довелось слышать от него самого, он совершил непоправимую ошибку, о чем сожалел потом всю жизнь. Мать Рафаила, Гульчахра Хамзина (первая жена знаменитого татарского поэта Хади Такташа), занимала в 1942–1943 годах пост Народного комиссара юстиции Узбеки-

\* Рафаил Хадиевич Такташ (1926–2008) – искусствовед, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств республики, автор многочисленных книг по истории изобразительного и народного прикладного искусства Узбекистана; художник и поэт.

стана<sup>33</sup>. Завидев книгу с надписью ее сыну, матушка потребовала от него немедленно уничтожить автограф. «Ты разве не знаешь, что Ахматова находится под наблюдением?» – испугавшись, сказала она. И Рафаил вырвал титульный лист с ахматовскими словами. Но, вдохновленный ее напутствием, он продолжал всю свою жизнь, наряду с искусствоведческими опусами, сочинять стихи.

В культуре и людской памяти, в сознании, в судьбах многих и многих людей остался неистребимый след той удивительной эпохи, героической по своей сути. Этот же след эпохи мы видим в усилившемся как никогда взаимовлиянии двух художественных и культурных миров – Востока и Запада. Плоды его воплотились в прекрасных поэтических, музыкальных, художественных творениях. Многое осталось и сохранилось. Но многое еще сокрыто в толще архивных хранений и ждет своих открытий.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Культурная и художественная жизнь Ташкента времени Великой Отечественной войны уже давно предмет разнообразного исследования и осмысления – научного академического, с опорой на архивные данные, и мемуарного, публицистического и художественно-поэтического. Назову только некоторые академические научные труды (монографии), выполненные историками Узбекистана и содержащие обширные библиографические указатели по данной теме: Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Отв. ред. чл.-корр. АН УзССР Р.Х. Аминова и д-р ист. наук Т.Д. Джураев. Ташкент: Фан, 1966; Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне [Коллектив авторов] / Отв. редактор Х.Ш. Иноят. Ташкент: Фан, 1975; Халмуминов К.Т. Совет народных комиссаров Узбекской ССР в годы Великой Отечественной войны. Ташкент: Фан, 1984.

<sup>2</sup> Архив Института истории партии РУз. Ф. 58. Оп. 18. Д. 905. Л. 48.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 58. Оп. 18. Д. 909.

<sup>4</sup> См.: Рахманкулова И.А. Художественная жизнь Самарканда в годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. (графика, живопись). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Ташкент, 1990. – С. 1.

<sup>5</sup> Такташ Р. Любовь моя – Фергана. Ташкент: Бизнес-каталог, 1997. – С. 11.

<sup>6</sup> См.: Чепелев В. Искусство Советского Узбекистана. Ленинград: Изд-во Ленинградского областного союза советских художников, 1935.

<sup>7</sup> Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 245.

<sup>8</sup> Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 2087. Оп. 1. Д. 123. Л. 170.

<sup>9</sup> Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том V. Письма 337–448 (2.I.1933 – 27.XII.1936 гг.). Ташкент, 1958. Рукопись в библиотеке Научно-исследовательского Института искусствознания АН РУз, М(м), У-77, № 440/5. – С. 2.

<sup>10</sup> Мухамедов Сухроб. «И в снах мелодии Джангоха...»; Его величество «Пятак»: Повести. Ташкент: Ижод дунёси, 2002. – С. 171.

<sup>11</sup> См.: Айбек. Детство. Повесть. Перевод Н.Е. Ивашева. Стихотворения в переводе Н.И. Татариневой // Айбек. Собр. соч. в 5 тт. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1985–1987. Т. 4. 1986. – С. 327, 343–344; Мухамедов Сухроб. «И в снах мелодии Джангоха...»; Его величество «Пятак»: Повести. Указ. изд. – С. 134 («Попрыгав с моста в воду, мы не спеша поплыли по течению. Перед самым носом поплавок покачивается хлеб. Каждый ждет, пока он пропитается водой Анхора, а уж затем, смакуя, мы его съедим...»).

<sup>12</sup> См.: Козловская Г. Восточный полдень Анны Ахматовой // Звезда Востока, 1990, № 12. – С. 124–141; Она же. День, прожитый в солнечной прелести // Музыкальная академия, 1994, № 1. – С. 81–84; Она же. Дни и годы одной прекрасной жизни. Воспоминания о композиторе Алексее Козловском // Музыкальная академия, 1994, № 3. – С. 40–54; Она же. Дни и годы одной прекрасной жизни. Воспоминания о композиторе Алексее Козловском // Музыкальная академия, 1994, № 4. – С. 110–114.

<sup>13</sup> Кумок Я. Михозлс. Рассказ // Звезда Востока, 1967, № 3. – С. 203.

<sup>14</sup> Туманова З. У каждого свои лица... // Общественное мнение. Права человека, 2000, № 1-2 (9-10). – С. 229–230.

<sup>15</sup> Мухамедов Сухроб. Цит. соч. – С. 173.

<sup>16</sup> Деятельность Ленинградской консерватории в период эвакуации в Ташкенте подробно освещена в ее специальном (неопубликованном) Отчете, объемом 87 стр., законченном 1 августа 1944 года и представленном в Управление по делам искусств при СНК УзССР. Из него я заимствую ряд сведений для настоящей статьи. См.: Ленинградская консерватория в Узбекистане. 1941–1944 гг. Отчет. В библиотеке Научно-исследовательского Института искусствознания АН Республики Узбекистан. Машинописная рукопись. Шифр М(м), О-88, № 248. Среди публикаций, посвя-



*Александр ДЖУМАЕВ.* «Ничего нельзя сравнить с таким цветущим садом, как наш Ташкент...»

щенных этому периоду деятельности Консерватории, см.: 100 лет Ленинградской Консерватории. Исторический очерк. – Л.: Музгиз, 1962.

<sup>17</sup> Рашидова Д. Воспоминания юной артистки. Рукопись. В архиве автора статьи.

<sup>18</sup> ЦГА РУз. Ф. 2087. Оп. 1. Д. 103. Л. 75.

<sup>19</sup> Фарбитейн А.А. Аршак Адамян. Ереван: Советакан грох, 1989. – С. 53–54.

<sup>20</sup> Пути развития узбекской музыки. Сб. ст. под ред. проф. С.Л. Гинзбурга. Л.–М.: Искусство, 1946. В написании статей приняли участие двадцать специалистов – музыковедов, композиторов, музыкантов. Сборник состоит из шести тематических разделов: «Прошлое узбекской музыки», «Люди узбекского национального искусства», «Народное узбекское музыкальное творчество», «Из опыта работы в Узбекистане русских композиторов», «Вопросы узбекского музыкального исполнительства и педагогики», «Узбекская музыка и братские музыкальные культуры».

<sup>21</sup> Пути развития узбекской музыки... – С. 3.

<sup>22</sup> Ленинградская консерватория в Узбекистане. 1941–1944 гг. Отчет... – С. 9.

<sup>23</sup> ЦГА РУз. Ф. 2087. Оп. 1. Д. 103. Л. 73.

<sup>24</sup> ЦГА РУз. Ф. 2087. Оп. 1. Д. 103. Л. 41–41 об.

<sup>25</sup> См.: Правда Востока, 4 ноября 1943 г., № 228 (6316). – С. 1.

<sup>26</sup> ЦГА РУз. Ф. 2087. Оп. 1. Д. 203. Л. 42.

<sup>27</sup> Работа Беляева (в четырех томах) так и осталась

неопубликованной, став источником для написания ряда других музыкально-исторических исследований. См.: Беляев В.М. Очерки развития музыкальной культуры на территории Узбекистана с древнейших времен. Части 1–4. Рукопись в библиотеке Научно-исследовательского Института искусствознания АН Республики Узбекистан. Машинописная рукопись. Шифр МИ, Б-44, инв. № 149, № 25, ч. 1–4.

<sup>28</sup> Козловская Г. Дни и годы одной прекрасной жизни. Воспоминания о композиторе Алексее Козловском... – С. 43.

<sup>29</sup> См.: Козловский А.Ф. Сорок уйгурских песен. Ташкент, 1943 г. Рукопись в библиотеке Научно-исследовательского Института искусствознания АН Республики Узбекистан. Машинописная рукопись. Шифр МЗ, К-59, Инв. №№ 121 и 124, 132 и 133.

<sup>30</sup> Козловский А.Ф. Музыкальный фольклор Узбекистана. Рукопись в библиотеке Научно-исследовательского Института искусствознания АН Республики Узбекистан. Машинописная рукопись. Шифр МЗ, К-59, инв. №№ 123, 142.

<sup>31</sup> Козловская Г. Дни и годы одной прекрасной жизни... – С. 45.

<sup>32</sup> Цит. по изд.: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИНДРИК, 2008. – С. 354.

<sup>33</sup> Сведения о своей матери Р.Х. Такташ приводит в неопубликованной книге «Дорогой искусства и искусствознания» (Ташкент, 2002). С. 3. Рукопись в архиве автора статьи.

Виктор МОИСЕЕНКО

## Дядя Лёша, дядя Коля и другие

*Сырдарьинские этюды\**

### Альфа

Переслужил я, сверх положенных трех лет, еще сорок четыре дня. Восьмого ноября 1955 года мне подписали приказ о демобилизации со службы по охране северных рубежей СССР, но отбыть с острова в Выборг не позволяла погода на море. В наряды по охране границы я уже не заступал, проводил время в казарме.

Единственным развлечением была наша любимица, немецкая овчарка Альфа. Ей в июне контрабандист перебил из винтовки позвоночник, и задние лапы у Альфы были обездвижены. С приходом холодов, в середине сентября, печник дядя Лёша, из гражданских, сделал ей за кухонной печкой уголок, где она спала, со стонами и повизгиванием, но терпеливо молчала во время прибытия ежемесячных проверяющих. В тайнике с ней прятался и ползающий на брюхе от запущенного ревматоида суставов кобель Колун. Но в октябре он себя выдал лаем. Начальнику заставы, капитану Евсееву, было приказано «не разводить на заставе соплей»... Колуна забрал дядя Лёша и в свои командировочные наезды рассказывал нам о самочувствии нашего боевого друга.

А Альфу мы бы не отдали. Уникальная была собака. За плеском волн Альфа точно различала звук контрабандистского весла. Когда мы в три весельные лодки с дистанцией в 50 метров плыли на перехват, она спокойно всматривалась в морскую даль. Если было выбрано неправильное направление, Альфа беззвучно кружилась на месте. Альфа ничего бы не пропустила. А после войны были случаи, когда пропадали наши пограничники. Говорили, что по островам прятались финские фанатики, а на островах было столько выдолблено укрытий еще с царских времен. Не пропускала Альфа и мины-поплавки, которые натовцы подбрасывали к нашим позициям под видом еще тех, немецких, со времен Второй мировой, и будто бы не замеченных до сих пор нашими тральщиками. Мины подгонялись волной к скалам, бились об них и взрывались.

Найти на дальних мелких островах сгруженные с финских паромов товары для

\* Продолжение. Начало в ВС №№ 4 (XXXII), 2013; 1-2, 3, 4 (XXXIII, XXXIV, XXXV), 2014; № 1 (XXXVI), 2015.

Альфы было плевым делом. Галеты, переводные картинки, солнцезащитные очки, порнографические журналы, блоки сигарет, упакованные в целлофан сыры...

Обнаружила она однажды тайнички со всем этим и на нашем базовом острове, у двух ребят из нашего отряда. Выросшие на Каспии, они с детства выходили на рыбный промысел с отцами и были незаменимы в наших ночных лодочных переходах от острова к острову. После этой находки решили не поднимать шума, ребят перевели в морскую пехоту под Мурманск, а начальник погранзаставы сокрушенно им выговорил: «Отличников боевой и политической подготовки переборол ген торгоша. Эх!..»

Но дембелям разрешалось украсить переводными картинками чемодан, взять с собой две стопки шоколадных плиток, галет, сколько унесешь, и электробритвы, которые в СССР начнут производить только в 1958 году на Харьковском заводе. На заставе мы не тратили деньги, еды и курева было вдоволь, и за три года собиралась приличная сумма крупных дореформенных бумажных денег. И очень интересно будет держать в 1961 году новенький желтенький рублик, в два с половиной раза мельче своего дореформенного собрата...

У моряков и пограничников не было дедовщины. Туда отбирали строже, и на службе от действий рядом стоящего сослуживца зависела твоя жизнь.

Увольнявшемуся со службы пограничнику по желанию давали щенка немецкой овчарки из питомника. Щенят брали многие демобилизующиеся, но до дома довозил редко кто. Кто-то продавал щенка в Ленинграде, у кого-то выкрадывали еще в Выборге. Мне достался ласковый полуторамесячный кобелек, я сразу назвал его Альфой. Мне сказали, что это ее внучок. Вожатый грозного пса Пирата, саратовец Тязанов, посоветовал не позорить щенка-пацана и назвать его Альфонсом. «Вожатый Тязанов, вы для меня не специалист в области наименований животных», – сказал я ему, подражая голосом начальнику заставы...

В 1964 году старший лейтенант Тязанов сам возглавит нашу заставу. Режим будет к этому времени ослаблен, и связь с материком свободная, и лодок весельных не будет, и натовцы сильно наглеть перестанут. Тязанов приедет на заставу с молоденькой блекленькой женой, которая станет для его подчиненных самой красивой женщиной в мире. Под двери казенной квартиры пограничники будут подкладывать листы со стихами, а Тязанов будет делать выговоры подчиненным за то, что выдавали за свои стихи Блока...

Установилась погода на море, пришел буксир с баржой строительных материалов, даже глину приходилось завозить с материка. Я уже трижды попрощался с друзьями, мы клялись в вечной дружбе, заявляли, что мы больше чем братаны, что будем переписываться и, по возможности, видеться. А еще лучше породниться через детей. Кричали: «Погранцы везде и во всем молодцы!». Перед отправкой я из двух шарфов сшил люльку для щенка, которую можно перекидывать через плечо. Приучил его ползать у меня за шинелью вокруг талии над солдатским затянутым ремнем, сверху оставлял застегнутой одну пуговицу, остальные расстегивал, образовывался над талией шерстяной пузырь и пространство для забега щенку по кругу. Нарушив приказ министра обороны о переходе на зимнюю форму одежды, уплыл я в фуражке. Шапка мне не шла: глаза у меня под ней были с каким-то не боевым выражением, а точно мне смертельно хочется спать.

Отплытие двенадцатого декабря получилось печальным. С утра в казарму забежал дежурный и крикнул, что умирает Альфа. С кровати вскочили все, даже те, кто только что пришли из ночного и не успели даже согреться под одеялами. На кухне нашли Альфу, лежащую у двери. Голову свою она положила между лап и как будто икала. Мы не сговариваясь переложили ее на плащ-палатку, подошли к месту развода нарядов и «разыграли» развод. Голосом начальника заставы говорил я. Альфа после ранения всегда скулила во время развода нарядов, ей тоже хотелось быть в строю. За Альфой скулили все отдыхавшие в вольерах собаки и нервничали уходившие в дозор. Мы обнесли Альфу по всему острову, а когда пошли на спуск к лодкам, кто-то сказал: «Все, нету Альфы». И как будто увеличился вес плащ-палатки. Вспомнилось, как мы грелись, прижавшись к ней, в дозоре, в промозглую погоду... Я забежал в ленинскую комнату, спрятал лицо в материи красного знамени и замер. И вдруг увидел себя со стороны. В детстве я несколько раз видел плачущую так маму. Она подходила к полотенцу, висящему у умывальника, и, убедившись, что никого поблизости нет, беззвучно плакала, уткнувшись в него...

Альфю мы не отдали морю. Мы ее зарыли в дальнем углу клумбы, уходящем к спуску, где толще был слой навезенной с материка земли. Ребята решили, что запаха от Альфы не будет. После ранения от мощной собаки остались только кожа да кости.

### Дядя Лёша

В Выборге я полдня провел в доме у дяди Лёши. Увидел Колуна. Пес меня узнал, но не обрадовался. Я в его памяти, видно, ассоциировался с болью, а здесь его лечили, любили и не надо было больше прятаться от проверяющих. Жена дяди Лёши тетя Зоя каждый день парила Колуна в настоящей финской парилке, и когда он начинал сползать от жара под лавку, сразу давала пить настой из сосновых иголок. И тут же в бане ставила на больные места примочки из медного купороса.

Этой доброй женщине я оставил, втайне от дяди Лёши, собранный друзьями узел с мохеровыми клубками, отрезом финского крепдешина, стопку шоколадных плиток и несколько пакетов мягких конфет-тянучек с клубничным вкусом. Самому же дяде Лёше мы на заставе даже закурить из захваченных в схронах сигарет не предлагали. «Я человек “режимный” и местом своим дорожу», – говорил он. На таких людях, как дядя Лёша, держалась страна. Когда нас назначали ему в помощь в кладке печей в казарме, мы шли на это с песнями. Для меня и сейчас сложить печь, как влезть на дерево. На секреты дяди Лёша не жадничал: сколько надо держать замоченной глину, как ее растирать и как проверить ее готовность. Требовалось обязательно замачивать и жженые кирпичи: «Не бойтесь, не размокнут». Сообщил и то, что надо приговаривать при кладке, потому что печь – самое живое место в доме, от него зависит семейное благополучие. И как надо наказывать жадного и капризного заказчика, куда направить горлышко заложенной в трубу бутылки, чтобы в свирепые ветра стоял вой в его доме.

Но больше всего мы любили рассказы дяди Лёши. На политзанятиях мы узнавали военную историю тех мест – территорий Северного фронта. Немцы в течение недели после начала войны не беспокоили наших пограничников, надеясь в первые

дни разбить центральные армии, а потом пройти прогулочным шагом по северу. До войны из запланированных укреплений на севере успели построить только половину, а вооружение в построенные дзоты завезли и установили за день до наступления немцев. Здесь сопки и горы, в землю не закопаешься, внизу непробиваемый камень, спрятаться можно только за валунами и уложенными друг на друга камнями. 29 июня 1941 года в наступление пошли горные егеря, но пограничники их успешно отбили. Тогда на помощь врагу пришла авиация и артиллерия. Немцы собрались с большими силами, сделав основную ставку на авиацию. Им удалось откинуть наших за речку Вилуюку, возникла угроза железнодорожной ветке, снабжавшей Северный фронт.

«А вот теперь послушай, как было на самом деле, – включался дядя Лёша. – Положение было такое безвыходное, что по городу Мурманску и по окрестным селам собрали портовых рабочих, пожилых и молодых, около 15 тысяч человек, назвали дивизией и с одной винтовкой на троих бросили на врага. Откинули немцев, не привыкших к такому сопротивлению, на прежние позиции. К финнам и немцам подошли новые части. Тогда наши под ружье поставили заключенных северных лагерей и бывших строителей Беломорско-Балтийского канала. Заключенные так дрались и так воодушевили нас, что мы до 44-го года сковали здесь 12 немецких и 8 финских дивизий. Вам на политзанятиях об этом не расскажут. Как собирали по северным деревням незрелых пацанов, как я. Мне едва исполнилось семнадцать. Как обрадовались войска отряду вернувшихся из лесов охотников. Среди них был и мой брат-вдовец с 14 детьми: тринадцать дочек и последний сын, которого брат громко и гордо называл Заболотный Владимир Федотович. Мы с братом воевали, а в деревне под Архангельском от голода одна за другой умирали племянницы. В магазине давали только по 400 граммов хлеба. А Владимир Федотович спасся благодаря кошке. Она душила крыс, а он их ел. А девочки брезговали...

Я воин был неважнецкий. Брат приказывал держаться за ним, я и затворы из винтовки Мосина два раза терял. И брат доставал в бою мне новую, выхваченную из рук убитого нашего солдата.

Немецкой миной убило брата и двух его друзей. Меня же тяжело ранило. Я лежал в Мурманске в госпитале вместе с ранеными английскими моряками из северного морского конвоя. Англичане говорили, что немцы собирались с ними воевать поджентльменски: не бомбить мирных городов, не убивать мирных жителей. Но один немецкий летчик промахнулся и сбросил бомбы на жилые дома в пригороде Лондона. В ответ англичане нанесли бомбовый удар по Берлину. И понеслось... «А вот вас, советских, – говорил англичанин, – фашисты сразу решили убивать безжалостно...»

Я закончил войну в Кёнигсберге. Два месяца после войны жили на хуторе в немецком доме и питались жирной соленой рыбой из закопанных в землю железных бочек (сбежавшие немцы, видно, рассчитывали вернуться). Удивлялся мощным камнем дорогам до каждого хутора, сложной системе мелиорации восточно-пруссских полей. Сюда уже завозили добровольцев из разных областей страны. Можно и мне было остаться, но моя невеста, ротный санинструктор, потянула меня в Ленинград. Жилье нам нашлось только в отвоеванном у финнов Выборге. Средних размеров домик, поделенный для двух семей. В Архангельске в детдоме я разыскал племянника, и учим его теперь на офицера-ракетчика...»

Я еще не знал, что с дядей Лёшей и его семьей я буду поддерживать связь почти до конца его дней. Жена дяди Лёши три раза по месяцу гостила у нас в доме. Промывала арбузным соком желчный пузырь. Я буду знать от них новости о родной заставе.

Как ни горько сознавать, но я понял, что на службе я был не самым почетным среди ребят пограничником. Сослуживцы считали меня изнеженным на южном солнце пареньком. Три катера с бензиновыми движками у нас на заставе постоянно были в ремонте, и когда мы до нитки вымокали в плоскодонках, всем достаточно было попариться в бане и выпить 300 грамм дозорных. На меня же, подпрыгивающего под овчинным тулупом от непрекращающегося кашля, уходил весь запас дефицитных тогда антибиотиков. Так я и получил прозвище Бухыкало, и ребята в шутку просили дядю Лёшу выложить для меня ложе у печки на кухне, рядом с Пиратом и Альфой, чтобы не мешал спать своим кашлем. Высмеивали мою впечатлительность, когда мы вытаскивали плававший вниз лицом труп контрабандиста – того самого, который оказал сопротивление и ранил нашу Альфу...

### Ленинград. Следы войны

Ну а пока дядя Лёша дал мне адрес сестры своей жены, работавшей в Ленинграде кастеляншей гостиницы у Троицкого рынка. Там я провел две ночи на кипах подготовленного в стирку постельного белья. Знакомился с городом, обегал все достопримечательности. Никак не мог наглядеться на людей. Все женщины и девушки казались мне небесными созданиями. После трехгодичного пребывания на острове, я жадно вглядывался в собеседника и видел то, что не видит уставший от общения привычный глаз.

Еще были в строительных лесах многие здания, хотя разрушенных зданий мне видеть не пришлось. Десять послевоенных лет позволили городу залечить свои раны, но сплав пережитого в годы блокады витал в воздухе.

Я собирался посетить Пискаревское кладбище, но одна встреча нарушила мои планы. Как-то я присел на край скамьи из свежеструганных некрашеных реек, достал из-за пазухи кутенка, скулением давшего мне знать о своем желании, пустил его к клумбе. Однако сидевшая на другом конце скамьи женщина средних лет мягко попросила отнести щенка с его нуждой подальше от этого места. «Тут лежат ленинградцы», – она показала мне рукой границы противоосколочных щелей, вырытых по всему городу. Оказалось, что в них было захоронено огромное количество горожан. Здесь лежала и подруга этой женщины. После блокады извлекли и захоронили только тех, кто лежал в верхних слоях, остальные так и остались здесь. Весь город, как сказала мне моя собеседница, – большое Пискаревское кладбище.

Сама она молодой девушкой чудом спаслась в блокаду и спасла и маму. Показала она мне, где находится постоянно действовавший в блокаду храм. Туда они ходили с мамой. После службы там поили кипятком. Из церкви одна незнакомая женщина, не спрашивая, привела ее в госпиталь, для ухода за ранеными солдатами. Заведующая госпиталем, рискуя жизнью, подкармливала сотрудников едой умерших солдат, еще не снятых с учета...

Меня, мотавшегося по городу, часто останавливали патрули. На Марсовом поле

остановил морской патруль из двух курсантов Нахимовского училища и их преподавателя. Курсанты погладили щенка, осторожно косясь на офицера, читавшего мои документы. А через час на набережной Невы я опять вышел на них, и курсанты и офицер улыбнулись мне, как доброму знакомому.

В воинской кассе Московского вокзала я с большим трудом достал билет до Ташкента, который нужно было закомпостировать в Москве при переходе с Ленинградского на Казанский вокзал. В туалете перед отправкой поезда мне предлагали за электробритву новый мужской костюм. Я отказался не раздумывая.

В поезде чувствовал себя именинником. Женщины караулили мой чемодан, дети возились со щенком, спрашивали его имя. Мужчины в поезде угощали и расспрашивали, что мне говорили командиры о международной обстановке. Все почему-то ждали войны, но я помнил слова мудрого печника дяди Лёши: «Никто не решится напасть на нас после того, как мы одолели такого страшного врага, на которого работала вся покоренная Европа. И врасплох себя застать мы уже не дадим!».

И я уверенно заявлял: «Войны не будет!»

## Домой!

Примерно так же прошел путь с Казанского вокзала до Ташкента. Поезд шел шесть суток. Много времени мы потеряли в Северном Казахстане, где снежными бурями наглухо замело пути. До сих пор это остается проблемой для автомобилистов. Участок Хромтау-Актюбинск зимой может оказаться дорогой смерти.

Последние сутки в поезде чувствовал, как рвалась моя душа впереди состава. Я знал, что болеет бабушка, семье не хватало денег, что средний братишка поступил учиться в Кокандский автодорожный техникум и жаловался в письмах, что одет хуже всех, донашивая мою одежду. Я прокручивал десятки планов в голове, как осчастливить свою семью... Только бы доехать, ступить на родной порог. Альфик за эти сутки заметно похудел, у него был постоянно мокрый хвост и грустный укоряющий взгляд.

В Ташкенте я сразу пересел на полуночный наманганский. Проводник меня взял без билета, поэтому час я стоял в тамбуре. В Сырдарье на пустой перрон сошел я один. Перешел пути, вышел на Пахтаральскую дорогу и зашагал к дому.

Родина меня встретила почти теплом – было не меньше пяти градусов. Все мне казалось сном, до того все было буднично. Я учуял родные запахи: креозота от железной дороги, дыма из печных труб, – но места узнавал плохо. Ночь сильно ломает привычные очертания. В половине четвертого утра я привычно нашел конец веревки, поднял металлическую щеколду, пихнул ворота и оказался во дворе. Постучал в два окна. Распахнулась дверь в коридорчик, и я увидел маму. За ней появился и отец. Керосиновую лампу, которую держала мать, я у нее забрал и стал обнимать родителей. Из глубины дома услышал голос бабушки: «Кто там? Кто там?». Проснулся и младший братишка, сразу забрал щенка к себе под одеяло...

Я расцеловал лицо бабули, утонувшее в двух мягких подушках из утиного пуха. Бабушка все причитала: «Мой приехал!». У нас в семье было шутовское деление детей. Я – бабушкин, средний братишка – мамин, а младший, названный в честь папиного

фронтового друга, – папин. Мы со средним братом, видевшие, с каким трудом нас вытянули взрослые в военные голодные годы, уважительно называли родителей на «вы», а младший очень естественно «тыкал», и все относились к этому тоже нормально.

По удивительному совпадению, мне поставили тот же грубый самодельный стул, на котором сидел папа в первый день после возвращения с войны. Я оглядывал сумрачные углы маленькой и тесной комнаты; родители и бабушка казались очень постаревшими. Я раздал подарки, около часа рассказывал о долгой дороге домой, о бригаде карманников на вокзале Ленинграда, пощадивших мой чемодан, когда я отходил с кутенком. Папа уступил мне свою кровать, и я спал почти сутки.

Следующие две недели я повел в сплошном гостевании. Везде меня принимали, я много говорил, старался удивить. Приплетал даже рассказы, которыми нас, са-лаг, пугали в казарме старослужащие: о ходах под морским дном между островами и материком, о тайнах северных границ страны, о пугающей вибрации небольшого острова Пупок, на котором даже смелые собаки бежали с поджатым хвостом...

Я зачастил в сырдарьинскую семью Василенко, мне очень понравилась на танцах в клубе старшая из их дочерей, Галина. Семья была интеллигентной. Отец – освобожденный парторг филиала завода Ташсельмаш, мать вела весь учет в районном военкомате. В доме приличная библиотека. И в этой семье я столько нагородил, что отец Гали ушел, не дослушав, и будто бы спросил у Гали на другой день: «Он тебе нужен, такой балабол?» И Галя послушалась папу.

Галя, Галина Владимировна Василенко, станет впоследствии очень хорошей учительницей русского языка и литературы. А обладая прекрасным голосом, будет выступать главной солисткой сырдарьинского самодеятельного хора при клубе «Ёшлик». В 1970 году сырдарьинцы будут смотреть по телевизору трансляцию из Москвы всесоюзного конкурса хорового пения, где наши земляки исполнили песню «Ленин всегда живой», а солировали Галя и ветеран войны Андрей Алексеевич Блях. Я смотрел это выступление по телевизору марки «Сигнал-2», каждые пять минут стуча по коробке, чтобы вернуть изображение...

Пройдут годы, я тоже стану учителем русского языка и литературы, женюсь на Галиной подруге и буду счастлив в семейной жизни. А Галя по совету своего умного папы выйдет замуж за молчаливого водителя автобуса, ниже ее ростом почти на голову. Будет растить троих детей, как и в моей семье, и все у них будет прочно, зажиточно, но не знаю, счастливо ли.

Это все будет потом. А пока какая-то сила гнала меня из тесных комнат родительского дома. До поздней ночи я гостил в разных концах Сырдарьи. Два дня потратил на кладку печи в холодной кухоньке, отделенной от полусгоревшего дома друга, Сергея Авдеева. Печь получилась на славу.

## За мукой

Однажды утром я проснулся от голоса мамы: «Сынок, с вечера, говорят, завезли в Орсовский магазин муку второго сорта, будут продавать желающим по мешку. Ты бы съездил на велосипеде!».



Я представил, как оденусь в поношенную гражданскую одежду, опущу уши за-ношенной кроличьей шапки и, провожаемый удивленными взглядами моих потен-циальных невест, буду с мешком «скребсти» улицы изношенными кирзовыми сапо-гами.

Первым желанием было отказаться, на что-то сославшись, – но вспомнил свои письма из армии, где просил маму беречь себя... Я резко вскочил, умылся, – а дальше все произошло так, как я и предполагал. До магазина отдела рабочего снабжения (ОРСа) я крутил педали, наклоняя при встрече с людьми голову. Возле магазина, при-мыкавшего с южной стороны к железнодорожным складам, стояло не менее ста че-ловек. Многие меня узнали, я занял очередь, услышав несколько раз шутливое: «Вот такой ты нам ближе!». Когда горячая волна стыда прошла, мне вдруг стало легко и уютно с этими людьми, с их разговорами и шутками. Я засунул под руку шапку и стал с наслаждением встречаться взглядами и здороваться со стоящими поодаль земля-ками. Мне не нужно было играть никакой роли, бояться разочаровать слушающих. Ребята помогли мне просунуть мешок сквозь раму, и я покатил мешок с «маминой радостью» не по шоссе, а через Сырдарью: по ее улочкам, через колхозное поле, сэко-номив километра три пути.

Январь 1956 года был очень теплым. Осмелела трава и поперла к солнцу на пол-тора месяца раньше срока. Где-то ее можно было брать «щипками» для домашней птицы, захватывая зеленые ростки между большим и указательным пальцами. А на железнодорожной насыпи траву шелковицу можно было рвать с захватом в кулак. Я плотно набил травой карманы папиного старого демисезонного пальто и веселый вкатил во двор.

Мама удивилась моему хорошему настроению. Меня с детства упрекали, что я бо-юсь людей, всего стесняюсь. А вот мама могла в воскресное утро, подхватив полное ведро куриных и утиных яиц, уйти на базар и стоять там в «яичном» ряду до двенад-цати часов дня с сосредоточенным выражением лица. Мне казалось, что торговать – не наше дело, на что мама возражала: «Жизнь заставит делать все».

Я выгрузил мешок, поднял его в прихожей на скамейку, чтобы до него не добра-лись мыши, и как будто впервые со времени приезда увидел всех домашних...

Прежде всего – бабушку, которая уже поднималась по утрам с помощью верев-ки, привязанной к противоположной спинке кровати. У нее сильно болели руки. «Догнали меня стирки и полоскания белья в холодной воде», – грустно говорила бабушка. Ходила она медленнее, но ум у нее был ясный и память хорошая. Очень ра-довалась, когда слышала, что кто-то усыновил сиротку или кто-то навещает в боль-нице безродного. Даже с какой-то завистью приговаривала: «Ой, они спасли свою душеньку!».

В тот день я по-настоящему разглядел и своего младшего братишку. Он мне всег-да казался не по годам задумчивым. Больше любил проводить время один, чем со сверстниками. Щенок Альфик сильно украсил его жизнь. Альфик будет его собакой и дождется братишку со службы на Украине.

А на следующий день я поехал, как и обещал среднему братишке, навестить его в общежитии кокандского техникума – «поднять ему авторитет». У них часто слу-чались драки, и между собой, и с местными. Задачу я выполнил. Потом побыл один

день в гостях у братишкиного друга в Бешарыке, замечательном городке, я потом бывал там не менее десяти раз.

Больше мне не хотелось праздно шататься по родному городу. Надо было срочно устраиваться на работу. Было несколько вариантов: идти, как и до армии, учетчиком в папин колхоз «Красный пахарь» или ехать в Мирзачуль, где давали комнату в бараке при хлопкоочистительном заводе, но там надо было по доскам таскать стопятидесятикилограммовые тюки хлопка к механизмам, которые работали от дизеля марки «Гюльнер». Вариант с работой на сырдарьинском угольном складе я даже не рассматривал. Там разгрузка с железнодорожных платформ шла вручную, только погрузка осуществлялась с помощью экскаватора.

К папе идти мне не хотелось. Во-первых, у него было уже меньше власти. Его перевели в заместители председателя колхоза, да и казался он мне на работе иногда незнакомым человеком. Я его видел смеющимся и что-то долго рассказывающим в колхозной механической мастерской. На работе у папы было совсем другое выражение лица, он много и громко говорил, а дома мы иногда за весь вечер не слышали его голоса. Ему даже просить ничего не надо было: мама вовремя подавала полотенце, чай наливала слегка остывшим, папа не любил горячего. После ужина включала ламповый радиоприемник, и папа тихо растворялся в информационных передачах. Он так и останется верен радионовостям, не примет телевизора и все новостные бригады на радио, от редакторов до дикторов, будет знать по фамилиям.

У меня работы было мало. Бухгалтерша, Кристина Ивановна, идеально, как по накатанному, вела учет. Отец советовал мне присматриваться к технике, учиться строить отношения с людьми и никогда не сидеть без дела. Однажды при большом скоплении колхозников накричал на меня и на моего ровесника Николая Комарова. Было так стыдно, что на следующий день я не вышел на работу. Папа тоже почувствовал, что перегнул. Не будь этого случая, я бы, может, как и Коля Комаров, был сейчас Героем Социалистического Труда. Коля – Николай Кузьмич Комаров – получит это звание в 1972 году, как лучший звеньевой механизированного звена.

Был еще один момент. Ребята в мехдворе мне шепнули, что у меня может скоро появиться «вторая мамка». Одинокая Кристина Ивановна, крупная женщина с постоянно мелкозавитыми волосами, вела наступление на моего худого, длинного, сидящего отца. В присутствии папы в конторе она поднималась из-за своего стола и долго мелкими капельками разливала чайную заварку по цветочным горшкам. Через день меняла платья. День носила синее с огромными алыми розами, день – голубое в черный мелкий горошек (у нее всего было два платья). Папа, как я почувствовал, не остался к этому равнодушен: стал часто то снимать, то надевать очки и, если даже с кем-то разговаривал, то мельком поглядывал на магические действия стоявшей к нему спиной бухгалтерши.

Я решил ночью бить ей стекла в маленьком домике на окраине поселка, который она снимала, но Бог спас. К нам привезли машину диковинной для того времени костной муки, и шофер-турок, пока оформлял документы на сданный груз, который принимала Кристина Ивановна, успел в нее влюбиться. Три дня он не уезжал от конторы, придумывая несуществующие поломки в автомобиле. На четвертый день увез Кристину Ивановну, со всеми ее вещами, в Мирзачуль. Лет двадцать потом я слышал

про их счастливое житье-бытье, но с тех пор недолюбливаю завитые волосы, цветастые платья и платья в горошек.

## Дядя Коля

Страна набирала силы, вкладывала большие средства в развитие сельского хозяйства, в том числе и в наши земли. Все бригадные поля преобразовывали в опытное хозяйство «Малик» (местные звали его «Малёк»), где будут испытываться знаменитые трактора «Беларусь». Тюрьму перевели в Хаваст и Бекабад, но последствия от ее присутствия еще долго будут пугать местных жителей. При посадке фруктовых садов рабочие будут наталкиваться на большие захоронения и в страхе разбегаться.

В 1958 году «Малёк» «проглотит» колхоз «Красный пахарь». А поселок Тихий Дон, с окружающей землей, станет четвертым отделением нового хозяйства. Откроется в главной усадьбе техникум механизации сельского хозяйства. Число дворов перевалит за полторы тысячи, число жителей – за десять тысяч. Своя больница, Дворец культуры, огромная птицеферма, высокие урожаи в растениеводстве. Директор совхоза Красильников станет Героем Социалистического Труда. Зоотехник Савкин, главный агроном Челтанов и Юнусов – кавалерами ордена Ленина. А папа будет переведен в заведующие складом и проработает там до пенсии...

В конце концов, перебрав варианты, я решил остановиться на хлопкоочистительном заводе в Мирзачуле. Надел свое военное обмундирование, бабушка с мамой перекрестили меня, и на автобусе-«полубуханке», вмещавшем пятнадцать человек, но набиравшем на автостанции все тридцать, я поехал в Мирзачуль.

В автобусе на заднем сиденье моим попутчиком оказался дядя Коля Артемов. Был это очень известный в Сырдарье человек. Герой гражданской войны, участник подавления антоновского мятежа в Тамбовской губернии и активный участник борьбы с контрреволюционными бандами в Средней Азии. А в то время – бригадир государственной рыболовецкой артели. За последние дни я «перегостил», кажется, во всех дворах, а во двор дяди Коли меня почему-то не занесло, хотя я знал хорошо эту семью. С сыном дяди Коли Славкой мы были почти друзьями. Славка три года отслужил в Монголии, вернулся со службы годом раньше меня и тоже, как говорил дядя Коля, «бзиковал». Дома ему было и душно, и контроля много, а он этого контроля на службе объелся. Нашел себя Славка на урановых рудниках, рядом с Зарафшаном.

Дядя Коля посоветовал мне с заводом в Мирзачуле не связываться.

Он получил в Мирзачульском райпо документы за сданную сюда рыбу, потом мы с ним прошлись по рынку и вернулись в Сырдарью.

Я вот сейчас думаю, что судьба нам расставляет буи в житейском море, их только надо замечать, и тебя не унесет за опасную черту. Если бы не дядя Коля, наверняка я бы годам к сорока стер межпозвоночные диски под тяжеленными кипами и лежал бы на полатах в кухоньке родительского дома, поскуливая от боли, как Альфа или Колун.

На следующий день я вышел на работу в рыболовецкую артель на озере Айдар, бригадиром которой был дядя Коля.

Река в те давние времена через частые разливы и подземную подпитку образовала уникальное водное царство под названием Айдаркуль. О нем много не говорили и как будто специально скрывали, и немного было посвященных, знавших его красоту и богатство. Оно станет широко известным с середины семидесятых, и туда пойдут нескончаемые вереницы машин с отдыхающими из Ташкента и других городов, появится и целая армия браконьеров...

А в 1956 году была тишина и порядок. Здесь, в Кызылкумах, между Ильичевкой и Чардарой, спокойно жили целые колонии ондатр, строили лёжки из озерного камыша, который мы называли кугой. Привольно ходили табуны лошадей, выбирая между спящими на берегу рыбаками арбузную и картофельную кожуру. Хорошо работала водная милиция, которая следила и за распределением воды, и за сохранностью рыбных богатств.

В бригаде, за разбрасыванием и собиранием рыболовецких сетей, длинными ночными разговорами, все уже по дням знали мою армейскую службу. Здесь я ничего не прибавлял и не приукрашивал. Знал и я подробности жизни других рыбаков из бригады.

Больше всего меня поражали рассказы дяди Коли. В гражданскую войну он прошел с отрядом красноармейцев от Бухары до Ферганы. Питались в походах наспех поджаренными кусками баранины. И он с тех пор не выносит даже запах плова. Была у дяди Коли и другая странность – он приходил в ярость при виде блюда с яблоками. Молодым парнем, обвешанный оружием, он вошел в избу тамбовского крестьянина. Хозяин и хозяйка вместе с сыном, ровесником дяди Коли, пригласили его к столу, поставили винтовку в угол и стали ласково расспрашивать, насильно или добровольно он приехал подавлять крестьянское восстание. Дядя Коля говорит: «Добровольно». Хозяйка открыла крышку погреба и спустилась в него. Сын хозяина зашел за спину дяди Коли и неожиданно кинул на грудь и руки ему вожжи и стал подтягивать к себе. Дядя Коля отпихнул ногой бросившегося на него спереди хозяина, выхватил болтающийся у бедра маузер, не глядя выстрелил в парня за спиной, потом в хозяина и в вылезавшую из подпола хозяйку. Она опрокинулась опять в подпол, а на полу осталось стоять блюдо с отборными мочеными яблоками...

Дядя Коля говорил, что ни разу с того времени искренне не улыбнулся, не говоря уже о смехе.

Другой случай произошел с дядей Колей в 1962 году на автостанции Самаркандской. Его вдруг остановил однурукий старик с длинной седой бородой и спросил по-узбекски: «Ты был в Фергане в 1921 году?». Дядя Коля, хорошо говоривший по-узбекски, ответил: «Был». В тот год были частые стычки в Ферганской долине, в восточной ее части, у впадения рек Нарына и Карадарьи в Сырдарью. «Это ты мне отрубил руку», – сказал старик...

Они зашли в кафе-«стекляшку», полчаса посидели за столиком. Разговор закончился словами дяди Коли: «Такое было время, брат, прости! В том конном бою и ты мог убить меня...».

...Мы ночевали в бригаде в вагончиках, домой приезжали раз в неделю. Мы перевыполняли планы, и у нас были хорошие заработки. Домой привозили рыбы по принципу «сколько унесешь». Материальное благополучие в семье стало быстро ра-

сти. В первый год купили обновки среднему братишке и маме с бабушкой. На второй год хорошо приоделся я сам.

Дядя Коля стал строить на меня планы как на зятя. У него было четверо детей, в 1957-м появился пятый ребенок – Сашка. Старшие Юра и Вера были семейными людьми, а Лида и Славка имели это только в планах. И вот на своей любимой дочери Лиде он подумывал меня женить. Так оно, наверное, и получилось бы, но мама с бабушкой такого развития событий не одобряли. Говорили мне: «С Лидой ты не справишься; их всех в семье куда-то несет, а куда несет, чего хотят, они и сами не знают». И действительно, Лиде, как оказалось, не нравилась жизнь в Сырдарье. Вскоре она уедет в закрытый городок на рудники к брату Славке.

Бригадиром дядя Коля был строгим, но справедливым. А в своей семье, как мне казалось, он был излишне строг. В 1961 году у него умрет жена, младшего сына поможет растить Вера. Сашка после армии тоже уйдет жить в закрытый городок между Ташкентом и Алмалыком. Будет добывать редкоземельный металл в шахтах на полукилометровой глубине. После распада Советского Союза шахты затопят, и Сашка переберется в Ташкент и сменит профессию. Ранним утром в еще спящем городе будет тарыхтеть его мотороллер, на котором Сашка будет развозить бидоны с молоком и сливками по ресторанам и кафе и уголь для шашлычников...

## Гостья

В августе 1957 года в первый раз к нам приехала тетя Зоя – жена дяди Лёши. Это переполошило нашу семью, но и стало каким-то новым полезным этапом. В наш устоявшийся захолустный мирок ворвалась живая энергия культурной столицы. Мама и бабушка боялись, что мы осрамимся и своей бедностью, и некультурностью, и неблагоустроенным отхожим местом. Мама с бабушкой даже к привезенному мною щенку, Альфику, относились с беспокойством, долго считая его государственным имуществом, за которое, может быть, придется отвечать. И когда замечали, что Альфик ест сухой куриный помет, срочно подсыпали ему в еду растолченные тыквенные семечки против глистов... А тут – приезд такой важной особы!

Напряжен был и папа. Он не доверился на этот раз ржавым ножницам в маминых руках, а постригся в деревянной будке у парикмахера Сейрана. Вернулся помолодевшим лет на десять, дня два от него несло запахом тройного одеколona... В рыболовецкой бригаде с сочувствием отнеслись к нашим приготовлениям. Меня перевели на свободный график работы и готовы были оказать другую посильную помощь.

К приезду гостьи я успел вырыть яму и переставить щитовую коробку туалета в другой угол огорода, запахав, под оханье мамы и бабушки, две грядки с помидорами. Закрыв в заново огороженном загоне уток, до этого вольно гулявших по двору, сплил две низко нависавшие над двором ветки урючины и поехал в Ташкент встречать гостью.

Тетя Зоя была очень утомлена поездкой в поезде. Особенно тяжело далась тысяча километров по жаркой пустыне Казахстана. И следующие две поездки к нам она совершит самолетом.

Время гостевания Зои Григорьевны как будто спрессовалось в один день. Вна-

чале чувствовалось напряжение. Особенно во время первого ужина – гостья не ела мяса. Мама и бабушка посчитали, что она брезгует их готовкой, но оказалось, что она не ест мяса с войны, навидавшись вскрытых человеческих тел, – войну она прошла санинструктором...

Гостья была только на семь лет младше мамы, а впечатление складывалось, что это мама и дочка. На следующий день я видел маму и бабушку, шепчущихся над раскрытым сундуком. После этого мама сидела за столом в какой-то кофточке с желтыми рукавами, простоволосая, со схваченным сзади пучком, с каким-то напряженным и чужим лицом. Мне хотелось сказать: «Мама, они другие – и Зоя Григорьевна, и Кристина Ивановна, а ты должна оставаться такой, какая ты есть».

Успокоение для мамы с бабушкой пришло после рассказов Зои Григорьевны о себе, своей жизни, где-то день на третий. Рассказала она, почему у нее нет и не может быть детей. О своих кошмарных снах. С этого дня мама и бабушка называли ее не иначе, как «наша милая». Рухнули все барьеры, и мама и бабушка закружились над ней, как над раненой дочерью. Папа тоже стал звать ее сестренкой и однажды, чуть больше выпив за столом, сказал с чувством, что девчонки-санинструкторы на войне были как ангелы-хранители. Рассказал такое, о чем раньше никогда не говорил. Что перед атакой у него ходуном ходили все мышцы лица, так, что приходилось рукой их придерживать. А глянешь вбок и видишь в траншее, у входа в блиндаж, сидящую на корточках девчонку с прижатой к груди санитарной сумкой, и думаешь: «Да что же это я?..». А потом атака, и на поле боя стоит крик раненых: «Сестра! Сестра!». И она ползает под пулями, перевязывает, считает их, закрывает глаза безнадежным...

Спала Зоя Григорьевна во дворе под виноградником. Втроем женщины сшили накомарник из простыней и небольшого куска марли. Пес Альфик, мощный, с блестящей шерстью, укладывался спать у кровати гостьи.

Из приготовленных мамой блюд она предпочитала отварную стручковую фасоль, заправленную яйцами. А когда мы выехали на день на Айдар, ребята из бригады уговорили ее попробовать шашлык из сомятины. Ей понравился вкус, но, увидев огромных свежепойманных сомов, бьющих хвостами, она сказала вдруг: «Как они похожи на налимов...». И рассказала, что возле ее деревни в Карелии есть озеро, куда в прорубь немцы сбрасывали наших пленных солдат, со связанными за спиной руками. Сколько их было сброшено, неизвестно, но в этом озере после войны жили самые большие и жирные налимы из всех карельских озер. Но никто в этом озере не рыбачил и не закидывал сетей...

У моих рыбаков оказались крепкие нервы, и шашлык из сомятины бригада все-таки доела.

А дома за ужином родственники стали выкладывать гостье историю окружающих мест, как строили дом, как дети трудно дались. А потом вдруг неожиданно перешли на меня. И врагов не надо, как тебя «отчихвостят» самые близкие: и что рос я нелюдимым, и отец переживал, что у меня долго бицепсы не оформлялись, и друзей-то у меня будто бы не было. «А как в жизни без друзей? – говорил отец. – Ты же, сестренка, знаешь, что многие с войны вернулись благодаря фронтовым друзьям. Друг тебе и в пешей колонне на ходу поможет поспать, поддерживая за локоть, а если ты

поспал, то и в бою себя по-другому ведешь: вовремя заляжешь, быстрее пробежишь. Друг тебя первый бросится откапывать после взрыва авиабомбы. Спасибо армии, она нашего сына к жизни ближе приспособила».

Но Зоя Григорьевна, выковыривая чайной ложечкой семечки из ломтя мраморного арбуза, спокойно сказала: «Благодаря таким застенчивым и романтичным ребятам мы, девчонки, и держались на фронте. Они и умыться, и постирать проводят с автоматами, и круговую оборону перед нахальными парнями займут, пока ты в речке купаешься. И вынесли меня, раненую в живот, с поля боя такие же...».

После отъезда Зои Григорьевны мама хранила ее заколку в виде морской ракушки и даже обмылок с запахом хвои под названием «Лесное». Даже братишка, росший немного отстраненным, на прощание у ворот коснулся руки тети Зои. Она как-то вечером перед сном, в затянувшемся общем разговоре, неожиданно повернулась и сказала младшему братишке, обнимавшему за шею Альфика: «Ты очень хороший человек!». И братишка потом, уже став взрослым, как-то обронит мне в разговоре, что для него, тогда десятилетнего, это были очень важные слова.

Только средний брат, занятый общением с друзьями, танцами и драками, относился к Зое Григорьевне ровно: «Тетка как тетка». Как говорила мама про среднего: «Жестковатый к людям». А я считаю, что это ему и помогло выдержать очень непростые испытания, когда его стало мотать по белу свету...

## Вместо эпилога

Я еще год проработал в рыболовецкой бригаде. После общения с холодным северным морем я чувствовал себя как рыба в водах озера Айдар и Сырдарьи, прогреваемых южным солнцем. Заметил в себе способность надолго задерживать дыхание и искать кончиками пальцев дно. Стал находить в песочных лунках дна Сырдарьи отдохнувших после борьбы с течением приличного размера рыб. Запускал им под жабры пальцы и стремительно поднимался вверх. Эта моя ловля очень развлекала сотрудников радиационного института на правом берегу реки. Этот научно-исследовательский институт выяснял влияние различных доз радиации на сельскохозяйственные культуры. Сотрудники этого института были в основном жителями Ташкента. Я прослыл у них местным ихтиандром, и у меня появилось среди них много друзей.

...Уйдет на пенсию дядя Коля, бригаде повысят план, пройдет денежная реформа. Я оставлю бригаду, куплю бежевый костюм ташкентской швейной фабрики «Красная заря», закончу годовые учительские курсы и приду работать в школу. В этот год по распределению из Калужского педагогического института приедет в среднюю школу № 2 преподавать географию моя будущая жена. Она будет дружить с Галиной Владимировной, снимать комнатку в домике рядом с домом Василенко. Я отобьюсь от предлагаемых мне мамой и бабушкой невест и «пойду в атаку» на приезжую красавицу с вьющимися черными волосами и зелеными глазами. В ней найду я редкий сплав интеллигентности, сдержанности в поведении, немногословности в разговорах и какой-то таинственной углубленности в себя. И, как ни странно, схожесть с Зоей Григорьевной.

Свадьбу мы сыграли скромную, стали с женой снимать квартиру, а потом строить дом на выделенном горисполкомом участке. Я долго учился на заочном в Ташкентском пединституте. В трудные периоды жизни родителей и мою семью материально поддерживал средний братишка, который отслужил на северном флоте, а потом продолжил службу на тихоокеанском. Тогда на наш флот легла особая нагрузка в связи с конфликтом вокруг Индонезии. А потом эти конфликты с натовцами только множились. Братишка сошел на берег только в 1968 году. Вначале поселился в городке Елизово на Камчатке. Заработки в порту были небольшими, и он завербовался в старательскую артель намывать золото. У меня до сих пор хранятся его письма из таежных экспедиций. В одном он рассказывал, как они, закладывая шурф, наткнулись на «синеньких». Так поисковики называли захороненных заключенных магаданских лагерей, лежащих голыми в братских могилах с бирками на ногах. Мерзлота не давала трупам разложиться. «И что делать нам? – писал брат, – сложим в сторонке несчастных и продолжаем работать. Да что же мы за страна такая! Мало того что приходится костями ложиться, защищая страну от врагов, так мы еще и сами друга друга истребляем...»

Вернусь к своим делам. Приступил я к строительству дома. Но, видно, не было на это Божьего благословения. У кого-то, как по волшебству, и материал для стройки находится, и помощники из родственников чуть ли не в очереди стоят... А я в первый год замучил и себя, и папу с младшим братишкой, но успели только залить фундамент. Так он у меня и простоят четыре года. А я за год построю маленькую теплую кухнюшку, куда принесу из роддома нашу старшую дочь...

Трудно было с жильем и у среднего братишки. Была у него в Елизово маленькая комната в коммунальной квартире. В соседней комнате умер непутевый сосед. Братишка похоронил его на свои деньги, договорился в ЖЭКе, подарил им магнитофон... Подготовил кувалды, лом, собрал «бичей», нарисовал на стене дверной проем и сказал: «Вперед! В той комнате ждет накрытый стол!». Стену проломили, заштукатурили. Брат созвал на новоселье жильцов соседних комнат, а перед этим повесил в новой комнате ковер, а на него большой топор. За столом сказал тост: «Может, кто из вас имел свои планы, но кто раньше встал – тому и сапоги. Предупреждаю, если начнутся “писательские” дела...», – и показал на топор. Затем все ели, пили и довольно быстро разошлись.

Со временем братишка пришлет большую сумму денег, позволившую мне достроить дом. Чтобы уже закончить историю о домах, скажу, что по просьбе женатого младшего братишки мы обменяемся с ним домами. Доживать я буду в старом отцовском доме, работать вместе с женой в казахской школе.

В 1980 году был я на похоронах дяди Лёши. За четыре года до смерти у него вдруг плетью повисли руки, столько потрудившиеся на полях войны и в мирной жизни. Помню его разговор: «Я никогда не отмыкал штыка от винтовки, так и целиться легче, и неожиданно в штыковую переходить». Я так и не увижу его племянника-ракетчика, того самого Владимира Федотовича, но буду переписываться с ним, как с родным. Он будет и помогать дяде лекарствами, и перевезет его к себе в Москву, и шесть лет будет ухаживать с семьей за парализованной Зоей Григорьевной.



*Виктор МОИСЕЕНКО.* Дядя Лёша, дядя Коля и другие

Самому от жизни досталось «по полной». Служил в ракетных войсках, был на Байконуре в 1960 году во время трагедии, когда при запуске ракеты произошел взрыв и погибло сто шестьдесят человек вместе с маршалом Неделиным. Подробности мы знали от гостившей у нас Зои Григорьевны. Владимира спасла бетонная стена, но все равно его ударило сильно. Со службы пришлось комиссоваться. Устроился в Москве на завод, от него и дали ему двухкомнатную квартиру. В последних письмах мне пишет, что жизнь считает несправедливой. Не хватает денег, достают болезни. «А самое обидное, – написал он в последнем письме, – что умирать придется при капиталистах». Я послал ему успокоительное письмо. Жизнь всех рассудит и всё расставит по своим местам...

---

Евгений БЕТГЕР

## «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»

*Страницы истории Ташкентской государственной публичной библиотеки имени Алишера Навои\**

Перестройка библиотеки на новый революционный лад произошла весной 1918 года и [была] связана с деятельностью Туркестанского народного университета. Сейчас же после его открытия в апреле 1918 года ректор университета А.Б. Попов обратился к Комиссару просвещения Туркестанской республики К.Н. Успенскому с ходатайством о передаче Публичной библиотеки в ведение университета. Это ходатайство было уважено, в конце апреля Народный университет уже приступил к работам по приведению библиотеки в порядок. К участию в этих работах был приглашен ряд лиц. В том числе Н.А. Буров<sup>1</sup>, один из виднейших библиографов и книгovedов Средней Азии, Я.А. Перельман<sup>2</sup>, М.А. Сикстель<sup>3</sup>, К.В. Беляева<sup>4</sup>, А.А. Гаррицкий и другие. Всем этим лицам было поручено разобрать библиотеку и проверить ее книжный фонд. В начале мая на должность первого заведующего библиотекой после Революции был приглашен Н.Н. Кулинский, весьма активно взявшийся за дело переустройства библиотеки.

Это был весьма интересный и оригинальный человек, по профессии артист, попавший в Ташкент совершенно случайно. Сделавшись заведующим библиотекой, Николай Николаевич, довольно хорошо знакомый с русской и мировой литературой, объединил вокруг себя кружок талантливой молодежи и организовал из их среды «Студию искусств». В нее входили поэты и писатели, жившие тогда в Ташкенте, например, А. Ширяевец, В. Вольпин, Г. Сибиряк (впоследствии артист театра Мейерхольда), Н.Д. Юрский, а также видный ташкентский композитор Лев Шварц\*\*. Студия

\* Продолжение. Начало в №№ 3–4 (XXXIV–XXXV), 2014; 1 (XXXVI), 2015.

\*\* Александр Ширяевец (Александр Васильевич Абрамов, 1887–1924) – один из представителей новокрестьянских поэтов, друг Клюева и Есенина. В 1905–1922 годах жил в Ташкенте. (См.: Зинин С. «Красный звон, святые песнопения...» Духовные мотивы в стихах туркестанского поэта Александра Ширяевца. – ВС, 2011, XXIII–XXIV. С. 118–124). Валентин Иванович Вольпин (1891–1956) – литератор, библиограф, издательский и книготорговый работник, автор воспоминаний о встречах с Сергеем Есениным. С 1918 года работал в ташкентских газетах и журналах, в полиграфическом отделе Туркцентростроения; в 1923 году переехал в Москву. Николай Васильевич Сибиряк (Александр Макарович Хотинский, 1889–1974) – актер, режиссер. В 1922 году переехал в Москву, работал в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда (1922–1938), театре им. Моссовета (с 1938). Николай Юрский – литературный критик. Лев Александрович Шварц (1898–1962) – композитор. В 1927 году окончил Московскую консерваторию. Автор инструментальных и вокальных произведений, детских песен, музыки более чем к тридцати художественным и мультипликационным фильмам.

эта действовала в течение 1918–1921 годов и представляла небольшой интимный театр с весьма интересным репертуаром. Она целиком базировалась на библиотеке и делала свои постановки в том зале, который нынче занят каталогами библиотеки. Сам Н.Н. Кулинский был режиссером всех спектаклей и преподавателем театрального искусства в духе системы К.С. Станиславского.

18 мая 1918 года был собран в последний раз Наблюдательный комитет под председательством В.Т. Вербовского<sup>5</sup>, который во вступительном слове заявил, что ввиду печального положения Туркестанской публичной библиотеки следует принять срочные меры для ее реформы. После продолжительных прений было принято решение о необходимости реорганизации библиотеки на совершенно новых началах. Для предварительной подготовки этого вопроса была избрана специальная тройка в лице Н.Н. Кулинского, А.Н. Богода и автора этой статьи. По их представлению Правление университета утвердило 28 мая особую «Комиссию по реорганизации Туркестанской публичной библиотеки» в составе В.И. Вольпина, Л.К. Давыдова и Е.К. Бетгера. Кандидатура же известного краеведа, большого знатока литературы об Азии, владельца довольно значительной библиотеки в Чимкенте<sup>6</sup> и автора многих краеведческих статей в местных газетах и сборниках П.А. Комарова была университетом почему-то отклонена. Между тем лучшего кандидата на это место едва ли можно было найти.

В.И. Вольпин вскоре вышел из состава Комиссии, и с 1 августа в последней стал работать А.А. Метленков<sup>7</sup>, впоследствии руководитель Отдела каталогов публичной библиотеки.

Комиссия по реорганизации Туркестанской публичной библиотеки прежде всего постановила временно закрыть ее и прекратить выдачу книг на дом, для чего было опубликовано обращение к читателям о возврате взятых ими книг. Это было сделано с целью учесть наличность библиотеки и сличить ее с прежними каталогами, действовавшими до 1918 года. После определенного срока было обнаружено, что довольно значительный процент книг следует считать утерянными и среди них, к сожалению, немало редких и ценных. Отсутствие книг было весьма ощутительно, особенно в собраниях сочинений классиков: не было почти ни одного полного комплекта таких писателей, как Тургенев, Гончаров, Достоевский, Лев Толстой и другие. Поэтому перед Комиссией встала первая задача – восполнить зияющие пробелы в книжном составе библиотеки. Для этого Комиссия стала в широких масштабах производить закупку литературы у населения, главным образом по линии художественной литературы. Далее Комиссия пришла к заключению, что реформированная библиотека должна быть превращена, подобно публичным библиотекам Ленинграда и Москвы, в книгохранилище, с чтением на месте в читальных залах, без выдачи книг на дом.

Второй задачей перед Комиссией встал вопрос о каталогах. Прежние каталоги оказались сильно устаревшими, не вмещавшими в себе приобретения последних лет. А главное, ввиду большой утечки книг, они не соответствовали действительности, так как содержали издания, уже в библиотеке не находившиеся. Кроме того, самая форма каталогов (в виде печатных книг со многими дополнениями для русской части библиотеки и рукописный фолиант для иностранной) была уже мало пригодна для реорганизуемой библиотеки. Библиотека стала в это время энергично пополняться и требовала поэтому более оперативных каталогов. Отсюда у Комиссии

возникло решение завести новый каталог карточного типа. Для последнего был закуплен бристольский картон\* и заказаны в нужном количестве карточки, а также изготовлено в специально оборудованной столярной мастерской при библиотеке необходимое количество каталожных бюро и ящиков с прорезом по бокам и стеклом на верхней крышке. Для работы в этой мастерской были приглашены военнопленные австрийцы, оказавшиеся отличными столярами. Просуществовала эта мастерская до 1920 года, то есть до тех пор, пока военнопленные не были отправлены на родину. Помимо каталожных бюро, они соорудили также большое число стеллажей и много другой библиотечной мебели, в том числе оригинальные квадратные читательские столы со своеобразными креслами по эскизам Н.Н. Кулинского.

Каталожные карточки для нового каталога были изготовлены размером 15x9 см, с отпечатанным текстом, и имели следующий вид:

Шифр _____	Туркестанская Публичная библиотека	Индекс _____
Автор _____		
Заглавие _____		
_____		
Перевод _____ Изд. _____ Чье _____		
Типогр. _____ Место _____ Год _____		
Форм. _____ Число стр. _____ Число прил. на отд. листе _____		
Число томов _____	Число перепл. _____	Таблиц _____
Примечания:		Рисунк. _____
		Карт _____

В Ташкенте в 1918 году не было еще ничего известно о карточках международного образца (125x75 мм), так же, как и об англо-американских правилах каталогизации. Выработанная Комиссией карточка явилась продуктом местного кустарного творчества и, несомненно, не была на высоте научных требований. Тем не менее, она была рекомендована Наркомпросом\*\* Туркестанской республики и включена в инструкцию, изданную библиотечным отделом<sup>8</sup>. Там же была опубликована и принятая в Туркестанской публичной библиотеке инструкция для составления карточек. Образец карточки на этом основании был принят во многих библиотеках республики, например, в Фундаментальной библиотеке САГУ\*\*\*, в публичных библиотеках Самарканда, Ферганы и других.

Одновременно Комиссия критически рассмотрела существовавшую ранее систему распределения книг по отделам и признала ее устаревшей. Система эта была принята впервые Н.В. Дмитриевским в его «Каталоге книг русского отделения Туркестанской публичной библиотеки» и имела следующие деления:

\* Бристольский картон изготавливался посредством склеивания листов бумаги высоких сортов. (Прим. ВС).

\*\* Народный комиссариат просвещения. (Прим. ВС).

\*\*\* Среднеазиатский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана). (Прим. ВС).

1. Богословие; 2. Философия; 3. Народное просвещение; 4. Правоведение; 5. Политические науки; 6. История; 7. Военные и военно-морские науки; 8. География. Статистика. Стенография; 9. Математические науки; 10. Естественные науки; 11. Врачебные науки; 12. Технология и горное дело; 13. Архитектура и строительное искусство; 14. Сельское хозяйство; 15. Охота; 16. Языкознание; 17. Словесность; 18. Изыщные искусства; 19. Энциклопедические книги; 20. Справочные книги; 21. Навигация; 22. Смесь.

В 1918 году такое распределение отделов систематического каталога Комиссия по реорганизации библиотеки не могла считать удовлетворительным. [Поэтому мы] остановились на мысли ввести новый каталог по десятичной системе, совершенно независимо от тех решений по этому же вопросу, которые были приняты в Москве и в которых брюссельская форма десятичной классификации\* (пропагандистом которой является наш библиограф Б.С. Боднарский) взяла верх над классификацией Дьюи, то есть библиографическая система победила библиотечную. Туркестан, как известно, был в это время оторван от Центра так называемой «оренбургской пробкой»\*\*. Поэтому подготовка к введению десятичной системы в каталогизационную практику Публичной библиотеки происходила на основании только тех пособий, которые оказались налицо в Ташкенте. В частности, в распоряжении Комиссии не было даже ни «Манюеля» Международного библиографического института, ни знаменитого труда Дьюи. Тем не менее, используя все бывшие в руках членов Комиссии материалы, восстанавливая некоторые деления десятичной системы по отдельным индексам, разысканным в каталогах, указателях, журналах и книгах, Комиссия составила более или менее подробные таблицы, которые были в скором времени отпечатаны особой книжкой<sup>9</sup>. Используя эти таблицы, библиотека и приступила к перекаatalogизации своих фондов.

Одновременно была произведена и полная реорганизация расстановки книг в хранилище библиотеки. Все оно было разделено на четыре отдела: «А», «В», «С» и Отдел периодики. В отдел «В» были включены все издания на русском и западноевропейских языках по Средней Азии и Востоку, в «С» – книги на восточных языках (печатные и рукописные) и в «А» все остальные. Причем систематическая расстановка по прежним 22 отделам была упразднена и введена механическая расстановка форматного типа, связанная с полками, но не прикрепленная к ним, с шифровкой в порядке последовательных номеров для каждого тома, без обозначения формата. Расстановка эта в условиях 1918 года была, несомненно, шагом вперед, так как давала значительные преимущества в отношении использования полезной площади книгохранилища. Она была усовершенствована в 1926 году, когда были введены для каждого формата специальные обозначения и особое место в хранилище. При этом

---

\* *Универсальная десятичная классификация* (УДК) — система классификации информации, широко используется во всем мире для систематизации произведений науки, литературы и искусства, периодической печати, различных видов документов и организации картотек. УДК была создана бельгийскими библиографами П. Отле и А. Лафонтеном, создавшими в Брюсселе Международный библиографический институт (и потому получила также название «брюссельской»), и впервые опубликована в 1897 году. За основу была взята подвергшаяся переработке десятичная «классификация Дьюи», разработанная американским библиографом М. Дьюи для библиотеки Конгресса США в 1876 году. (Прим. ВС).

\*\* *Оренбургская пробка* – кольцо фронтов вокруг Туркестана, препятствовавшее сообщению с краем. (Прим. ВС).

была установлена сплошная нумерация названий для всех форматов. Расстановка эта принята в библиотеке до настоящего времени.

Труды по разборке библиотеки, расстановке заново ее фондов и каталогизации последних пошли, благодаря самоотверженной работе студенчества, настолько интенсивно, что уже в августе 1918 года библиотека была снова открыта для публики.

Большим тормозом в развитии библиотеки был не совсем естественный симбиоз ее с музеем, вследствие чего библиотека должна была замкнуться в очень ограниченном помещении, да и музей, со времени начала реорганизации выделенный в самостоятельное учреждение, также очень нуждался в увеличении занятой им площади. Уже в июне 1918 года библиотека подняла в Народном университете вопрос о переселении музея куда-либо в другое место и о предоставлении ей бывших его помещений. Со своей стороны музей тоже начал хлопотать о том же, и в январе 1919 года ему удалось занять бывший генерал-губернаторский дворец, так называемый «Белый дом», а старое музейное помещение с февраля того же года отошло под библиотеку. Последняя благодаря этому значительно расширила свою площадь и разместилась на ней с большим или меньшим удобством. В то время площадь эта была вполне достаточна и удовлетворяла все текущие потребности библиотеки.

В ведении Туркестанского народного университета Публичная библиотека находилась до декабря 1918 года, когда Наркомпрос, ввиду важности задач, стоящих перед нею, обширности и сложности ее хозяйства и внушительности ее бюджета, признал целесообразным отделить ее от Университета, для которого она уже становилась слишком крупным детищем, и принять в свое непосредственное ведение. С мая 1919 года, после образования библиотечного отдела в системе Наркомпроса, Туркестанская публичная библиотека стала находиться в прямом подчинении этому отделу, наряду со всеми библиотеками республики.

Пока библиотечный отдел существовал на правах самостоятельного главка и находился в прямой зависимости от комиссара, дела библиотеки шли сравнительно удовлетворительно, хотя ее положение, как республиканского книгохранилища, и вызывало зачастую необходимость непосредственного сношения с комиссариатом, минуя библиотечный отдел. Но после того, как последний превратился в подотдел внешкольного отдела и между библиотекой и комиссариатом образовалось две инстанции, а библиотека все возрастала, возник вопрос о выделении ее из внешкольного отдела и о переводе снова непосредственно в Комиссариат народного просвещения.

Тогда для управления библиотекой был учрежден особый «Комитет государственной библиотеки», состоявший из представителей: внешкольного отдела, научного отдела, заведующего библиотечным подотделом и заведующего библиотекой.

Комитет этот оказался, однако, мертворожденным учреждением, ни разу не собиравшись, и все дела решались, как и прежде, прямо самим комиссаром. К этому времени Наркомпрос был уже реформирован и разделен на главки, среди которых «Комитет государственной библиотеки» не находил себе места и не вызывался более необходимостью. Нужно было передать библиотеку в какой-то главк, который должен был заботиться о ней более энергично, чем существовавший на бумаге Комитет. Это было осознано библиотекой довольно скоро, и в феврале 1921 года Кол-

легия ее (впоследствии Совет Библиотеки) возбудила вопрос о передаче библиотеки в ведение научного отдела Наркомпроса. Ходатайство об этом, однако, не было уважено, хотя в сентябре того же года польза дела вынудила все-таки Наркомпрос к этому шагу. Была учреждена при научном совете особая библиотечная подкомиссия, в ведение коей должны были поступить все ученые библиотеки Туркеспублики; были составлены даже ее положение и штаты. Но и эта подкомиссия оказалась нежизнеспособной и умерла, не родившись. Впрочем, очень скоро научный совет, рассматривая себя исключительно как орган для теоретической разработки научных вопросов просвещения, сложил с себя всякие административные функции, в том числе и управление Государственной библиотекой. Это вызвало 3 октября 1921 года решение Коллегии Наркомпроса передать библиотеку в организационный отдел. Решение это, впрочем, весьма быстро было отменено, и Государственная библиотека сделана была самостоятельным главком. Это постановление было подтверждено 28 октября, и соответствующий пункт введен в утвержденное тогда же положение о библиотеке. Однако в апреле 1922 года научный совет (вскоре переименованный в Государственный ученый совет) был реорганизован. Ему были нужны административные функции, и в его ведение перешли все научные учреждения Туркеспублики, в том числе и Государственная библиотека. С этого момента последняя обрела, наконец, свое оправданное место в ряду учреждений Наркомпроса.

Следует упомянуть еще о том, что в судьбе Туркестанской библиотеки после революции приняла участие Российская Академия наук, которая еще в 1917 году выработала проект реорганизации библиотеки. Проект этот, однако, по обстоятельствам времени не мог получить надлежащего движения. В 1919 году академик В.В. Бартольд, автор проекта 1917 года, составил новый проект, основной мыслью которого было подчинение библиотеки и музея в научном отношении Академии. Сообщенное в Ташкент, это предложение оказалось в сильной степени запоздавшим и не отвечающим действительности, так как музей и библиотека более не были связаны друг с другом, о чем не была осведомлена Академия наук. Тем не менее, тогдашнее руководство музея и библиотеки принципиально не имели возражений против перехода обоих этих учреждений в ведение Российской Академии наук. Однако дело это в конце концов расстроилось, и после 1920 года вопрос о связи библиотеки с Академией наук более не возбуждался.

Вскоре после открытия Туркестанской публичной библиотеки было составлено первое при Советской власти положение о ней, утвержденное Наркомпросом 25 ноября 1918 года<sup>10</sup>. До национального размежевания положение это изменялось несколько раз, например: в июне 1919-го, в июне<sup>11</sup> и в октябре 1921 годов.

Свое название библиотека переменила за это же время два раза: из Туркестанской публичной она в феврале 1919 года превратилась в Туркестанскую народную, а в 1920 году, в связи с 50-летним юбилеем, ей было присвоено наименование Туркестанской государственной библиотеки<sup>12</sup>.

Одним из первых постановлений Комиссии по реорганизации библиотеки было, как уже указывалось выше, решение сделать ее исключительно научным учреждением, из которого книги на дом не выдаются, а пользование ими производится только в читальных залах. Это решение было более чем необходимо, ибо оно окончательно

но порывало с тем порядком, или, вернее, беспорядком, который царил в библиотеке перед революцией и который во многом зависел от того, что Туркестанская публичная библиотека преследовала одновременно две задачи: быть научным книгохранилищем и вместе с тем общечитательской библиотекой массового типа.

Прекратив выдачу на дом своих книг, библиотека сейчас же начала заботиться о том, чтобы не лишать ташкентских граждан возможности читать книги на дому. С этой целью из дублетов книг научного и беллетристического характера было выделено несколько филиальных отделений библиотеки: имени Пушкина (угол ул. К. Маркса и Ахунбабаева), Лермонтова (в Лермонтовской школе на Большой Мирабадской), Шевченко (Аулие-атинская ул.), Розенфельда (ул. Сталина, в бывшем Еврейском рабочем доме), Бялика (Чимкентская ул.), Гаршина (Череванская ул., в знаменитом своей отделкой в узбекском национальном вкусе доме Половцева)\*. Переданная Публичной библиотеке библиотека бывшего Пушкинского общества и частная библиотека [П.А.] Стайновского составили отделения им. Толстого (ул. Кафанова) и Фета (Учительская ул.)\*\*, причем обе были значительно расширены дублетами Публичной библиотеки и приведены в порядок. В 1921–1922 годы все эти массовые библиотеки перешли постепенно в ведение Библиотечного отдела Наркомпроса, а затем в распоряжение Ташкентского Отнароба, потом Горono\*\*\*. Через несколько лет они были ликвидированы, слиты друг с другом и образовали нынешние районные библиотеки города. Уцелело только отделение им. Толстого, которое продолжает свою работу в качестве библиотеки им. Горького.

Та структура библиотеки, которая существует в наши дни, сложилась не сразу. Первоначально библиотека состояла из трех только отделов: Восточного, Туркестанского и Общего. Во главе библиотеки стоял заведующий, именующийся директором с 28 октября 1921 года, когда этот термин был введен в практику Положением о библиотеке. Для решения вопросов научно-библиотечного характера была учреждена в ноябре 1918 года коллегия библиотеки из пяти лиц, численный состав которой в дальнейшем менялся в зависимости от обстоятельств, связанных с переменами в жизни библиотеки. С октября 1921 года коллегия сменил Совет библиотеки, состоявший из всех заведующих отделами под председательством директора.

Переход музея в Белый дом и освобождение им целого ряда комнат дали библиотеке возможность начать организацию детской библиотеки-читальни. В феврале 1919 года последовало разрешение Наркомпроса на ее открытие, а 23 апреля того же года, благодаря энергичной деятельности первой руководительницы читальни О.В. Алексеевой<sup>13</sup>, детская библиотека уже была открыта. Вот некоторые данные о ее деятельности за годы 1920–1924: посещений в среднем за год – 34085 (в день – 124); выдано книг для чтения за год – 38215 (в день – 131).

\* Ул. К. Маркса – ныне Тарракиет, ул. Сталина – академика Сулеймановой, ул. Череванская – Ракатбоши. «Еврейский рабочий дом» был открыт в 1918 году, в нем была создана любительская театральная труппа. В «Доме Половцева» ныне находится Государственный музей прикладного искусства Узбекистана. Об истории этого дома см.: *Германов В.* «Туркестанский след» династии Половцовых. ВС, № 2 (XXVI), С. 94–99. (Прим. ВС).

\*\* Ул. Кафанова – ныне Афрасиаб и Айбека, Учительская – академика Кары-Ниязова. (Прим. ВС).

\*\*\* *Отнароб* (также *ОНО*) – отдел народного образования, *горono* – городской отдел народного образования (Прим. ВС).



После отъезда О.В. Алексеевой в Москву в конце 1919 года ее работу продолжала талантливый педагог и выдающийся знаток детской книги, составительница трех дополнительных каталогов А.Е. Николаева\* до своей смерти весной 1923 года. В августе того же года ее место заняла А.П. Серебренникова. Все эти три руководительницы поставили дело детской читальни на большую высоту и сделали ее одним из лучших учреждений подобного рода, пользовавшимся громадной популярностью у детей и большим авторитетом у учительства.

Постепенно назревала необходимость выделения, из общей массы печатного материала, всех периодических изданий, что вызвало создание специального отдела периодических изданий, начавшего функционировать в августе 1919 года. Многолетней заведующей этим отделом была А.В. Коршун<sup>14</sup>.

В том же году по указанию и совету академика В.В. Бартольда были слиты вместе Туркестанский и Восточный отделы в единый Отдел востоковедения.

С течением времени контуры библиотечной структуры начали вырисовываться все яснее и яснее. Явилась потребность в специальных лицах для заведывания каталогами и выдачей книг, а также для справочно-библиографической работы, которая неразрывна с деятельностью любой научной библиотеки. В результате к концу 1921 года в библиотеке насчитывалось 7 отделов: Общий (хранение всех книг, кроме востоковедческих), Востоковедения, Периодических изданий, Каталогов, Выдачи, Детский и Библиографический. Последний, впрочем, просуществовал лишь четыре месяца, с августа по декабрь 1921 года, и был закрыт по случаю сокращения штатов. Его функции перешли частично к Общему отделу, которым руководил упоминавшийся ранее Н.А. Буров, частью к Отделу выдачи, находившемуся под руководством прекрасного знатока книги и одного из преданнейших работников библиотеки – М.А. Сикстея.

В качестве самостоятельного отдел этот возродился лишь в 1930 году.

Интересно отметить здесь структуру едва ли не важнейшего отдела библиотеки – Востоковедения. Он состоял из подразделов Туркестанского, восточной лингвистики и рукописного. Отдел этот был комплексным, т.е. в нем производилось и комплектование, и обработка, и хранение, и всестороннее обслуживание читателей. Так продолжалось до 1930 года во все время руководства отделом со стороны А.А. Гаррицкого\*\*.

С самого начала деятельности реорганизованной Туркестанской публичной библиотеки ее администрации пришлось несколько раз отражать попытки воспользоваться ее книжным имуществом, проявляемые со стороны целого ряда учреждений. Так, еще в 1918 году опасность грозила отделу 7 (искусство) со стороны Художественной школы, которая домогалась, и весьма напористо, передачи ей всех книг по искус-

\* Мать *Натальи Селуяновой* (см.: Семейная хроника Селуяновых. Воспоминания Н. Селуяновой о годах работы А. Николаевой – в ВС № 2 (XXX), 2013. С. 88–90. Прим. ВС).

\*\* *Александр Гаррицкий* (Гарлицкий, 1881–1946) – историк-востоковед, библиограф. Служил в армии в Туркестане (1904–1908). Преподавал в Высшей военной школе востоковедения (1918–1925) и Ташкентского Восточного института/Восточного факультета САГУ (1918–1932). С первых лет советской власти до 1931 года работал также в Туркестанской государственной библиотеке. Автор ряда учебных пособий по узбекскому языку и руководств по библиотечному делу (на узбекском языке). Много занимался среднеазиатской библиографией. В мае 1931 года в числе 11 профессоров и доцентов САГУ арестован, в конце октября освобожден из-под стражи; в январе 1932 года административно выслан из Ташкента. С 1937 года – старший научный сотрудник Бюро монографических исследований Наркомпроса УзССР. В последние годы жизни заведовал кабинетом истории НИИ школ при Министерстве просвещения ТаджССР в Сталинабаде (ныне Душанбе). (Прим. ВС).

ству. Были приняты героические меры, вплоть до скрытия на несколько месяцев искусствоведческой литературы и изъятия из каталогов соответствующих карточек. Аналогичный случай имел место с Медицинской школой в том же 1918 году, а также со школой для дефективных детей, стремившейся получить из библиотеки книги по педологии и психологии. Военное ведомство также подумывало одно время о концентрации у себя всех книг военного характера и об изъятии таковых из Публичной библиотеки. Все эти и некоторые другие попытки кончились, к счастью, ничем, причинив лишь волнение и беспокойство библиотечной администрации.

Гораздо серьезнее было стремление, продолжавшееся довольно долго, перенести весь востоковедческий отдел в бывший Старый город на том основании, что там-де книги и рукописи на восточных языках. Мысль эта, возникшая у тогдашнего старогородского отдела народного образования еще в 1918 году, приобрела реальный характер ходатайства перед Наркомпросом впервые при комиссаре Эфендиеве в ноябре 1919 года. Однако, он, встав на государственную точку зрения, категорически воспротивился расчленению библиотеки. Года через полтора, в марте 1921 года, покушение на восточные фонды Государственной библиотеки со стороны националистически настроенных элементов, сидевших тогда в старогородском ОНО, было произведено вторично, причем бывший в то время комиссаром просвещения некий Шаги-Ахмадиев встал на сторону ОНО и предписал в семидневный срок перевести весь восточный отдел библиотеки в Старый город. Библиотека подняла тревогу, апеллировала в СНК и ТуркЦИК, и только после целого ряда бурных заседаний ей удалось отстоять свою неприкосновенность. Все эти поползновения к разделу библиотеки заставили ее при проведении Положения 1921 года внести специальный пункт о неделимости ее, как государственного книгохранилища республики, которое заинтересовано в накоплении и концентрации книжных богатств, а отнюдь не в их распылении. Узковедомственная точка зрения отдельных учреждений должна отступить перед общегосударственной.

Стремления старогородского ОНО захватить себе часть Публичной библиотеки вызывались отчасти желанием организовать в бывшем Старом городе Ташкента научную библиотеку. Об этом мы имеем ходатайства общества «Туран» еще от 27 декабря 1918 года. Туркестанская публичная библиотека охотно пошла навстречу этим стремлениям, находя их вполне законными, и в 1919 году при содействии библиотечного отдела открыла поблизости от Шейхонтоура библиотеку имени Навои, составленную из дублетов Публичной библиотеки. Зимой 1921 года последняя принялась за организацию второй библиотеки – своего старогородского филиального отделения, которое было образовано исключительно из дублетов Государственной библиотеки. Оно было торжественно открыто 26 декабря 1921 года и работало под эгидой библиотеки до конца сентября 1922 года, когда по распоряжению наркома просвещения и ходатайству старогородского ОНО отделение это было передано последнему<sup>15</sup>. За небольшой сравнительно промежуток времени Отделение стало популярным среди узбекской молодежи, которая находила в нем не только книги, но и консультации по возникающим в связи с чтением вопросам. Руководил работой отделения К.В. Ткачев, превосходный знаток узбекского языка<sup>16</sup>.

Из приведенных только что данных явствует, что в первые четыре года Совет-

ской власти государственная библиотека сыграла немалую роль в развитии библиотечного дела в нашей республике и особенно в Ташкенте. Она заново открыла в столице тогдашней Туркестанской республики восемь библиотек и организовала на новый лад две старые библиотеки, несколько лет руководя ими и поддерживая их своими фондами и средствами. Тем самым Государственная библиотека положила основание ташкентской библиотечной сети.

Кроме того, летом 1919 года в библиотеке были проведены первые в Средней Азии двухмесячные библиотечные курсы, на которые съехались библиотекари из разных городов республики. Преподавателями этих курсов были работники нашей библиотеки – Н.А. Буров, А.А. Метленков, пишущий эти строки и другие. В программе теоретических и практических занятий стояла библиотечная техника в принятой в Туркестанской библиотеке форме. Эти курсы дали сорок человек библиотекарей. Осенью того же года два работника библиотеки (Б.Н. Смолин и автор этой статьи) ездили в Самарканд по приглашению тамошних организаций и провели там краткосрочный семинар по библиотечному делу. Однако к концу 1922 года эти функции библиотеки по руководству библиотечными точками как в Ташкенте, так и на местах, перешли к окрепшим к тому времени Отделам народного образования и к Туркглавполитпросвету. Дальнейшие годы были посвящены уже исключительно работе внутри самой библиотеки.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Ныне завотделом и научный сотрудник Фундаментальной библиотеки САГУ.

<sup>2</sup> Впоследствии первый директор этой библиотеки.

<sup>3</sup> Впоследствии многолетний заведующий хранением Публичной библиотеки.

<sup>4</sup> Ныне видный ташкентский врач-бактериолог.

<sup>5</sup> Крупный чиновник канцелярии генерал-губернатора и член Наблюдательного комитета.

<sup>6</sup> Книжное собрание П.А. Комарова попало после его смерти в 1920 году в Фундаментальную библиотеку САГУ (ныне – Национальный университет Узбекистана – ВС).

<sup>7</sup> С 1923 года – сотрудник Государственной Центральной Книжной Палаты в Москве, куда он был приглашен как знаток каталогизации и десятичной системы.

<sup>8</sup> *Смолин Б.Н.* Краткая инструкция по технике библиотечного дела. Комиссариат Народного просвещения. Библиотечный отдел. Ташкент, 1920. – С. 12.

<sup>9</sup> Десятичная библиографическая классификация. Составлена членами Комиссии по реорганизации Туркестанской публичной библиотеки Е.К. Бетгером, Л.К. Давыдовым и А.А. Метленковым. Ташкент, 1918.

Через четыре года нижеподписавшийся совершенно переработал эту книгу, снабдил ее предисловием и методическими указаниями и отпечатал в Туркестанском государственном издательстве под заглавием: Десятичная система библиографической классификации. Изд. 2-е, испр. и значительно дополн. Составил Е.К. Бетгер. Ташкент, 1922.

<sup>10</sup> Опубликовано в «Нашей газете» за 1918 г.

<sup>11</sup> Опубликовано в «Бюллетене официальных сообщений и распоряжений Туркнаркомпроса», сент. 1921 г.

<sup>12</sup> Постановление Совета комиссаров в Турк[естанской] Республике 21 мая 1920 года. Известия, 1920 г.

<sup>13</sup> Впоследствии работник Московского института детского чтения. Ныне доцент Московского педагогического института по кафедре детской литературы.

<sup>14</sup> Ныне директор библиотеки Ташкентского медицинского института.

<sup>15</sup> Оно существует в настоящее время на том же месте, в районе базара, в качестве Ташкентской областной библиотеки.

<sup>16</sup> Впоследствии ориенталист, ныне – подполковник, преподаватель военного училища.

Наталья СЕЛУЯНОВА

## Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной\*

### Война

*Война – страшное время... Мы все оказались разбросанными в разные стороны. После ряда переездов, Лидия Васильевна и Милочка съехались с Михаилом Павловичем в Курье, недалеко от Перми. Я оставалась в Ленинграде, пережила блокаду вместе с тетками, больше удивляясь тому, что выжила. Отец все это время был в Москве. Таня с мужем и сыном переезжала с места на место. Лев Николаевич и Михаил Васильевич воевали. Зато от периода 1941–1945 годов сохранилось много писем, которые позволяют восстановить все, что с нами происходило.*

*Письма, в большей части приведенные с сокращениями, расположены группами – по корреспондентам, в хронологическом порядке, в пределах года или группы. У писем, адресованных мне, указано только, от кого они. Письма, написанные мною, имеют указание – кому. В остальных случаях отмечено, от кого и кому письмо.*

*Между письмами вкраплены короткие связки-пояснения, отрывки из моего блокадного дневника, позднейшие воспоминания мои и Милочки.*

### 1941 год

И все-таки, для меня война разразилась неожиданно. Милочку начало войны застало на хуторе Дорищи, откуда она писала бабушке:

«25.VI.1941 г. Скажи маме, чтобы чаще писала, а то война, ведь страшно, если будут подходить к Ленинграду, то я приеду, а то я боюсь. У нас в деревне плачут, так как отправляют на фронт людей и лошадей – работать некому».

Через несколько дней пришло письмо и мне:

«Дорогая мамочка! Спасибо, что стала часто писать. Про войну мы все знаем из газет. Почему ты не едешь, только из-за билета? На пригородный поезд всегда мож-

\* Продолжение. Начало в №№ 3 (XXVII), 2012; 1–3 (XIX–XXXI), 2013; 1–3 (XXXIII, XXXIV), 2014. (Все примечания – ВС).

но достать билет. У нас в деревне говорят, что тебе отпуска не дают, так как нужно сейчас работать. Молоко здесь очень жирное. Через пять минут уже сливки сверху, которые я сама снимаю и мажу на хлеб, кладу в картошку и суп. Масла у меня осталось грамм 300. Если приедет бабушка или ты, то очень прошу для меня достать книги, хоть некоторые из списка. Постарайтесь привезти побольше книг, если можно».

Забрав Лидию Васильевну, я поехала за Милочкой рабочим поездом до станции Вишера.

Картина потрясающая! Станция забита составами с детьми, а немцы их бомбят и обстреливают. Вдоль всего полотна железной дороги глубочайшие воронки от разорванных бомб. Народа столько, что не пробиться, все бегает, ищут своих детей, плачут.

Милочка позднее вспоминала этот эпизод:

«Мама сунула меня к чужим людям, как только я закончила учиться, в мае месяце. Хутор Дорищи, где я поселилась, стоял на отшибе, глухо, ни газет, ни радио у нас не было. Поэтому о том, что началась война, мы узнали на третий день. Мама с бабушкой – за мной, с тем, чтобы бабушка и я поехали в Ярославскую, а мама должна была вернуться в Ленинград, на работу. С собою они привезли много сахара, мануфактуру (у бабушки всегда были большие запасы), и все теплые вещи, которые бабушка забирала с собою. Бабушка осталась на станции с вещами, а мама отправилась за мной. Когда мы с нею добрались до станции, мама пошла хлопотать об отправке нас с бабушкой дальше. Я, пока бомбили, катала с горки между сосен бутылку с топленным маслом, которую мама просила особенно беречь, а бабка кричала: «Нечистая сила, масло-то разольешь». Билетов было не достать, в вагон втолкнуться почти невозможно, и чемодан с частью продуктов остался на хранение на станции Боровенка (где ночевали) с тем, что мама заберет его с собою в Ленинград, но чемодан потом ей так и не отдали. К счастью, маме удалось проводить нас до Окуловки, откуда мы уже поехали прямо в Ярославскую область, а мама домой.

Марину, хотя она уже и была школьницей, еще до войны, 6 июня 1941 года, отправили на дачу с детским садом, которым заведовала тетка Евы, в село Некрасово Ярославской области. Отдохнув и устроившись в Булакове, мы поехали с бабушкой искать Марину. Детский сад находился возле церкви на горе. Я сестру плохо помнила. Встретили мы ее почти голую, бритую, в белой панамочке. Я была придурок, ровно ничего не понимала: встреча с сестрой – «Больно надо!».

Одни мысли – учила все наперед за 8-ой класс, боялась, как же – война? В деревне ближе чем за 12 км школы-десятилетки не было. Я пошла пешком в эту школу, к Борисо-Глебскому монастырю, и там записалась, но учиться в ней не пришлось – осенью мы уехали к отцу в Пермь».

Вернувшись в Ленинград, я застала Библиотеку\* на военном положении. Сразу же после объявления войны стало формироваться народное ополчение. В первых ря-

---

\* Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Санкт-Петербурге), где с 1936 года работала Н. Селуянова.

дах из нашего отдела ушли: С.Х. Григорьянц, И. Элиович, А.З. Абрамишвили и другие. Мобилизовали в армию Гусейна Мирзоева. Ходжа Сунчелеева, в прошлом медсестра, ушла работать в госпиталь – это помогло ей пережить блокаду. К.А. Ракитина исчезла и больше в Библиотеке не появлялась. Лишь позднее мы узнали, что с первого дня войны сотрудники Эрмитажа занимались упаковкой музейных ценностей, которые должны были эвакуировать из Ленинграда. С первым же эшелонам, который сопровождало несколько человек сотрудников, уехала и Ксения Александровна, сама не зная, куда едет. Через некоторое время от нее стали приходить письма – она оказалась в Свердловске.

Я же, с другими сотрудницами Библиотеки, была мобилизована на трудовую повинность на оборонные работы. Вскинув на плечо тяжелую лопату, я бодро отправлялась копать противотанковые рвы. Пешком ходили на Среднюю Рогатку\* и возвращались оттуда совершенно обессиленные, едва волоча ноги.

Уходя на трудовую повинность, я оставляла ключ от своей комнаты квартирномуполномоченной, чтобы был доступ в помещение в случае возникновения пожара от бомбежки. Во время моего очередного отсутствия, уже ближе к осени, с окраин Ленинграда жителей стали переселять в город, так как деревянные дома шли на слом, на дрова. Однажды, вернувшись, я обомлела: моя комната оказалась заселенной татарами с Охты – две татарки с полудюжиной ребят каждая. Все вещи были загажены, вонючие одеяла сушились на окнах (что было делать беднякам: в квартире уже не работали ни водопровод, ни канализация), шелковая мебель, скатерти – все было неузнаваемо. Я, ничего не сказав им, ушла к теткам. Вообще эти татарки оказались честными – когда их эвакуировали, они ничего из моих вещей с собой не взяли. Но так как по мелочам они пользовались тем, что было в доме, я осталась без куска мыла, без спичек, без свечей, без продуктов.

Жизнь у теток была тяжелой – мне приходилось работать без присяду: надо было ставить самовар, пилить и мелко, мелко колотить дрова, топить печь в комнате, где жила тетя Милочка (в этой же печке готовили сразу же ставшую скудной еду); надо было растирать больные ноги тете Милочке, так как она целые дни и ночи сидела в ванной комнате, как и все остальные домочадцы – тетя Лиза, бывшая их домработница Аннушка и другие – в пальто, в ботах, шляпе, чтобы в случае бомбежки успеть выскочить на улицу (это с парализованными-то ногами!). Кроме того, надо было привезти воды с Фонтанки, куда я отправлялась по Пролетарскому переулку и, простояв у проруби в очереди на морозе, иногда до ночи, поднималась по крутому и обледеневшему склону и тихонько, стараясь не разлить ни капли, тащила ее до дома. Только уляжешься и закроешь глаза (в неотопливаемой спальне тети Лизы), как слышишь истошные крики теток: «Дура, Наташка, вставай – бомбят». А я всю войну раздевалась и спала в одной рубашке, так как в одежде спать – все тело немело. Теток это страшно злило, а я совсем не испытывала страха, хотя обстрелы и бомбежки в нашем районе были очень сильные. В Дмитровском переулке, против нас, многие дома были разрушены до основания.

---

\* *Средняя Рогатка* – исторический район на юге Петербурга (между нынешними станциями метро «Московская» и «Звездная»).

В Библиотеке в нашем отделе за это время произошли перемены. После ухода в ополчение С[ергея] Х[ристофоровича] Григорьянца отделом недолгое время заведовала М[ария] Г[еоргиевна] Михайлова. Но вскоре она ушла в отдел каталогизации, а заведовать отделом назначили Людмилу Филипповну Векслер, которая еще очень недолго работала в Библиотеке (с начала 1940 года). Она была близкой приятельницей К.А. Ракитиной, раньше они вместе работали в Академии наук и в Эрмитаже. Людмила Филипповна – иранист по специальности, была очень образованна, знала иностранные языки, имела решительный характер. В 1938 году она, уйдя из Эрмитажа, пошла работать в Картографический отдел Адмиралтейства переводчицей. Очевидно, это кому-то не понравилось, и буквально через месяц ее арестовали (впоследствии она узнала, кто ей этим удружил). В тюрьме она просидела почти два года, в январе 1940 года ее судили (редкий для того времени случай) и мало того что оправдали, но двух свидетелей обвинения уличили в клевете и тут же на суде взяли под стражу. Ксения Александровна, выступавшая на суде свидетелем защиты, сразу же после того, как Людмилу Филипповну освободили, увезла ее к себе домой, где в течение некоторого времени та отдыхала и приходила в себя, а затем стала подумывать о работе. О том, чтобы вернуться в Адмиралтейство, не могло быть и речи.

К чести Сергея Христофоровича, когда Ксения Александровна, рассказав ему все о Людмиле Филипповне, спросила, не сможет ли он взять ее к нам в Отдел, он сказал, что если она подойдет как работник, то он ее с удовольствием возьмет. Работала Людмила Филипповна как зверь. Библиотечное дело она знала хорошо, и к концу испытательного срока казалось, что она уже много лет работает у нас. Сергей Христофорович оценил ее и как работника, и как человека, и относился к ней с таким же уважением, как к Ксении Александровне.

И вот осенью 1941 года Людмила Филипповна стала нашей заведующей.

Вскоре всех нас перевели на казарменное положение. Меня это пугало, я не хотела идти жить в Библиотеку. Но потом поняла, что только это и спасло меня от гибели. В Библиотеке меня поселили в одной комнате с тремя сотрудницами из других отделов: Лидой Пуделевой, Алей Дурейко и Лялей Александровой. Мы установили дежурство по комнате – в очередь топили печь, прибирали. Хуже всех жила я, так как мне никто не помогал, в то время как другие получали то посылки, то помощь от родственников, работавших в столовых или же в госпиталях. Я была зачислена бойцом унитарной команды МПВО в отделение связи. Всю блокаду я просидела на крыше Публичной библиотеки, а не в бомбоубежище, чему была очень рада.

Еще летом Библиотека эвакуировала наиболее ценные фонды в Мелекес (на Волге). Это была срочная и большая работа, в которой и я принимала участие. Эвакуировали книги и рукописного отдела. Мне была поручена подготовка к отправке рукописных книг из собрания Фирковича\* : после ухода Элиовича никто, кроме меня, не знал древнееврейского шрифта. Каждую книгу надо было завернуть в специальную бумагу, прежде чем положить в ящик; заполнить путевку. В Мелекес уехала часть на-

---

\* Авраам Фиркович (1787–1874) – караимский общественный деятель, литератор, археолог и коллекционер. Во время путешествий по Крыму, Кавказу, а также Палестине и Египту Фирковичу удалось составить богатую коллекцию старинных книг, рукописей и надгробных надписей. В 1862–1875 годы собрание Фирковича было приобретено Публичной библиотекой Санкт-Петербурга.

ших сотрудников, а на горсть оставшихся легли все тяжелые работы, как-то: подъем песка и засыпка чердаков, забивка окон, спуск каталогов в бомбоубежище, переноска в нижние этажи тяжелых ящиков с книгами.

Периодически меня снова и снова мобилизовывали по трудовинности то в Серболово (Левашевский район), то на станцию Песочную, то, наконец, в деревню Николаевку у Красного Села. Здесь работа была непосильно тяжелой. Целые дни мы, голодные, почти босые (обувь развалилась), копали противотанковые рвы и выносили тяжеленные носилки с глиной наверх. Командование, по-видимому, было вредительским, так как даже при бреющих полетах немецких самолетов нам не позволяли ложиться, и очень много людей гибло. Однажды мы, вернувшись вечером в деревню, увидели с крыльца, как громадное зарево распространилось над Ленинградом – это горели Бадаевские склады с запасами продовольствия.

Немцы уже подходили к Николаевке. Я не заметила, как постепенно наши люди стали убегать. И лишь тогда, когда скрылась моя напарница – сотрудница Библиотеки Герта Пюкке (не свинья ли?), а немцы уже пылили по дороге, и в Николаевку нельзя было попасть, потому что ее обстреливали с двух сторон, и от нее уже почти ничего не оставалось, я решилась бежать по направлению к Ленинграду. Кругом взлетали вверх кучи земли, а я никак не могла понять, почему это снаряды падают землю, забыв о том, что в Красном Селе, по соседству с нами, был наш военный городок. Тут я сговорила с пожилым эстонцем, и, выбрав время, мы побежали. Я бы еще помедлила – жаль было оставшуюся в деревне коробку консервов и простыни, но было уже поздно. До станции мы прошли несколько километров, поезда уже не ходили, и только несколько вагонов под обстрелом двигались по направлению к Ленинграду, все время останавливаясь, чтобы пассажиры могли отбежать от состава и лечь. Стоило только подняться обратно в вагон, как немцы снова летели над линией и снова обстреливали поезд, и тогда опять все бросались в лес. Помню этот лес, в котором листочка не осталось, так он был обстрелян. В очередном странствии по этому лесу вдоль полотна какую-то женщину ужалила змея. Никто не принял в ней участия; не до того было, да и не знали, чем помочь. Нога у нее сразу раздулась, и она так там и осталась.

Где шли, где ехали – и, наконец, добрались до Ленинграда, но ужас! В город нас не пустили, как мы ни доказывали, что мы свои и прибыли с оборонных работ. Пришлось пробираться через какое-то кладбище, лезть в какие-то дыры и очутиться где-то за Балтийским вокзалом. Только ночью я пришла на Колокольную, к теткам, а они уже и не думали, что я жива.

А тем временем Лидия Васильевна и Милочка жили в Булакове. Обе работали в колхозе. Милочка пишет:

«20 сентября 1941 г. ...Я теперь не работаю в колхозе, а сижу в яслях с ребятами, так как в поле холодно. Из Ершовки нам дали шубу, из которой бабушка сошьет мне сапоги и рукавицы. Как хочется скорее в Ленинград. Марина с Евой уехали в Ташкент к Евиному дяде. Мы живем хорошо – сыты и в тепле. В лесу много грибов, ходить некогда, но все же засушили порядочно. С 1 октября я буду сама учиться по учебникам..., только не знаю, справлюсь ли? В яслях работа нетрудная, ребят немного, зато в тепле».



Письма с обеих сторон были единственной связью между нами. В свою очередь, я сообщала обо всем, что со мной происходит. Постоянная тревога за девочек в эвакуации, за друзей на фронте, за себя и других, оставшихся в Ленинграде, – жизнь была страшной, и выдержать ее можно было только на людях, с людьми, заботясь друг о друге. Привожу одно из писем тети Лизы к Милочке, где хорошо отражен наш быт осенью 1941 года:

«12 октября 1941 года. ...Целуем тебя крепко и желаем, чтобы скорее наладилась нормальная жизнь и ты, как вся прочая зеленая молодежь, соединилась с родителями, чтобы пользоваться всеми благами культурной жизни и т.п. Мы живем по-прежнему, тревожимся. Тетю Милушу очень жаль, она бедняжка, от всяких неожиданных звуков положительно страдает, нервы больные, сама немощная и не владеет руками и ногами... С самого начала войны она не раздевается, даже на ночь в пальто, чтобы быть в любой момент одетой... А так еще молодцом, очень выдержанна, никаких вскриков и т.п. Во время тревоги все сидим в ванной комнате. Я тоже все спокойно переносю, не теряюсь вовсе. Мамочка твоя с нами, хотя и очень больна: очень разыгрался ревматизм, да и сердце шалило. Она в тепле после работы, да и столуется с нами».

В Москве война также была близка. Впоследствии, по моей просьбе, отец сделал кое-какие записи по памяти:

«Точно гром среди ясного неба прозвучало для нас известие о вторжении германских войск в СССР. Не ожидая ничего подобного, мы за неделю до 22 июня переехали на дачу в Подлипки. Настроение и обстоятельства были таковы, что решили с дачи съезжать, а так как транспорта было не достать, ездили на дачу за вещами и возили их на поезде. Ездили и по воскресным дням и тогда оставались на даче ночевать. Тут мы впервые увидели бесконечные эскадрильи германских самолетов и зарницы на горизонте от взрывов в Москве бомб.

Жутко было, а по крышам домов ударялись осколки от снарядов нашей зенитной артиллерии, вначале маломощной против летящих на большой высоте самолетов.

В одну из таких воскресных поездок я попал в диверсанты. Случилось это так: я пошел нарисовать какой-нибудь пейзаж масляными красками. Пошел в лес, сел на ближайшей лужайке. Прошло минут 20, как подошли ко мне два каких-то малопочтенных гражданина и так себя грубо и вызывающе вели и так мешали, что я послал их к черту. «Ну ладно, мы тебе покажем!» – и показали. Минут через десять передо мною вырос вооруженный красноармеец, велевший мне следовать за ним; он вел меня в милицию – это около четырех верст – причем по дороге всем интересовавшимся объяснял, что поймал диверсанта. В милиции меня продержали часа четыре, стараясь мне доказать, что я снимал план площадки для самолетов; сделано было распоряжение отвезти меня в Мытищи (ближайшее большое селение) в НКВД, но пришла жена с документами и доказала, что они ошибаются, тем более, что в этой местности мы жили уже несколько лет на даче, и служил я в оборонной промышленности.

В городе, во всякое время дня и ночи, мы с трепетом ждали возгласа «Граждане, воздушная тревога» и раздирающее завывание сирен, повторяемое без конца.

Очень страшно было в первый налет, который мы пережили в городе. Я ходил на квартиру Тани, эвакуировавшейся из Москвы, за шторой. Вернувшись домой, я очень обрадовался при виде жены, которая хотела в этот день уехать на дачу, но оказалось, что она раздумала. Приготовила она ужин и чай. Только сели за стол, как раздалась тревога, мы сначала не обратили внимания, приняв ее за учебную, какие уже были перед этим несколько раз с целью проверки выполнения правил предосторожности. Но когда началась стрельба и взрывы, мы поняли, что это уже настоящий налет немцев. Вышли в коридор и просидели там до утра. В окно было видно, как летят зажигательные и фугасные бомбы. От одной из них сгорел против нас деревянный дом. С непривычки чувство было жуткое.

Потом нас гоняли отсиживаться в бомбоубежище, устроенное в подвале нашего дома, где сидели несколько часов (до отбоя), дремля на узле с вещами. Мало-помалу мы стали равнодушнее, выходили только в коридор, стремясь уйти подальше от окон, стекла которых, в случае взрыва поблизости, наносили тяжелые ранения. Сидишь и прислушиваешься к шуму мотора – ближе, ближе, и вдруг начинает затихать. «Слава Богу, – думаешь с облегчением, – пронесло!». Но, в общем, я не боялся, а некоторые, трусливые, даже мужчины, доходили до паники.

Я работал в это время в одном из проектных институтов. Работа была очень тяжелая, так как я заведовал техническим архивом. Архив был большой, путаный, мне работа была не по душе, но уйти было нельзя.

16 октября 1941 года был обычный рабочий день, но вдруг начался какой-то переполох. Было отдано распоряжение: все материалы архива тащить в печь соседней бани. Конечно, мы не смогли сжечь и десятой доли всех материалов, но погибло много ценного. Стало понятно, что ждут вторжения немцев в Москву. В этот момент я подал заявление об увольнении, и меня уволили без возражения.

Жена служила в Главгормаше НКТП, который спешно собирался эвакуироваться в Уфу. С нею или со своим институтом мог бы эвакуироваться и я. Я был не прочь уехать, стремясь внести разнообразие в свою однотонную жизнь, и с целью уйти от грозящей опасности. Но жена, не желая расставаться с родными, жалея свое имущество, боясь всех терзаний, связанных с переездом и житьем на бивуаке, решила остаться в Москве.

К нашему счастью, немцы Москву не взяли, и, несмотря на все лишения, терзания и опасности, мы все-таки пережили войну более благополучно, чем многие из уехавших».

В то же время Таня из Горького, где она была первое время в эвакуации, писала об оставшихся в Москве:

«15 октября 1941 г. ...Положение отца очень тяжелое. Он и Евгения Николаевна со всей родней не работают сейчас, да и отец так измучен, что вряд ли сможет работать. Кашляет напролет все ночи, не спит, и сообщает, что его направляют в тубдиспансер на исследование. Послала ему 60 рублей, на днях вышло еще 100 рублей.

Он, конечно, уже заранее отказывается, но я настою, чтобы принял. Если можешь, пошли хоть немного. В таком положении и 10 рублей – деньги. ...Ему будет приятно, что есть близкие и что он не забыт».

Лидия Васильевна и Милочка из Булакова перебрались к Михаилу Павловичу в Курью, под Пермь, где он работал на судостроительном заводе.

Милочкины письма:

(1) «23 декабря 1941 года. Здравствуйте, дорогие мамочка, тетя Лизочка и тетя Милочка! Сегодня мы получили два письма от мамы и фотокарточку, которая нам очень понравилась. Почему вы мало получаете от нас писем? Я все время посылаю открытки. Марина нам пишет часто. Она пишет, что в Ташкенте хорошо, еще ходят в летних платьях, продукты там есть, но дорогие, очень много фруктов, цветов, так что Марина очень довольна. Они послали нам изюму, орехов, рису, но посылка пропала. У нас совсем ничего не продается, только хлеб. Хлеба нам хватает. У нас есть мясо, так что мы не голодные. У нас теплая отдельная квартира: три комнаты и кухня. В одной живем я и бабушка, в другой папа с инженером из Ленинграда, а в третьей живет также инженер. Здесь морозы -42. Очень мерзнет лицо, хотя и в платке. В школу бабушка дает мне свои валенки, а сама сидит дома. Я иногда хожу в кино и на концерты в клуб. В школе я учусь хорошо, только трудно по немецкому, так как в Ленинграде я учила английский. Мы очень соскучились, хочется скорее в Ленинград. Нам сегодня в школе говорили, что от Ленинграда немцев отогнали далеко.

Сейчас я тебе пишу письмо на физике. Меня вызвали, я получила «отлично», и пока спрашивают других, я пишу. Несколько дней тому назад я получила письмо от тети Лизочки в Ярославскую, но нам оттуда пересылают письма. Письма идут, но очень медленно».

(2) «27 декабря 1941 года. Поздравляю с Новым годом. Как вы его встретили? Я встречала Новый год в школе. Дома нет угощения, поэтому я ушла. Мы все очень соскучились и хотим в Ленинград... Завтра, в выходной, мы с бабушкой пойдем в деревню искать картошки. Мясо у нас есть. Бабушка стоит каждый день (очевидно, за обедом. – Н.С.), но суп переваривает и кладет мяса и пшенную кашу. В школе учусь хорошо: только два «хорошо», остальные «отлично», но ходить в школу далеко. У нас морозы -40–45. Мариша пишет, что даже в декабре они ходят в платьях. Я часто хожу в кино, театр, так как деньги тратить совсем некуда, только на хлеб и на булочку в школе.

Поздравляю с Новым годом тетю Лизочку и тетю Милочку. Целую крепко. Мила».

В конце года отец писал из Москвы:

«24.XII. Все время жалею вас, хотелось бы помочь – у нас все-таки легче, хлеба вдвое больше, но сказать, что я не хочу есть, было бы хвастовством. Обед – все это одна видимость, так как без мяса – поешь, и через пять минут опять свеж. С 16 октября мы с Женей безработные, так как учреждения полурасформированные. Уехали.

Мне по моей работе там делать нечего, хоть меня и брали. Бросать всех своих было жалко, так и остались. Будь я один, иной способ жизни устроил бы – или уехал куда-нибудь в Ташкент, или же, наоборот, просился бы куда-нибудь для активной работы... но здорово сдал. Я вроде тети Милочки уже третий месяц не раздеваюсь совсем, сплю полусидя, покрытый шубой, так как не хочу в критический момент быть в смешном положении».

Приписка Евгении Николаевны:

«...мы без работы, но живем аккуратно – выходным месячным пособием и деньгами за неиспользованный отпуск. Живем в чужой квартире, так как наш корпус не отапливается. С собой взяли все необходимые вещи, но Шурику досталось таскать их на четвертый этаж целую неделю. Встаю в шесть утра и бегу в магазин получить паек. В этом месяце чудесно получили: 200 гр. сахара, 200 гр. подсолнечного масла, 100 гр. сливочного, 200 гр. ветчины и крупу...».

*(Продолжение следует.)*

Камол ШАНИЯЗОВ

# Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-мусульманских историков

По «Книге истории» ал-Йа'куби и «Истории пророков и царей» ат-Табари  
(Предисловие и перевод)

Евангельские истории являются неотъемлемой частью средневековых арабо-мусульманских исторических произведений. Интерес мусульманских историков к ним, прежде всего, связан с тем, что евангельские истории отражены в Коране и являются предметом изучения и толкования мусульманских богословов, толкователей Корана – муфассиров и историков. «Популяризации» евангельских историй, в частности об Иисусе Христе, Марии и пророках евангельского периода, несомненно, послужили также неоднократные упоминания о них пророком Мухаммадом, что было отражено авторами хадисов – жизнеописаний Мухаммада.

## Иисус Христос в Коране

В Коране Иисус Христос называется *ал-Масих 'Иса, сын Марйам*<sup>1</sup>, *'Иса, сын Марйам*<sup>2</sup>, *ал-Масих*<sup>3</sup>, *сын Марйам*, или просто *ал-Масих*<sup>4</sup>. *Ал-Масих* в буквальном переводе с арабского, так же как с древнееврейского (מָשִׁיחַ, Машиах), означает «помазанник», «мессия», в древнегреческом переводе – Христос (Χριστός). И.Ю. Крачковский в своем переводе Корана<sup>5</sup> использует имя «Мессия», хотя вполне можно было оставить транскрибированный арабский вариант имени *ал-Масих* или *Христос*. Последнее, видимо, не использовалось им из цензурных соображений. Имя «Мессия», ввиду малой духовной грамотности большинства советских граждан (тем более чиновников 1960-х годов), вероятно, было идеологически более нейтральным, чем «Христос».

Следует также особо отметить используемое в Коране именование Иисуса Христа «сыном Марйам». Как в доисламской, так и в мусульманской традиции арабов было (и остается до сих пор) неприемлемым называть людей именем матери. Именование Иисуса сыном Марии в Коране является не исключением из традиции, а подтвержде-

нием божественного характера рождения Иисуса вследствие зачатия Девой Марией от Святого Духа.

Зачатие Марией от Святого Духа является в исламе, так же как и в христианстве, догмой, не подлежащей сомнению. Как сказано в Коране: «(17) ...Мы отправили к ней Нашего духа<sup>6</sup>, и принял он пред ней обличие совершенного человека. (18) Она сказала: “Я ищу защиты от тебя у Милосердного, если ты богобоязнен”. (19) Он [Архангел Гавриил<sup>7</sup>] сказал: “Я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого”. (20) Она сказала: “Как может быть у меня мальчик? Меня не касался человек, и не была я распутницей”. (21) Он сказал: “Так сказал твой Господь: “Это для Меня – легко. И сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием”. Дело это решено» (Марйам, 17-21).

Более того, предание о рождении самой Марии передано в Коране как благословение Господом матери ее Анны, а сама Мария представлена в качестве примера добродетели и чистоты – избранной среди женщин своего времени<sup>8</sup>: (35) «Вот сказала жена Имрана<sup>9</sup> [мать Марии]: “Господи! Я обетовала Тебе то, что у меня в утробе, освобожденным (для Тебя). Прими же от меня, – ведь Ты – слышащий, знающий”. (36) И когда она родила<sup>10</sup> Ее, то сказала: “Господи! Вот, я родила – женского пола”. – А Аллах лучше знал, что она родила, – ведь мужской пол не то, что женский. – “И я назвала Марйам и вот – я отдаю Тебе ее и ее потомство под защиту от сатаны, побиваемого камнями”. (37) И Господь принял Ее хорошим приемом, и возрастил ее хорошим ростом, и поручил ее Закарийи. Всякий раз, как Закарийа входил к ней в михраб, он находил у нее пропитание. Он сказал: “О Марйам! Откуда тебе это?”. Она сказала: “Это от Аллаха. Поистине, Аллах питает, кого пожелает, без счета!”».

### «Книга длинных известий» Абу Ханифа ад-Динавери

Стремление к более глубокому познанию связи преданий Корана с историческими событиями обусловило почти одновременное появление в эпоху расцвета Аббасидского Халифата нескольких исторических трудов арабо-мусульманских историков, таких как ал-Балазури, Абу Ханифа ад-Динавери, ал-Йа'куби и ат-Табари.

Наиболее ранними из дошедших до нас «всемирных историй», содержащих сведения о евангельских преданиях, являются: *Китаб ал-Ахбар ат-Тивал* («Книга длинных известий») Абу Ханифа ад-Динавери (ум. 895 г.), *Китаб ат-Та'рих* («Книга истории») ал-Йа'куби и *Тарих ар-Русул ва ал-Мулук* («История пророков и царей») ат-Табари.

Произведения более ранних авторов, таких как Ибн Исхак (ум. 768 г.)<sup>11</sup> и Ибн Са'д (ум. 845 г.), к сожалению, известны нам только по ссылкам на них ат-Табари и других средневековых арабских историков, толкователей Корана и авторов хадисов.

Что касается ад-Динавери, то он в своем произведении *Китаб ал-Ахбар ат-Тивал* упоминает евангельские истории в весьма скромном разделе в несколько строк, озаглавленном *Ба'сат 'Иса ар-Расул* («Послание [Аллахом] Иисуса Пророка»<sup>12</sup>):

Сказали: «Когда Аллах послал 'Ису, сына Марйам, и иудеи решили убить его, то Аллах вознес Его к себе, [тогда] они привели Йахью, сына Закрийи (Иоанна Крестителя) и убили его, и Ал-

лах направил на них царя из удельных царей, из сыновей Бухт Нассар Первого (Навуходоносора Первого), и он убил сынов Израиля, и обрушились на них унижения и бедствия<sup>13</sup>.

Это отражает ранние представления арабских ученых-историков и богословов о евангельском периоде истории, основанные на преданиях о казни Иоанна Крестителя и мести Аллаха за его смерть. Мы видим явное искажение хронологии: разрушение Иерусалима Навуходоносором II и казнь Иоанна Крестителя разделяют более чем 500 лет. Библейские истории о нашествии Навуходоносора на Иерусалим, в процессе многовекового устного пересказа в виде преданий и легенд стали ассоциироваться с евангельским периодом и пророчеством Иисуса Христа о разрушении Иерусалимского храма. С другой стороны, отца Иоанна Крестителя Захарию могли ошибочно принять за ветхозаветного пророка Захарию, родившегося во время Вавилонского плена (то есть до 539 года до н.э). Однако с развитием мусульманской исторической науки эти представления были оставлены.

### «Книга истории» ал-Йа'куби

Ахмед ибн Абу Йакуб ибн Джафар ибн Вадих ал-Катиб ал-Аббаси ал-Йа'куби (ум. 905 г.) – арабский историк, географ и путешественник<sup>14</sup>. Ал-Йа'куби – наиболее ранний из дошедших до нас авторов, более подробно (в отличие от ад-Динавери) описывающий события, связанные с евангельскими историями и преданиями вокруг них. Оба автора значительно различаются в подходе к освещению истории, как в жанре, стиле изложения, так и в выборе источников.

Ал-Йа'куби, наряду с ад-Динавери, – один из первых средневековых арабских историков, не пользующийся методом *иснад* (ссылок на свои источники). Для написания евангельских историй он использовал Евангелия и Деяния Святых Апостолов. Напротив, ат-Табари, опираясь на метод *иснад*, приводит сведения, ссылаясь на своих предшественников, представляющих различные версии конкретного исторического события или преданий вокруг них.

Среди источников, использованных ал-Йа'куби для написания *Китаб ат-Та'рих* (они были также широко использованы и ат-Табари), – сочинения ал-Вакиди (ум. 823 г.), Мухаммада ибн Исхака (ум. 768 г.), Абу ал-Мунзира Хишама ал-Калби (ум. 819–822 гг.), Абу Сайфа ал-Мада'ини (ум. 848–849 гг.). Однако основным кроме Корана источником ал-Йа'куби для написания истории евангельского периода были непосредственно сами Евангелия и Деяния Святых Апостолов.

Ал-Йа'куби описывает евангельские истории в первой части своего труда, в главе, озаглавленной «Ал-Масих 'Иса бин Марйам – «Помазанник /Божий/ Иисус, сын Марии»<sup>15</sup>.

Глава предваряется кратким вступлением, которое, по сути, является пересказом-толкованием аятов Корана из сур *Ал 'Имран* (35–37) и *Марйам* (19–26), описывающих истории о рождении Марии, Ее непорочном зачатии и рождении Иисуса Христа. Со ссылкой на астролога Абу Али Йахйа ибн Абу Мансура (ум. 832 г.), приводится дата рождения Иисуса Христа и Его гороскоп. Сравниваются евангельские и коранические сообщения о рождении Иисуса Христа; единственным расхождением между

ними, как отмечается, является то, что евангелисты не упоминают о том, что Иисус говорил в колыбели<sup>16</sup>.

Земную жизнь Иисуса Христа ал-Йа'куби излагает полностью по Евангелию. Перечисляются имена двенадцати апостолов Иисуса Христа. Ал-Йа'куби кратко пересказывает каждое из четырех Евангелий в том порядке, в каком они расположены в Новом Завете: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна. Пересказ содержания Евангелий выполнен ал-Йа'куби весьма корректно, без допущения вольного толкования или искажения содержания стихов.

Завершая пересказ содержания Евангелий, ал-Йа'куби, цитируя аят 157, Сурат (4) *ан-Ниса*, кратко отмечает расхождения между христианами и мусульманами по поводу распятия и воскресения Иисуса Христа:

Это [было] то, что говорят Евангелисты, а они расходятся во всех значениях. И сказал Аллах Великий и Всемогущий: «Они не убили Его и не распинали его, но привиделось им, и те, которые расходятся [во мнении] о Нем, находятся в сомнении о Нем, нет у них о Нем знания, кроме следования предположению, воистину не убили его, но Аллах вознес Его к себе».

Ал-Йа'куби завершает главу сведениями, почерпнутыми из Деяний Апостолов: избранием Матфея двенадцатым апостолом, вместо отпавшего Иуды, и назначением семи диаконов Апостольской Церкви. Завершается глава повествованием о беззаветном апостольском служении апостола Павла.

### **«История пророков и царей» ат-Табари**

Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (ум. 923 г.) – яркий представитель арабской исторической литературы, создававшей «из сочетания чисто арабских полуполюгендарных эпических рассказов, племенных генеалогий, преданий о жизни и действиях Мухаммеда с чужеземными влияниями, в виде иранской эпико-исторической традиции, рассказов иудейской и сиро-христианской среды о библейских деятелях и событиях»<sup>17</sup>.

Ат-Табари приводит сведения об Иисусе Христе в первой части своей «Истории», после «Сведений о персидских царях, [правивших] после Александра [Македонского] и «Удельные цари», в главе под названием: «Упоминание событий, которые были в дни удельных царей (и в нем рассказ о Марйам и 'Исе ал-Масихе, мир Им обоим)»<sup>18</sup>.

Название главы определяет эпоху и время, в которые происходили события, связанные с Иисусом Христом, и отражает датировку этих событий по доисламским арабским преданиям о Нем.

Пользуясь методом «иснад», ат-Табари подробно излагает сведения доисламских арабских источников и своих предшественников – арабо-мусульманских историков, муфассиров и мухаддисов, сравнивает их с персидскими и христианскими источниками, внося таким образом коррективы в излагаемые события и их датировку. Затем излагает свое мнение, которое косвенно свидетельствует о надежности христианских источников.

Так, например, вышеупомянутая глава, посвященная Марии и Иисусу, предваряется сведениями о времени рождения Иисуса:



В то время, когда, как утверждают персы, минуло шестьдесят пять лет с завоевания Александром земель Вавилона и пятьдесят один год со [времени] царя Аршакидов, было рождение Марйам (Марией) дочерью Имрана (Амрама) 'Исы бин Марйам, мир Ему<sup>19</sup>.

Приведенные ат-Табари сведения (со ссылкой на некие персидские источники), бесспорно, противоречат общеизвестным историческим данным о дате начала эры от Рождества Христова, что далее отмечает и сам ат-Табари.

Затем приводятся сведения из христианских источников, противоречащие ранее приведенным:

А что касается христиан, то они считают, что рождение Ей (Марией) Его (Иисуса) было по прошествии трехсот трех лет со времени завоевания Александром земель Вавилона, и утверждают, что рождение Йахьи ибн Закарийи (Иоанна Предтечи, сына Захарии) было на шесть месяцев раньше рождения 'Исы, мир Ему, и упомянули, что [когда] Марйам зачала 'Ису, Ей было тринадцать лет, и что 'Иса жил до того, как был вознесен, тридцать два года и [несколько] дней, и что Марйам оставалась [в живых] после Его вознесения шесть лет и весь Ее возраст немногим больше пятидесяти лет<sup>20</sup>.

Сведения ат-Табари, со ссылкой на христианские источники, не искажают последовательности событий, связанных с Рождеством Иисуса Христа, преданиями о Захарии и Иоанне Крестителе. Приведенная родословная Иосифа, несмотря на то, что ат-Табари не упоминает предков Давида, полностью совпадает с родословной, описанной в Евангелии от Матфея (Мат. 1, 6-16).

Значительное место у ат-Табари занимает Йахья ибн Закарийя' (Иоанн Креститель). Иоанн Креститель почитается в мусульманской традиции, так же, как и его отец Захария, пророком. Захария упоминается в Коране шесть раз и столько же раз Иоанн – в сурах *Ал-Имран* и *Марйам*<sup>21</sup>. Данные сведения, в зависимости от источников ат-Табари, подразделяются на более приближенные к новозаветным рассказам об Иоанне Крестителе (источником является Ибн Исхак) и на легенды, связанные с его казнью. В последних, со ссылкой на Ибн Аббаса<sup>22</sup>, говорится о мести Аллаха за кровь Иоанна, которой стало разрушение Храма и убиение семидесяти тысяч израильтян вавилонским царем Навуходоносором (уже отмеченный выше явный анахронизм). Это, скорее всего, пересказ устных легенд и апокрифических преданий, сложенных вокруг образа Иоанна Крестителя в христианской среде арабских племен доисламского периода. Эти легенды, видимо, возникли под влиянием ветхозаветных пророчеств о наказании Господом иудеев за желание казнить Иеремию (Иер. 21, 7; 25, 1 и др.), а также сообщения о казни Навуходоносором шестидесяти израильтян (4 Цар. 25, 19-21).

Тема Божьей мести за кровь Иоанна Крестителя продолжается и в последующих преданиях, переданных ат-Табари со ссылкой на Ибн Мас'уда и других сподвижников пророка Мухаммада. В них присутствует предание о кипении капли крови Пророка Иоанна, которая успокоилась только после разрушения Иерусалимского Храма, казни семидесяти тысяч мужчин и женщин, пленения иудеев (Дан. 1, 6).

Однако, добросовестно приведя эти предания, ат-Табари указывает на отсутствие связи между вавилонским завоеванием Иерусалима и казнью Иоанна Крестителя:

И это сказание, которое передано со [слов] тех, кого я упомянул в этих сведениях, как и со [слов] тех, кто не упомянут в этой книге, что Бахтанаср (Навуходоносор) является тем, кто завоевал Израиль при убиении Йахйи ибн Закарийи (Иоанна Крестителя), по мнению сословия [авторов] жизнеописаний, и известий, и [обладателей] знаний в делах прошлого в [эпоху] джахилии<sup>23</sup> и других из [различных] народов, является неверным<sup>24</sup>.

Собственно евангельские истории излагаются ат-Табари со ссылками на Ибн Исхака и Вахба. В отличие от ал-Йакуби, ат-Табари строит свое повествование о евангельских историях в жанре толкования соответствующих аятов Корана, привязки их к историческим событиям, сведения о которых черпаются им непосредственно от своих предшественников, персидских эпосов (Фирдоуси) и косвенно из Библии. Если ал-Йакуби подтверждает сведения из Евангелий соответствующими аятами Корана, то ат-Табари пытается с помощью Евангелий раскрыть их смысл.

Евангельские истории, переданные в произведениях ал-Йакуби и ат-Табари, проливают свет на мировоззрение ранних мусульман, на их уважительное отношение к святыням и образам христианства, а также на общность истоков духовных и моральных ценностей двух религий.

Ниже мы прилагаем переводы глав *Китаб ат-Та'рих* («Книги истории») ал-Йа'куби и *Та'рих ар-Русул ва ал-Мулук* («Истории пророков и царей»), посвященных евангельским событиям. В переводе мы оставляем арабскую транскрипцию собственных имен и географических названий, снабжая их комментариями и сравнением с библейскими именами и топонимами в русском Синодальном переводе Библии. В круглых скобках ( ) даны соответствия имен и названий в русском Синодальном переводе Библии; в двойных круглых скобках (( )) – номера страниц издания: *Ал-Йа'куби*. *Китаб ат-Та'рих*, I (Бейрут, 1960); в квадратных [ ] – смысловые вставки переводчика; в фигурных { } – соответствующие места в Евангелиях; в угловых с многоточием внутри <...> – пробелы в оригинале текста.

## Из *Китаб ат-Та'рих* («Книги истории») ал-Йа'куби

### ((68)) Помазанник /Божий/ Иисус сын Марии

Ҷаннат (Анна), женщина [из рода] 'Имрāна (Амрама)<sup>25</sup>, получила [благую] весть, что Бог одарит ее сыном<sup>26</sup> для посвящения его Богу. И когда родилась Марйам (Мария), она [Ҷаннат] передала Ее Закариййā' (Закария), сыну Барахйи (Варахии), сыну Башуи<sup>27</sup>, сыну Нахра'ила, сыну Сахлūна, сыну Арсу, сыну Шавйла (Саула), сыну Наўда, сыну Мўсы (Моисея)<sup>28</sup>. И был он священником жертвенника и оставался им и в пору, когда Ей [Марйам] исполнилось семнадцать лет.

И Бог послал к Ней Ангела, дабы одарить Ее безгрешным Младенцем<sup>29</sup>. И из известия о Ней было то, что [уже] сказал Бог Всемогущий и Великий<sup>30</sup>, о том, что Она зачала и [о том, что] когда завершились Ее дни [беременности], охватили Ее родовые муки, и [о том], как сказал Бог Всемогущий и Великий и описал Ее состояние, и состояние Его [новорожденного], и слова Его, [произнесенные] из-под Нее<sup>31</sup>, и слова Его [произнесенные Им] в колыбели<sup>32</sup>.

И место рождения Его было в деревне, называемой Байт Лахам (Вифлеем), одной из деревень Палестины. И было это во вторник, [когда] минуло двадцать четыре дня [месяца] Кāнўн ал-'Аввал<sup>33</sup>.

И сказал, да благоволит к нему Аллах, ал-Мунадджим<sup>34</sup>:

Солнце на восходе, в году, в котором родился ал-Масїх, было в созвездии Весов восемнадцать градусов; и Юпитер – в созвездии Девы тридцать один градус и двадцать одна минута, возвращаясь; и Сатурн – в созвездии Козерога шестнадцать градусов и двадцать восемь минут; и Солнце – в созвездии Овна одна минута; и Венера – в созвездии Быка двадцать четыре градуса; и Марс – в созвездии Близнецов четырнадцать градусов и сорок четыре минуты; и Меркурий – в созвездии Овна четыре градуса и семнадцать минут.

Однако Евангелисты не говорят, что Он [‘Исā] говорил в колыбели, а говорят [следующее]. Марйам (Мария) была обручена мужу по имени Йўсўф (Иосиф), из сынов [из рода] Дāвуда (Давида). И Она забеременела, а когда приблизилось время родов, он направился с Ней в Байт Лахам (Вифлеем). А когда Она родила, он вернул Ее в Нāсират (Назарет) из [селений] Джабала ал-Джалила (Галилеи).

В восьмой день [от Рождества Иисуса] он [Иосиф] совершил над Ним обрезание, согласно сунне [завету] Мўсы (Моисея), сына ‘Имрāна (Амрама). И апостолы описали известия об ал-Масїхе (Христе) и упомянули о Его качествах. И мы подтвердили сказанное каждым из них по отдельности и то, что они описали о Нем.

И они [звались]: Шим`ўн бин Кана`āн (Симон Кананит) ((69)) из колена <...>; и Йа`кўб, сын Забади (Иаков Зеведеев) <...>; и Йахйā бин Хāбир (Иоанн, сын Хевера<sup>35</sup>), сына Фāли из колена Забалўна (Завулона); и Фйлифўс (Филипп) из колена Ашир (Ашера); и Маттā (Матфей) из колена ‘Ашшаджар (Иссахар), сын Йа`кўба (Иакова); и Сам`и (Симон?)<sup>36</sup> из колена Хирāма<sup>37</sup>, сын Йа`кўба; и Йахўдā (Иуда) из колена Йахузā (Иуды)<sup>38</sup>, и Йа`кўб (Иаков) из колена Йўсўф (Иосифа), сын Йа`кўба (Иакова); и Мунассā<sup>39</sup> из колена Рўбйла (Рувима), сын Йа`кўба (Иакова).

И кроме тех было семьдесят мужей [апостолов] {Лк. 10, 1}, а написавших Евангелие было четверо: Маттā (Матфей) и Маркус (Марк) и Лўкā (Лука) и Йўхāннā (Иоанн), двое из тех двенадцати [- Матфей и Иоанн], и двое не из них [- Марк и Лука].

Что касается Маттā (Матфея), то он привел в Евангелии родословную ал-Масїха Ису`а<sup>40</sup> (Иисуса), сына Давўда (Давида), сына Ибрāхйма (Авраама), от истоков до самого конца, завершив ее Йўсўфом (Иосифом), сыном Йа`кўба (Иакова), сыном Мāсана (Матфана) – последними [из] сорока двух предков [Иисуса Христа]. Затем он сказал: «Йўсуф (Иосиф) был мужем Марйам (Марии), и ал-Масїх (Мессия) родился в Байт Лахам (Вифлееме) [в одном] из селений Фаластйна (Палестины), и царем Фаластйнов в те дни был Хйрўдус (Ирод) {Мат. 1, 18; 2, 1}.

И люди из ал-Маджус (волхвов)<sup>41</sup> направились в Байт Лахам (Вифлеем), и над их головами [светила] звезда, направлявшая их к Нему [Иисусу], чтобы увидеть Его и поклониться Ему. Хйрўдус же, царь Фаластйна, намерился убить ал-Масїха (Мессию), но Йўсуф вывел Его и Его Мать в землю Египта. А когда умер Хйрўдус, вернул Его и поселил Его в [селении] Нāсират Джабал ал-Джалил (Назарете Галилейском) {Мат. 2}.

И Он [Иисус], когда повзрослел и достиг двадцати девяти лет<sup>42</sup>, явился к Йахйе, сыну Закарийи (Иоанну Предтече) с тем, чтобы избрать<sup>43</sup> его [посредником]. И сказал ему Йахйа, сын Закарийи: «Я [более] нуждаюсь в Тебе, чем Ты во мне!». И сказал ему ал-Масих (Мессия): «Оставь эти слова, именно так надлежит совершиться правде». И позволил Ему Йахйа {Мат. 3, 13-15}.

И Ису'а (Иисус) вышел при поддержке Духа Господа в пустыню и постился сорок дней. И приблизился к Нему ал-Шайтан (Сатана) и сказал: «Если ты Сын Аллаха, то прикажи этому камню стать хлебом!». И сказал [в ответ] Ису'а (Иисус): «Не хлебом единым живет человек, но словом Аллаха». И он [ал-Шайтан] поднял Его и поставил на крыло Храма, затем сказал Ему ал-Шайтан: «Бросься на землю, и если Ты – Сын Божий, то оберегут Тебя ангелы Его». И сказал ал-Масих (Мессия): «Написано также: «не искушай Господа». Затем сказал Он ал-Шайтану: «Уйди [прочь], и я поклоняюсь Господу и Ему служу». И оставил его ал-Шайтан и удалился. Затем ангелы Бога Всемогущего и Великого приблизились к Нему и стали служить Ему {Мат. 4, 1-11}.

Затем приблизились к Нему ученики Его. И стал Он говорить им притчи и откровения ((70)) и прочие притчи.

И первое, что Он [Иисус] сказал из Евангелия, в соответствии тому, что [содержится] в Евангелии [от] Матта (Матфея): «Благо нищим, сердца которых довольствуются тем, что от Господа их, воистину для них [уготовано] Царство Небесное. Блаженны алчущие и жаждущие поклонения Господу. Блаженны правдивые в словах своих, оставляющие ложь, которые есть соль земли и свет мира. Не убивайте, не гневайтесь ни на кого и угождайте тем, кто гневается на вас; миритесь с соперником своим. И не прелюбодействуйте и не смотрите на чужих жен. И если правый глаз ваш призовет к измене, вырвите его, дабы спасти тела ваши. И не разводитесь с женами вашими, кроме [наличия у них вины] любодеяния. И не клянитесь Господом, [ни будучи] правдивыми, ни лживыми, ни Его небом, ни Его землей. И не сопротивляйтесь злу; а если кто ударит тебя по твоей правой щеке, то подставь ему свою левую щеку; а если кто захотел снять с тебя рубашку твою, то отдай ему также свой плащ; а тому, кто принудил тебя [пройти с ним одно] расстояние, пройди с ним два, и [тому] кто спросит у тебя, дай ему, а [тому], кто попросит займы, дай ему и не отказывай ему. Вы слышали, что сказано: “Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”, а Я говорю вам: “Любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас, творите добро тем, кто ненавидит вас; ибо, если вы любите тех, кто любит вас, какая вам награда?” {Мат. 5, 3-46}.

Не показывайте милостыни вашей перед людьми. [Пусть] не ведают ваши правые [руки] того, что делают левые. И не показывайте людям ваши молитвы, и когда вы молитесь, войдите в дома ваши и затворите двери ваши, дабы не слышал вас никто. И если вы молитесь, говорите: «Отче наш [сущий] на небесах, [да] святится имя Твое; да придет царствие Твое, да будет воля Твоя как на небе, так и на земле. Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам то, что причитается с нас, как и мы прощаем должникам нашим<sup>44</sup>. И не введи нас в искушение, о Господи! Но избавь нас от лукавого» {Мат. 6, 1-13}.

И не показывайте пост ваш людям и если поститесь перед Господом Богом ва-

шим, то не меняйте лиц ваших, чтобы люди видели вас, ибо Господь ваш знает [все] о вашем состоянии. Не копите сокровищ, ибо моль и всепожирающие термиты истребляют, а воры ((71)) выкапывают, дабы ваши сокровища были у Господа вашего, который на Небе, где нет ни моли вредящей, ни вора крадущего. И не заботьтесь о [земной] жизни вашей, ни о том, что вы едите, ни о том, что пьете, ни о том, что одеваете; взгляните на птиц небесных, они не сеют, не жнут и не собирают в домах, [но] Бог питает их, а вы для Бога более, чем птицы, достойны щедрости {Мат. 6, 16-26}.

Не заботьтесь о детях ваших, ибо они вам подобны, как воспитали [их], так они и воспитают, чем вскормили [их], тем и вскормят<sup>45</sup>.

И не говори брату своему: "Вынь соринку из глаза своего!", а у самого в глазу твоём бревно; не ищите пороков людей, а гласите о пороках своих<sup>46</sup>. И не давайте ни святыни<sup>47</sup>, ни жемчуга свиньям, они растопчут их ногами своими! Просите Господа, Он даст вам, и вопрошайте к Нему, и вы найдете Его милостивым к вам, стучите, [и] дверь Его откроется вам. Что касается двери, и [если] она широкая и путь явный, то он ведет людей к гибели, и как мала дверь и узок путь, который приводит людей к спасению! {Мат. 7, 1-14}.

Остерегайтесь лжецов, которые подобны лютым волкам. [Подобно тому] как вы не можете сорвать виноградину с терновника и смоквы с колоквинта<sup>48</sup>, также не найдете дерева плохого, дающего хорошие ростки, и дерева доброго, дающего плохой плод {Мат. 7, 17-18}.

Каждый, кто слышит Мое слово, затем понимает его, подобен человеку благоумному, построившему дом свой на фундаменте; и пошел дождь и разлились реки и поднялись ветры <...><sup>49</sup> и рухнул дом» {Мат. 7, 24-27}.

В то время царь Хирудус<sup>50</sup> (Ирод) схватил Йуханну<sup>51</sup> (Иоанна) и заключил его в темницу, а это потому, что он [Хирудус] входил к жене брата своего Филлифуса [Филиппа] и Йуханна призывал его [Хирудуса] прекратить делать это, и он [Хирудус] хотел убить его [Йуханну] за это, но остерегался, ибо они [люди] почитали Йуханну. И сказала ему жена брата его: «Убей Йуханну!». И он направился в темницу, отрубил голову Йуханне и положил ее на блюдо. И прибыли его [Йуханны] ученики, забрали его тело и погребли его, и прибыли к ал-Масиху (Христу) и известили Его; Он же вышел в пустынное место {Мат. 14, 1-13}; и поставил условием сподвижникам своим, приказав: «Не сообщайте никому!».

((72)) Евангелие [от] Маркуса (Марка). Что касается Маркуса, то он сказал в начале своего Евангелия [следующее]. Ису'а ал-Масих (Иисус Христос), Сын Божий, как написано в [книге] пророка Аш'айи (Исаии): «Вот Я, посылающий Ангела Моего пред лицом Твоим, чтоб подготовил путь Твой». А Йахйа бин Закариййа' (Иоанн, сын Захарии) совершал обряд крещения к покаянию, и одежда его была из верблюжьей шерсти, и он затягивал свою пояснуку ремнем из кож. И ал-Масих (Христос) прибыл к нему из Насират ал-Джалил (Назарета Галилейского) для крещения от него в Иордане. И когда он [Йахйа] крестил Его, вышел Дух Святой над водой, как голубь, и голос с неба призвал: "Ты Сын Мой, Мой Возлюбленный, Тот, о Ком Я возрадовался" {Мар. 1, 1-11}.

И Он удалился в Джабал ал-Джалїл (Галилею), а там люди ловили рыбу, среди них Шим'ун (Симон) и Андрѡвус (Андрей). И Он сказал им: "Следуйте за Мной, Я сделаю вас ловцами человека!". И они пошли с Ним {Мар. 1, 14, 16-18}.

И Он вошел в деревню и излечивал больных и прокаженных, открывал глаза слепым. И собрались к Нему люди, и начал Он говорить им притчами и откровениями. И говорил: "Истинно говорю вам, не пропадет племя [это]<sup>52</sup>, даже если исчезнут небо и земля, и Слова Мои не пропадут"» {Мар. 13, 30}.

Евангелие [от] Лўќи. Что касается [Евангелиста] Лўќи, то он говорит в начале [своего] Евангелия: «По причине того, что многие люди предпочитают писать предания и деяния, которые мы знаем, я счел справедливым для себя написать нечто, что я узнал о Нем {Лук. 1, 1-3}.

Во дни царя Хїрўдуса (Ирода) был священник по имени Закариййā' (Захария) из служителей рода Абийā (Авиева), и жена его из дочерей (рода) Хārўна (Аарона), по имени ал-Йасаба'<sup>53</sup> (Елисавета). И оба они были праведны перед Богом, поступая по Его заповедям и не пренебрегая повиновением [Ему]. И не было у них детей. А были ал-Йасаба' и Закариййā' бесплодными, и подошли их годы к старости. И когда Закариййā' выполнял священническое служение, [кадя] кадилом, и вошел в Храм<sup>54</sup>, а народ [был] за пределами Храма, привиделся Закариййи Ангел Господень, стоящий по правую [сторону] жертвенника. И задрожал Закариййā', когда увидел его, страх охватил его. И сказал ему Ангел: «Не бойся, о Закариййā'! Аллах услышал твои молитвы, и ответил и благословил тебя, и жалует тебя сыном, которого ты назовешь Йахйей (Иоанном). И будет тебе в нем добро и радость, и будет он велик перед лицом Господа, и не будет пить вина и сикера, и будет он наполнен Духом Святым, [еще] будучи в утробе матери своей. И приведет к Господу множество из рода Исра'їл (Израиля), и воплотится в нем Дух, который воплотился в пророке'Илийе (Илие) ((73)), чтоб возложить сердца отцов на сердца сынов Закариййā'. И вы будете для Господа совершенным народом» {Лук. 1, 5-17}.

И сказал Закариййā' Ангелу: "Как я узнаю это? [Ведь] я стар, и жена моя преклонных лет?". И сказал ему Ангел: "Я Джибрїл (Гавриил), стоящий пред Господом Великим и Всемогущим, Он послал меня благовестить тебе это. С этих пор будь безмолвным и не говори до того дня, когда свершится с тобой это, потому, что ты не веришь и не поверил моим словам, которые сбудутся в свое время" {Лук. 1, 18-20}.

И народ стоял в ожидании Закариййā' и дивился его медлительности в Храме. А когда он [Закариййā'] вышел, то не мог говорить, и они узнали и убедились, что он имел видение в Храме, а он подавал им знаки жестаами и не говорил {Лук. 1, 21, 22}.

И когда завершились дни служения его, он отправился в свой дом, и ал-Йасаба', жена его, зачала и пять месяцев скрывала себя и говорила: "Это то, что сотворил мне Господь в дни, в которые он обратил на меня взор, чтоб стереть с меня позор среди людей" {Лук. 1, 23-25}.

Когда был шестой месяц беременности жены Закариййи, Господь послал ангела Джибрїла (Гавриила) в Джабал Джалїл (Галилею), в город, называемый Нāсират (Назарет), к Деве, обещанной в жены человеку по имени Йўсуф (Иосиф) из рода Дāвуда (Давида), и звали Ее Марйам (Мария). И вошел к Ней Ангел и сказал Ей: "Мир тебе, о

Благодатная и Благословенная среди женщин!”. И когда Она увидела его, испугалась слов его, призадумалась и сказала: “Что это приветствие?” {Лук. 1, 29.}. И сказал Ей Ангел: “Не бойся, о Марйам! Ты приняла и обрела благодать у Бога, истинно Ты зачнешь в чреве и родишь Сына и назовешь Его Ису’а (Иисус), и будет Он велик, и Сыном Всевышнего наречется. И даст Ему Господь Бог Его трон Дāvуда (Давида), отца Его, и будет царствовать над родом Йа’қуба (Иакова) навеки, и не будет ни гибели Его царствованию, ни прекращения”. И сказала Ангелу Марйам: “Как сбудется это? Ведь не прикасался ко Мне мужчина”. Ангел сказал Ей: “Дух Святой найдет на Тебя, и так родится от тебя святой, называемый Сыном Божиим. И ал ал-Йасаба’ (Елисавета), родственница твоя, также затяжелела сыном в своем преклонном возрасте, и это шестой месяц [беременности] той, что звалась бесплодной, ибо Бог не бессилен в чем-либо!”<sup>55</sup>. И сказала Марйам: “Я последовательница пути Господа, и пусть будет Мне, как ты сказал” {Лук. 1, 26-38}.

((74)) И вошла Марйам в дом Закарийи, и спросила о здоровье ал-Йасабы, и когда услышала жена Закарийя’ слова Марйам, шевельнулся плод в ее чреве и исполнилась она Святым Духом. И сказала она Марйам: “Благословенна Ты среди жен! Воистину, когда голос приветствия Твоего дошел до моего слуха, с великой радостью шевельнулся плод в чреве моем” {Лук. 1, 40-44}.

И ал-Йасаба’, жена Закарийи, родила сына, и обрезали его на восьмой день, и назвали его Йўханнā (Иоанн). И тотчас раскрылись уста его [Закарийя’], и он заговорил и призвал к благословию Господа Всевышнего. И исполнился Закарийя’ Духом Святым и сказал: «Благословен Господь – Бог Исра’їла (Израиля), который испытал народ Свой и дал им избавление, и воздвиг для нас рог спасения в роде Дāvуда (Давида), как сказал Он устами пророков Своих непорочных» {Лук. 1, 57, 59, 64, 67-70}.

И когда завершились у Марйам дни Ее [беременности], направился с ней Йўсуф в Джабал ал-Джалїл (Галилею), и она родила Сына Своего непорочного, и обернула Его в ветошь и уложила Его в загоне [для скота]<sup>56</sup>, так как не было для Нее места, где бы они вдвоем могли приютиться. <...> И прибыл к ним Ангел Господень, и слава Бога озарила их, и они убоялись сильным страхом. И сказал им Ангел Господень: “Не бойтесь и не печальтесь! Воистину я возвещаю вам великую радость, [которая] охватит мир!” {Лук. 2, 6-10}.

Затем он [Лука] привел родословную ал-Масїха от Адама {Лук. 3, 23-38}. А когда исполнилось Ему [Христу] восемь дней, принесли Его обрезать по закону Мўсы (Моисея), и дали имя Ему Ису’а (Иисус), и предали закланию пару горлиц и<sup>57</sup> два птенца голубя в жертву за Него. И был там человек по имени Шима’āн (Симеон), из пророков. И когда они [Мария и Иосиф] приблизились к жертвеннику для принесения жертвы за Него [Иисуса], взял Его Шима’āн (Симеон) на руки и сказал: “Очи мои узрели милость Твою, теперь же дай мне скончаться!” {Лук. 2, 21-29}.

А родственники Его приводили Его каждый год в Уршалїм (Иерусалим) в праздник пасхи, и Он служил именитым [учителям], и они дивились Ему, когда пересказывали Его мудрые слова» {Лук. 2, 40-47}.

*(Продолжение следует.)*

ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Т.е – сын Марии. *Ал-Имран*, 45; *ан-Ниса*, 171. (Здесь и далее в ссылках на Коран дается курсивом название суры на арабском, затем номер аята).

<sup>2</sup> *Ал-Ма'уда*, 112, 114, 116.

<sup>3</sup> *Ал-Ма'уда*, 17, 72, 75.

<sup>4</sup> *Ан-Ниса*, 172; *ал-Ма'уда*, 72; *ат-Тауба*, 30.

<sup>5</sup> Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Ред. В.И. Беляев. [Предисл. В.И. Беляева и П.А. Грязневича] М.: Изд-во восточной литературы, 1963). Здесь и далее цитаты из Корана, кроме отдельных оговоренных случаев, даются в этом переводе.

<sup>6</sup> Речь идет не о Святом Духе, а об Архангеле Гаврииле. (Прим. ВС.)

<sup>7</sup> Здесь и далее в квадратных скобках пояснения автора статьи.

<sup>8</sup> *Мухаммад Саййид Тантави*. Қиссат фи Қур'ан ал-Карим, II. – Каир, 1997. – С. 118.

<sup>9</sup> «Жена Имрана», упоминаемая в данном аяте, – по утверждению одного из самых влиятельных мусульманских богословов Египта Мухаммада Саййида Тантави (1928–2010) (*Мухаммад Саййид Тантави*. Указ. соч. С. 120), – Ханна (Анна), дочь Факуза ибн Кунбал, а Имран (Амрам) – ее муж; ат-Табари, ссылаясь на свои источники, пишет, что Ханна (Анна) – дочь Факуда, сына Кабили, а ее муж, отец Марии – Имран (Амрам), сын Масана (Мафана) (*Мухаммад ибн Джарират-Табари*. Китаб ал-Умам ва ал-Мулук, Дар ал-Кулуб ал-'Илмийа. – Байрут: Ат-таб'ат ал-'ула, 1407 Х., I. – С. 345 (далее – «ат-Табари»)).

<sup>10</sup> В переводе И.Ю. Крачковского – «сложила»; мы изменили это слово, в соответствии с арабским значением, на «родила».

<sup>11</sup> *Мухаммад ибн Исхак* – арабский историк, автор биографии пророка Мухаммада и не дошедшей до нас «Истории халифов» (см. о нем: *История ат-Табари* / Пер. с арабского В.И. Беляева, О.Г. Большакова, А.Б. Халидова. – Ташкент: Фан, 1987. – С. 420).

<sup>12</sup> В исламе Иисус Христос почитается не как Сын Божий и одно из Лиц Троицы, но как один из посланных Богом пророков. (Прим. ВС.)

<sup>13</sup> الطوال; تحقيق: عبد المنعم عامر مراجعة: الدكتور جمال الدين الشيال عيسى البابي الحلبي وشركاه / القاهرة: الطبعة: الأولى، 1960 م أبو حنيفة أحمد بن داود الدينوري (المتوفى: 282هـ): الأخبار - الناشر: دار إحياء الكتب العربي - С. 41. (Перевод наш – К.Ш.)

<sup>14</sup> См. о нем: *Шаниязов К.К.* Ал-Йакуби – как историк Арабского халифата. Дисс. ... кандидата истор. наук. – Ташкент, 1996.

<sup>15</sup> *Ал-Йа'куби*. Китаб ат-Та'рих, I. – Бейрут, 1960. – С. 68-80.

<sup>16</sup> Там же. С. 68.

<sup>17</sup> *Беляев В.И.* Арабские источники по истории туркмен

и Туркмении IX–XIII вв. // *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Труды Ин-та востоковедения. XXIX. Источники по истории народов СССР. В 2-х тт. – М.–Л.: АН СССР, 1939. Т. 1. – С. 19.

<sup>18</sup> Ат-Табари. С. 345–355.

<sup>19</sup> Там же. С. 345.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> См.: *Мухаммад Саййид Тантави*. Указ. соч. – С. 82.

<sup>22</sup> 'Абдаллах ибн 'Аббас ибн 'Абдумуталлиб (ум. 687-688 гг.) – двоюродный брат Мухаммеда и один из важнейших авторитетов в области религиозного предания. (См. о нем: *История ат-Табари...* С. 384.)

<sup>23</sup> *Джахилия* – в исламе обозначение состояния общества до принятия ислама. (Прим. ВС.)

<sup>24</sup> Ат-Табари, С. 347.

<sup>25</sup> В тексте – «Имра ат 'Имран», что может означать «жена 'Имрана (Амрама)» или «женщина из рода 'Имрана». В Коране (*Ал-'Имран*, 35) мать Марйам (Марии) упоминается как «Имра ат 'Имран», без имени Ханнат. Мухаммад Саййид Тантави в своем исследовании пишет: «'Имра ат 'Имран – она же Ханнат, дочь Факуза бин Кунбала». Очевидно, что ал-Йа'куби, опираясь на аяты Корана, добавил сведения о матери Марии из христианских источников, прежде всего из Евангелий.

<sup>26</sup> Согласно Корану (*Ал-'Имран*, 35, 36), 'Имра ат 'Имран [Ханна] посвятила то, что в чреве ее, Господу, полагаясь на то, что родится сын, но родилась дочь, и назвала она ее Марйам, и Господь благословил ее дитя.

<sup>27</sup> Первая буква данного слова в тексте без диакритической точки. В некоторых изданиях и комментариях к данному произведению ал-Йа'куби это имя предположительно дается как «Башуа» или «Шуа».

<sup>28</sup> Сведения о передаче Марии на попечение Захарии, по всей видимости, почерпнуты Ал-Йа'куби из Корана (*Ал-'Имран*, 37).

<sup>29</sup> В тексте: «уаладан закиййан», в Коране (*Марйам*, 19, 20): «гуламан закиййан». Оба словосочетания дословно переводятся как «чистый ребенок» / мужского пола/. Мухаммад Саййид Тантави толкует словосочетание из указанного аята Корана «гулам закий» как ребенка (уалад) мужского пола, чистого от грехов и пороков, умноженного добром и благодатью (*Мухаммад Саййид Тантави*. Указ. соч. С. 127.)

<sup>30</sup> Здесь ал-Йа'куби отсылает читателя к аятам Корана (Коран, Марйам, 22-26), повествующим о родовых муках Марии и ее разрешении Младенцем Иисусом.

<sup>31</sup> Имеется в виду изречение из Корана (*Марйам*, 24-26): «И воскликнул Он из-под Нее: – Не скорби! Сотворил Господь под тобой ручей (24), тряхни к себе ствол пальмы, падут к тебе финики свежими (25), ешь и пей, возрадуйся и если узришь кого-либо из люда, то скажи: дала я обет поста [молчания] Милостивому и не



буду говорить сегодня с человеком». Сведения о том, что Младенец Иисус говорил в колыбели, имеются в апокрифическом «Арабском евангелии детства Спасителя».

<sup>32</sup> Имеется в виду изложенная в Коране история (*Марйам*, 27-31) о прибытии Марйам (Марии) с Младенцем 'Исой (Иисусом) к своим сородичам: «И прибыла Она с Ним к своему народу, неся Его [на руках], и сказали они: "О Марйам, ты пришла, [совершив] нечто отвратительное (37). О, сестра Харуна (Аарона), отец твой не был грешным, и мать твоя не была распутной!" (38). И Она указала на Него [Младенца], они сказали: "Как мы будем разговаривать с Тем, кто находится в колыбели?" (29). И Он [Младенец] сказал: "Я есть раб Аллаха, он дал Мне Писание и сделал Меня пророком (30) и сделал Меня благословенным, где бы Я ни был. И заставлял Меня [исполнение] молитв и закята [все время] пока буду пребывать в живых».

<sup>33</sup> Назв. месяца по солнечному календарю, соответствующее декабрю.

<sup>34</sup> *Ал-Мунаджжим* (буквально переводится как «астролог») – псевдоним Абу 'Али Йахйа ибн Абу Мансура (ум. 832 г.), астролога персидского происхождения. Был астрологом при халифе ал-Мамуне (813–833). Составил множество гороскопов, руководил обсерваторией в Багдаде, созданной ал-Мамуном в 828 г.

<sup>35</sup> В арабской исторической и религиозной литературе имя Йахйа тождественно имени Йуханна и соответствует библейскому имени Иоанн. Однако имя Йахйа чаще применяется в отношении Иоанна Крестителя, а Йуханна – Апостола Иоанна, сына Зеведея, брата Апостола Иакова (см. ал-Мунджид фи ал-Лугат ва ал-А'алам, Дар ал-Машриқ. Байрут, 1998. С. 618, 622). Ал-Йа'куби в отношении Апостола Иоанна использует также имя Йуханна (см. ниже). Имя Хевер в Ветхом Завете носили: (1) сын Брии (Верии), внук Асира (Быт. 46, 17; Чис. 26, 45), праотец одного из родов колена Асира; (2) кенезянин, потомок Ховава, муж Иаили (Суд. 4, 11-24); (3) израильтянин из колена Иуды, отец Сохо, т.е. праотец жителей города Сохо (1 Пар. 4, 18); (4) венямиитянин, сын Елпаала (1 Пар. 8, 17).

<sup>36</sup> Возможно, ал-Йа'куби применил арабскую интерпретацию «Сам'и» («услышанный») еврейско-арамейского имени Шим'он («услышанный») с целью различения двух Симонов: Симона Петра и Симона Зилота Кананита.

<sup>37</sup> Среди родоначальников колен Израиля нет имени, соответствующего «Хирам».

<sup>38</sup> Возможно, здесь ал-Йа'куби имеет в виду Иуду Иаковлева.

<sup>39</sup> В тексте: *منسى*, что в переводе (в страдательном залоге «мунасса») означает – забытый, преданный забвению; мы предполагаем, что этим именем ал-Йа'куби обозначил Иуду Искариота, предавшего Иисуса и преданного забвению, тем более что он упоминается последним в перечне двенадцати апостолов. Данное написание имени на арабском языке также соответствует библейскому «Манассия» – имени первенца Иосифа

(Быт. 41, 51; 46, 20) и др.; среди апостолов Иисуса Христа Манассия не упоминается.

<sup>40</sup> *يسوع* – Ису'а или *يسوع* – Йасу'а (ср. арамейское Йешу'а) – имя Иисуса в Евангелиях на арабском языке; является наиболее используемым среди арабоязычных христиан. Что касается *عيسى* – 'Иса, то данное написание имени Иисус передано в Коране, в связи с чем закрепилось в качестве мусульманского синонима имени Иисус. Здесь ал-Йа'куби, ссылаясь на Евангелие от Матфея, приводит имя Иисуса в арабо-христианском написании.

<sup>41</sup> В арабской исторической литературе «ал-Маджус» (маги) также означает «персы» или «зороастрийцы».

<sup>42</sup> В Евангелии от Матфея нет упоминания о возрасте Иисуса, видимо, автор заимствовал эти сведения из Евангелия от Луки, возможно, и из других источников, так как в Евангелии от Луки сказано, что *Иисус, начиная Своё служение, был лет тридцати* (Лук. 3, 23).

<sup>43</sup> В тексте: *ليسطعنه* (глагол восьмой породы *صنع/اصطنع* в толковых словарях имеет значения: избрать (назначить, принять) посредником. Арабский ученый-языковед XIII века Ибн Манзур приводит толкование фразы *واصطنعك لنفسى* в контексте обращения Бога к Мусе (Моисею) и толкует ее так: «Я избрал тебя для установления свидетельства обо Мне и поставил тебя между Мною и Моим народом» (*Ибн Манзур*. Лисан ал-'Араб, IV. Каир: [б.г.] – С. 2508). Видимо, этим глаголом ал-Йа'куби хотел передать смысл избрания Иисусом Иоанна посредником между Богом и людьми, по аналогии с избранием Богом Моисея.

<sup>44</sup> При передаче молитвы ал-Йа'куби буквально придерживается канонического христианского текста, это касается и данного стиха. Однако в Евангелии на арабском языке данный стих, в отличие от ал-Йа'куби, передан: *واغفر لنا ذنوبنا كما نغفر نحن ايضا للمذنبين اليّنا* («Прости нам грехи наши, так же, как мы прощаем согрешившим в отношении нас»). (Данный стих ближе к варианту Господней молитвы в Евангелии от Луки, 11, 4: *И прости нам грехи наши, как и мы прощаем всякому должнику нашему* – Прим. ВС.) Данный факт может свидетельствовать о том, что ал-Йа'куби пользовался в написании своего труда не арабоязычной Библией, а, возможно, греческой или латинской версиями.

<sup>45</sup> Данное изречение отсутствует в Евангелии от Матфея.

<sup>46</sup> Данное изречение отсутствует в главе 7 после стиха 3 Евангелия от Матфея. Видимо, оно является собственным толкованием ал-Йа'куби стихов 4 и 5 данной главы (Мат. 7, 4, 5).

<sup>47</sup> Мат. 7, 6: «не давайте святыни псам».

<sup>48</sup> В тексте: *الحنظل*. «ал-ханзал» – колоквинт. (См. о нем: *Ибн Сина*. Канон врачебной науки / Пер. с араб. М.А. Салье и др. В 6 тт. – Ташкент: Фан, 1979–1982. – Т. 3. 1981. – С. 251.)

<sup>49</sup> Очевидно, что в тексте утерян отрывок, соответствующий следующим словам Нагорной проповеди: «...и устремились на дом тот, и он не упал, потому что

основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мат. 7, 24-27).

<sup>50</sup> Ирод Антипа (20 г. до н.э. – после 39 г. н.э.) – правитель Галилеи и Персии с 4 года до н.э. по 39 год н.э., сын царя Ирода Великого.

<sup>51</sup> Ал-Йа'куби использует оба варианта этого имени (арабо-мусульманский – Йахйа и арабо-христианский – Йуханна); в первом случае – при пересказе от своего имени, во втором – при ссылках на Евангелия и другие христианские источники.

<sup>52</sup> Ср. слова, произнесенные Иисусом Христом после Его

предсказания о разрушении Иерусалима: *Не пройдет род сей, как все это будет* (Мар. 3, 13). (Прим. ВС.)

<sup>53</sup> Написание имени в тексте – Ал-Йа'куби: *اليسع* (ал-Йасба, ал-Йасаба'), однако в арабских текстах Библии данное имя пишется: *أليصابات* (ал-Йасабат).

<sup>54</sup> *Ал-Хайкал* ( *الهيكل* ) – Иерусалимский Храм; также называется *Байт Муқаддас* ( *بيت مقدس* ).

<sup>55</sup> В Лук. 1, 37: *Ибо у Бога не остается бессильным никакое слово.* (Прим. ВС.)

<sup>56</sup> В тексте *الأري* – загон для верблюдов, скота (*Ибн Манзур. Указ. соч. С. 68*); в арабской версии Евангелия от Луки: *المذود* – ясли для скота.

<sup>57</sup> В Евангелии от Луки (2, 24) – «или».

## Исцеление расслабленных

Хотя Евангелие является священным текстом, на протяжении веков воздействует на культуру, формирует архетипы восприятия и формы мышления, оно не воспринимается христианами как *изосакральный* текст. То есть как текст, в котором каждый отрывок является одинаково священным, важным и самодостаточным (как, например, воспринимают любой фрагмент Корана последователи ислама). Евангельские отрывки имеют свою иерархию: что-то считается более важным и насущным, что-то – менее. Причем в разных культурах и в различные исторические периоды происходит перемещение акцентов с одних сюжетов на другие.

### Расслабленные в Евангелии

Одним из отрывков, имеющим в Евангелии исключительную важность, является сюжет о расслабленном – парализованном человеке (*o paralytikos* в оригинале), которого исцелил Спаситель. Нам, современным христианам, не совсем понятна необходимость как-то выделять образ паралитика среди прочих евангельских персонажей. Почему бы, например, не выделить особым образом исцеленных от проказы, слепоты, немоты и беснования? И уж тем более – воскрешенных Господом людей? Это чудо в любом случае более грандиозно, чем исцеление от паралича. Почему четвертая неделя после Пасхи вдруг получает название «О расслабленном»?

*...После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим. Есть же в Иерусалиме у Овечьих [ворот] купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил [в нее] по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью. Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится*

*вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня. Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели. Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте. Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже. Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус...» (Ин. 5, 1-15).*

Ощущение странности от посвящения расслабленному целой недели усиливается, когда в конце он, исцеленный, несмотря на предупреждение Христа, идет и по сути дела предает Его имя гонителям из иудеев, для которых соблюдение обрядовых принципов ветхозаветного закона важнее даже явного чуда от Бога.

Но в Церкви ничего случайного не бывает.

В Евангелии есть и другие случаи исцеления парализованных людей.

*...В один день, когда Он учил, и сидели тут фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима, и сила Господня являлась в исцелении [больных], – вот, принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен, и старались внести его [в дом] и положить перед Иисусом; и, не найдя, где пронести его за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его с постелью на средину пред Иисуса. И Он, видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои. Книжники и фарисеи начали рассуждать, говоря: кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, уразумев помышления их, сказал им в ответ: что вы помышляете в сердцах ваших? Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – сказал Он расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. И он тотчас встал перед ними, взял, на чем лежал, и пошел в дом свой, славя Бога...» (Лк. 5, 17-25. См. также: Мф. 9, 2-8; Мк. 2, 1-12).*

В обоих сюжетах помимо образа парализованного человека тексты объединяет и нечто другое: можно это назвать особым подходом Спасителя к делу исцеления человека. Но об этом чуть позже.

А пока следует сказать вот о чем. Священное Писание не является сугубо историческим документом и сводом нравственных правил. Правильнее сказать, оно не ограничивается только этой ролью. Его значение гораздо глубже и имеет множество уровней раскрытия и понимания. Евангелие, помимо всего прочего, может служить... и просто сборником рецептов в решении многих проблем, не только духовных, но и простых, житейских. Правда, эти рецепты не лежат на поверхности, не открыты для мгновенного понимания. Господь предлагает нам осмыслить причины и следствия всех явлений, затем показывает движение от причины к следствию, так, чтобы человек мог уже самостоятельно найти искомый рецепт.

Попробуем и мы понять, что же Господь хочет сказать каждому из нас повествованием об исцелении расслабленных.

### Причины и первопричины

Итак, начнем с причин, в данном случае – причин болезни. Писание однозначно говорит о подлинном источнике всех болезней – о грехе. Человеческая природа обрела болезненность и смертность через грех наших предков. Пусть неявно, но на страсти и грехе замешаны все проявления жизни человека.

Христос, обращаясь к исцеленному паралитику, прямо предупреждает его избегать греха, чтобы с ним в последующем не случилось чего-либо худшего. Возможно, Спаситель давал понять исцеленному, *какой* грех мог вызвать его болезнь. Мы можем только предполагать, какие склонности были у человека, болевшего тридцать восемь лет. Может быть, он был не воздержан в страстях, может быть, был склочником, за что, возможно, и был избит и парализован. Остается только гадать... Общая же закономерность понятна. Грех порождает болезнь. Болезнь же становится переходным этапом на пути к смерти. «...*Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть*» (Иак. 1, 15. См. также: Рим. 5, 12; Рим. 6, 23).

### Об условиях исцеления

Логично предположить, что исцеление от болезней и телесных немощей должно происходить через разрыв с грехом, прекращением его действия. И эта логика действительно видна в действиях и словах Спасителя, когда Он исцелял приходивших к Нему.

Внимательно читая евангельские тексты, мы видим, что Христос никогда не исцелял «наскоком». Всегда происходила особая прелюдия, где Спаситель либо требовал исповедания веры, либо же заявлял о прощении грехов человека. Иногда выполнение этих условий следует друг за другом. Иногда требуется только изъявление веры или только прощение грехов. Порой Господь дает исцеление как бы даром, требуя проявления веры или разрыва с грехом *в будущем*: выдается своего рода кредит доверия, как это было с расслабленным у Силоамской купели. Но закономерность, все-таки, более чем явная: без хотя бы малой веры и без прощения грехов исцеления не бывает...

В те времена, когда Христианская Церковь проходила этапы бурного роста и становления традиций, церковные отцы и учителя не проигнорировали этот евангельский закон. В формировании литургической традиции и в чинопоследованиях церковных Таинств был заложен акт проявления веры и покаяния.

Каждый верующий знает, что Причастие нельзя принимать без предварительной исповеди в Таинстве Покаяния. Елеособорование также совершается с предварительной исповедью, и в этом же Таинстве помимо исцеления происходит прощение забытых, малозначительных грехов. Исповедь необходима и перед Крещением; перед принятием Таинства Священства. В древности Брак совершался через совместное Причащение супругов, к которому добавлялось епископское благословение. Покаяние и прощение грехов, по сути, сопровождали всю мистическую жизнь Церкви.

## Теперь о рецептах

Вопрос о покаянии вроде бы понятен. Но как обрести веру – когда нет специального Таинства или молитвенного последования обретения веры, как, например, Таинство Покаяния? Вопрос остается во все времена открытым. Спаситель дал критерий наличия хотя бы крошечной веры в человеке: с помощью этой веры человек обретает способность двигать горы (Мф. 21, 21). Однако большинство из нас такой способностью не обладают, и получается, что даже маленькой веры мы, наверное, не имеем.

Но и для этой проблемы присутствует свой рецепт в Евангелии – в короткой гениальной фразе: *Верую, Господи! помоги моему неверию*» (Мк. 9, 24). То есть, вера *выпрашивается* у Бога. Ее невозможно «выдавить» из себя, стимулировать с помощью специальных упражнений. Как источником жизни и всего вокруг является Господь Бог, так только Он может стать Творцом нашей веры.

Но не все так просто и с покаянием. Мы как-то уже свыклись с тем, что достаточно поисповедоваться у священника, чтобы не чувствовать ответственность за свои преступления перед Богом. К сожалению, для многих из нас исповедь превращается в необходимую формальность, в «отчет о проделанных грехах». Внутреннего преобразования человека не происходит. Здесь есть и вина духовенства, которые часто также формально подходят к свершению этого Таинства. Здесь есть и вина простых верующих, которые ищут наиболее легких путей без дополнительных обязательств. Но никто не отменял главного значения покаяния – изменения самого себя, через непрестанную духовную работу над собой. Ту работу, силы для которой также дает только Бог. И с Божией помощью мы вполне способны изменить себя, порой даже радикально, до неузнаваемости, – нужна только решимость.

Этому препятствует извечный антагонизм целей человеческих и целей Бога. Во все времена человек стремился к обретению максимального комфорта в жизни. И если его достижение идет вразрез с евангельскими заповедями, человек чаще всего выбирает комфорт. Цель Бога совершенно иная. Он *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Логика Божественных действий направлена исключительно на спасение человека в вечности. При этом комфорт, телесное и душевное довольство человека, его здоровье и даже физическая жизнь не имеют никакого приоритета по сравнению с этой целью.

Именно поэтому болезнь человека называли в христианской традиции еще совсем недавно «посещением Божиим». Через немощь Господь воспитывает человека, призывает исправить ту или иную сторону жизни.

Вывод отсюда один. Исцеление через чудесное вмешательство Божие возможно и сегодня. И оно часто происходит. И по-прежнему Господь требует изъявления веры и покаяния, для того, чтобы прощены были грехи. Здесь нужно лишь только одно от желающих исцеления – искренней решимости изменить свою жизнь в соответствии с замыслами Божиими, о которых мы можем узнать, вдумчиво, внимательно читая Евангелие.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

## О богатых возможностях «бедной религии»

Едва ли не каждая проповедь, произносимая священником в среднестатистическом российском городе, включает в себя порицание в адрес не пришедших на службу прихожан. Укоры в адрес «формальных» христиан, которые посещают церковь только на Пасху, Рождество и в день крещения кого-то из близких, давно уже стали общим местом. Многие из верующих воспринимают их почти бесстрастно – без возмущения и скорби, а пожалуй что и с некоторым чувством превосходства над теми, другими, «ненастоящими».

Невоцерковленные составляют подавляющее большинство от общего количества христиан в России. Примыкают они, скорее, не к тем, кто ходит по воскресеньям к причастию, а к другому слою россиян. Согласно масштабному социологическому опросу, который проводился в 2012 году в рамках проекта «Атлас религий и национальностей», 25% россиян верят в Бога, но не исповедуют какую-либо конкретную религию.

Детально описать, классифицировать и объяснить этот феномен попытался культуролог Михаил Эпштейн. Книга «Новое сектантство», в которой он уделил много внимания «внехрамовым» верующим, вышла в 2002 году и получила большой резонанс в научной среде. А в прошлом, 2014 году, увидела свет книга Михаила Эпштейна «Религия после атеизма. Новые возможности теологии» (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014), где верующим без конкретного вероисповедания посвящен первый раздел.

Эпштейн считает большое количество не имеющих четкой конфессиональной принадлежности соотечественников логичным следствием семидесятилетнего богоборческого периода в истории страны. За это время успело вырасти несколько поколений людей, воспитанных в духе атеизма и отлученных от храмовой обрядовости, однако не утративших потребность в вере. Часть из них заняла свою нишу в активно возрождающейся с начала 1990-х религиозной жизни, другие не нашли в ней своего места. Для их веры автор предлагает термин *бедная религия* (или *бедная вера*).

По Эпштейну, «бедная религия» – это «вера в Бога, лишенная признаков конкретного вероисповедания, отвлеченная от исторических, национальных, церковных традиций». Исследователь называет «бедную религию» одной из основных составляющих постатеизма.

Отрицая в равной степени все веры, атеизм тем самым обнаруживает то, что их объединяет: целостное, нерасчлененное чувство Бога... Бедная религия есть общий знаменатель всех вер, их всеобщая форма, ставшая содержанием постатеистической веры.

Михаил Эпштейн не видит трагедии в утрате практического религиозного опыта, связанного с обрядами и традициями. Он, напротив, обнаруживает в этой ситуации возможности для принципиально новой формы духовности, свободной от канонов и догм, избавленной от лишнего посредничества. С его точки зрения, «бедная религия» органично вписывается в апофатизм, присущий русскому православному богословию и находящий отражение, в том числе, в отечественном искусстве.

Новая теология... есть теология воскресения, т.е. новой жизни Бога, за пределом его церковно-исторического тела. <...> Нулевой, или... минусовой градус – безверие, безбожие – пройден, и начинается новое возрастание веры, теистическое осмысление и преодоление атеизма. Через атеизм апофатическая теология отрицает себя как теологию, чтобы на следующей ступени, бедной религии, утвердить себя как верующий апофатизм уже по ту сторону всех атеистических отрицаний.

Много внимания в «Религии после атеизма» уделено концепциям будущего, пред-апокалиптического миропорядка, представленным в трудах Владимира Соловьева и Даниила Андреева. Автора интересует вероятность утверждения на земле всемирной теократии. И в некоторых приметах нынешнего государственного устройства России ему видятся черты будущего сращения церкви и государства.

По прочтении 400-страничного труда Михаила Эпштейна остается ощущение, что автор более всего убедителен и интересен в пограничных областях, на стыке дисциплин и моделей освоения мира. Например, в разделах, посвященных перспективам взаимодействия религии и науки или отражению христианских идей в литературе и искусстве.

Отдельные главы посвящены Книге Иова, Книге Екклесиаста и Песни Песней. Божественная истина, пишет автор, открывается там не сразу. Все они стартуют с некой «нулевой точки отсчета» (как и любимая автором «бедная религия») и лишь постепенно, как бутон, распускается в них Божие присутствие.

...В Екклесиасте как исходная дана позиция неверующего или безразличного к вере, угнетенного тщетностью и бессмыслием человеческой жизни перед лицом вечного повтора. Именно эта книга прежде всего открывает глубину Библии тем читателям, которые приходят к ней не от веры, а от неверия, той нулевой точки отсчета, от которой и начинается путь веры.

Книгу Иова автор сопоставляет с первой главой Книги Бытия, «Песнь Песней» – со второй. В обоих случаях Господь открывает человеку путь преодоления последствий грехопадения – от разделяющего по своей природе познания добра и зла к обретению утраченной целостности творения, воплощенной в Древе Жизни.

Убедительно и страстно развенчивает Эпштейн атеистическую теорию Ричарда Докинза об «эгоистичном гене», который якобы движет развитием человечества и всей живой природы. Автор справедливо уличает ученого-атеиста в антинаучности и имморализме, в попытке выдать миф за достоверное фундаментальное знание.

Там же, где Эпштейн рассуждает о сердцевине религиозной жизни и переходит



от концепций к фактам и нюансам, его слабое знание церковной жизни, да и святоотеческой литературы выдает в нем носителя той самой «бедной веры».

Вспоминаю, что, когда я завел собаку, мне стала понятнее вера в Бога. Я смотрел на нее и соизмерял с собой. Мы оба живые, хотим и любим жить. Мы оба едим, дышим, испытываем боль и радость... Но она не понимает 99% из того, что понимаю я. <...> Она не понимает, куда я уйду, что такое университет и в чем состоит моя работа. Она не понимает, что такое книги, как и для чего их читать. <...> ...Мерой моего превосходства над сознанием собаки я могу измерить превосходство другого сознания над моим – и тем самым признать достоверность его существования <...> ...Собака умерла, и вере моей стало недоставать чего-то предметного, повседневного, невоскресного.

«Бедная религия» – самый амбициозный и резонансный концепт «Религии после атеизма». Но она же, возможно, и самая уязвимая часть книги. Диагноз поставлен верно, но болезнь выдается за Божий дар, о котором автор говорит с нескрываемым пафосом. Собрание осколков разрушенного здания веры в России представляется ему новым этапом развития духовности, ступенькой наверх, «пред-верием».

Слабым звеном в теории Эпштейна выглядит именно привязка к российско-советской истории с ее периодом всевыжигающего атеизма. Так и не ясно, насколько уникален в итоге опыт российской «бедной религии». Ведь и в США, по словам автора, доля деноминированных верующих в последние годы растет. И европейская зрелая секулярность – не горячая и не холодная – оставляет все меньше места для страстной, искренней веры.

---

## О пользе сериалов

«Ты что, действительно смотришь сериалы?» – слышала я не раз от образованных друзей. Да, смотрю. Как и огромное большинство других зрителей, многие из которых отказались от просмотра ТВ, но от сериалов отказаться не в силах. И мне было стыдно признаваться в этом, пока я не прочла статью критика Анны Наринской «Умолчания и намеки»<sup>\*</sup>. «Сериалы – это новые книги», – пишет Наринская. Сериалы, продолжает она, популярны сегодня по одной простой причине: мы живем в другую, не книжную эпоху. И огорчаться по поводу этой привычки не стоит, ведь большинство книжек, если говорить о художественной литературе, как раз и были «сериалами» в восприятии наших предков. Романы Дюма-отца и даже Льва Толстого выходили по главам в журналах, и каждую главу с нетерпением ожидали читатели, все равно как сегодня мы ждем следующую серию...

Так же, как и с книжками, с сериалами надо быть осторожнее. И разборчивее. Есть среди них пустые и пошлые, есть «халтура», а есть и свои шедевры. Люди старшего поколения в свое время были очарованы мексиканскими и бразильскими теленовеллами «про большую и чистую любовь», американским «мылом» и сплошной чередой неотличимых друг от друга детективов. Сегодня на экраны пришли и другие сериалы, а самое главное – этот жанр мощно развивается на российском телевидении, хотя сериалы сейчас выходят в каждой стране постсоветского пространства.

Исторические, детективные, семейные, военные, фантастические, мистические, приключенческие, любовные, комедийные, медицинские... Они очень разные, сериалы. Каждый ищет что-то по своему вкусу и, как правило, находит. Особенно интересные возникают на стыке жанров. Есть сериалы, события в которых разворачиваются в соответствии с традиционным сюжетом, с наличием традиционных же «культовых» героев. Например, бесчисленные экранизации приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона. В них действие то переносится в современную эпоху, то само прошлое выглядит, как декорации в стиле «стим-панк»: герои ездят в танках на паровом

---

<sup>\*</sup>Умолчания и намеки. Анна Наринская о сериале «Оливия Киттеридж» по роману Элизабет Страут // Коммерсант. ru. 24 ноября 2014 г. (<http://www.kommersant.ru/doc/2618115>).

ходу и пользуются компьютерами на паровой тяге; то вместо Ватсона вообще действует женщина...

В многочисленных жанрах есть и такой, берущий начало в английской детективной литературе: главный герой-священник распутывает криминальные загадки на радость пастве. Наверное, родоначальником всех последующих версий главного героя был отец Браун (патер Браун) – священник, главный герой знаменитых рассказов Честертона, которые с успехом публиковались в первой трети прошлого века. Между прочим, у отца Брауна, рассеянного и забавного обладателя острого ума и потрясающей наблюдательности, был прототип – католический священник Джон О’Коннор, друг Честертона, который на пике популярности рассказов Честертона опубликовал и свою книгу: «Отец Браун о Честертоне». Приключения отца Брауна не раз экранизировались, последняя по времени версия вышла в 2013 году в виде, опять-таки, сериала.

Правда, в кино и сериалах священникам обычно не сильно везет. Священники – непременный атрибут мистических фильмов, в которых они выступают борцами со всякого рода нечистью. Они изгоняют ее, сражаются с вампирами, как незабвенный отец Каллахан в романах Стивена Кинга. В русской кинотрадиции священники, главным образом, появляются в социальных и исторических сюжетах, хотя режиссеры частенько передергивают, выставляя их глуповатыми ретроградами или даже коррумпированными и «сросшимися с властью» лжепастырями... Особняком стоят герои Петра Мамонова из фильма «Остров» и Олега Янковского из «Царя».

Однако в большинстве фильмов и сериалов, где присутствуют священники, им отведены эпизодические роли. Мельком являются они в кадре для совершения венчания или отпевания. Собственно, вопросы религии, веры, не говоря уже о быте, предназначении и деятельности священника остаются за кадром, как и жизнь верующего человека. Фильмы и сериалы невольно отражают особенности морали большинства наших современников. С походом в «красивую» церковь, где «красиво» поют, возможно, с опусканием некоторой суммы в ящичек у входа – но и только.

В 2009 году появился сериал «Пелагия и белый бульдог», снятый по одноименному роману Бориса Акунина, первому в трилогии, посвященной следовательским трудам монахини Пелагии. Как всегда у Акунина, сюжет романа (и сериала) выходит далеко за рамки детектива. В известном смысле, все романы Акунина – это реконструкция XIX века в России и попытка найти ответ на вопрос: почему с этой страной произошло то, что произошло, в веке XX? Картины провинциального быта, перекликающиеся с чеховскими и горьковскими пьесами, с прозой Лескова и Достоевского, «насажены» на остросюжетный детективный сюжет. Но главное, что есть в трилогии Акунина и что, к сожалению, совершенно выпало из сериала, – это размышления автора, вложенные в уста одного из главных героев трилогии, владыки Митрофания, о том, как светской власти следует сотрудничать с церковью, о веротерпимости, о способах правильного устройства общества... По мысли автора, построение такого общества вполне возможно. Однако все – в руках конкретного человека. Заволжская губерния процветала именно при архиерействе владыки Митрофания, а после – неминуемо пришла в упадок...

Проницательная монахиня Пелагия – «реинкарнация» незабвенной мисс Марпл

Агаты Кристи и целого ряда предприимчивых героинь «женского детектива». Пелагия, как все лучшие герои Акунина, – всегда рядом с людьми, по сути, она действует под врачебным девизом «не навреди!». Вера ее – действенна, поле ее деятельности – ежедневная «скучная» жизнь с ее обыденными «скучными» пороками...

Но все это – век XIX. Есть ли сериалы, рассказывающие о современных священниках? Оказывается, есть!

В этом году на российские экраны вышел новый сериал под названием «Отец Матвей»\*. Само название отсылает нас к первоисточнику – честертоновскому «Отцу Брауну». Да и жанр, в котором снят этот сериал, полностью ему соответствует – детективный.

И я, конечно, засела смотреть.

Действие сериала происходит в российской глубинке, в маленьком городке, судя по всему – в Суздале. Но название не важно, потому что эти события могли случиться в каком угодно месте – они типичны и узнаваемы. Сюжеты серий не поражают оригинальными запутанными ходами. Это истории, старые, как мир. О любви, ревности, мести, жадности, неутоленном материнском чувстве, о жизни бывшего вора или наркомана. А главное – о наших страхах. Чего мы боимся больше всего? Безработицы, безденежья, потери любимых, болезни? Или одиночества?

История закручивается с момента приезда в город отца Матвея с семейством – женой и тремя маленькими детьми. Он становится настоятелем давно заброшенной церкви, и на протяжении всего сериала церковь эта меняется, ее ремонтируют и реставрируют сами прихожане, но на первый, главный план эта тема деликатно не выходит...

Отец Матвей – человек очень добрый. Если нужно помочь ближнему, он мгновенно сорвется с места, не пожалеет ни времени, ни сил. Но «добреньким» его все же трудно назвать, главным мерилем добра, по отцу Матвею, является вера. То, что связывает человека и не позволяет ему грешить, удерживает – часто на самой грани порока... Что ж, может и не удержать. Все мы не без греха. Но задача отца Матвея – не обличать порок, а помогать тем, кто действительно хочет выбраться из его лап. И еще – утешить тех, кто потерял надежду, кто лишился близкого человека, кто болен и одинок. Но потворствовать никому он не станет. Добрый, но не «добренький», отец Матвей еще и необыкновенно сдержанный человек. Он смотрит на собеседника особым взглядом, не «поверхностным», а внутренним, отмечающим всякое притворство, ложь, хвастовство, грубую насмешку. Спокойным и ясным.

Под стать отцу Матвею и матушка Валентина. В ее хоре поют и девочки, и старушки, и, может быть, звучание его совсем уж ангельское, – но охотно прощаешь создателям сериала такую мелочь: пусть, неважно, поют ли так в жизни, главное – слушать и слышать.

Каждая история, которая случается с неугомонным отцом Матвеем, в конце концов, имеет свою мораль. Это законы жанра, тут все просто. И если поначалу некоторая «сусальность» сериала немного смущает, то всмотревшись, втянувшись, понима-

---

\* Сценарий Д. Фоминых-Дезомбре и А. Зернова; режиссер В. Девятилов. В главных ролях В. Колганов, Р. Галюченко, В. Адельфина и др. Год выхода – 2014.

ешь, что правда здесь все же есть. Потому что именно так должны разрешаться все наши неприятности. Именно так мы должны сносить горе и встречать радость. Без злобы, депрессии, гордыни. А просто, очень просто. С верой и надеждой. И с любовью, конечно.

Детектив – это, конечно, не самый интеллектуальный жанр. Зато показательный. Вот случилась ужасная история, и невинный загремел в тюрьму. И как-то радостно знать, что где-то есть люди, способные помочь, – пусть даже речь идет всего лишь о сериале. Верить в то, что, как бы ни было коварно зло, ему не скрыться и все, даже самые грустные истории будут иметь светлый финал.

И еще. На мой взгляд, привлекательность сериала как жанра – еще и в его наивно-поступательном движении в будущее. Зритель знает: что бы ни случилось, завтра встанет солнце, поедут по улицам машины, кто-то заболит, кто-то выздоровеет, мы будем завтракать-обедать-ужинать, будут встречи и целый ворох приятных и неприятных дел. И, конечно, выйдет новая серия. А раз так – мир остается с нами, вокруг нас, мы нужны ему, а он – нам. Значит, надо жить, верить и любить вопреки всему. Ведь уныние – грех...

---

## АВТОРЫ НОМЕРА

АСАНОВА Светлана – историк, кандидат исторических наук. Автор исследований по истории православия в Средней Азии. Преподаватель ташкентского филиала Российского государственного Университета нефти и газа им. И.М. Губкина. Живет в Ташкенте.

ВАСИЛЬЕВ Сергей – поэт, переводчик. Печатался в журналах «Арион», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Главный редактор детского журнала «Простокваша». Живет в Волгограде.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана с 1999 года. Преподаватель Воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.

ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КАЛАУС Лилия – писатель, журналист, книгоиздатель. Проза публиковалась в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Крещатик» и др. Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.

КАМЕНСКИХ Алексей – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин пермского филиала Национального Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Живет в Перми.

КОКИН Олег – преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ЛАРИНА Елена – художник, иконописец. Работала преподавателем на художественном отделении самаркандского Училища искусств им. Х.А. Абдурасулова. Живет в Самарканде.

МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования Сырдарьи. Живет в Ташкенте.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекстанской епархии. Живет в Ташкенте.

Юрий ФЛЫГИН – историк, автор исследований по истории православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекстанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Камол ШАНИЯЗОВ – историк (историограф и источниковед), кандидат исторических наук. Автор ряда публикаций по истории ислама в Средней Азии, по истории суфизма, по трудам средневековых арабских историков. Живет в Ташкенте.

## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии — в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

**Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: [vostok\\_svyshe@mail.ru](mailto:vostok_svyshe@mail.ru).**

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии ([http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament\\_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php](http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php)); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

**Восток Свыше**

Духовный, литературно-исторический журнал

Выпуск XXXVII

2015, № 2, апрель-июнь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**

Литературный редактор **Лейла Шахназарова**

Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан

Рег. № 02-15

Подписано в печать 18.03.15 г.

Печать офсетная. Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Тираж 1000.

Заказ № (от ).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.

Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»

100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

[www.pravoslavie.uz](http://www.pravoslavie.uz)